

2021.2 (4)

СФЕРА КУЛЬТУРЫ

научный рецензируемый журнал

культура и текст — философия и культура
документальное наследие — и библиография
культура и религия

СФЕРА КУЛЬТУРЫ

SPHERE OF CULTURE

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (4) 2021

ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)

СФЕРА КУЛЬТУРЫ

Научный рецензируемый журнал
№ 2 (4) 2021
12+

Главный редактор О.С. Наумова

Издается с 2020 года
Выходит 4 раза в год
ISSN 2713-301X
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77 - 79145 от 22.09.2020 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный институт культуры»

Адрес учредителя:

ул. Фрунзе, 167,
Самара, 443010
8(846) 332-76-54
rektor@smrgaki.ru

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный институт культуры»

Адрес издателя:

ул. Фрунзе, 167,
Самара, 443010

Адрес редакции:

ул. Фрунзе, 167, каб. 210,
Самара, 443010
8(846) 333 22 35
sphereofculture@smrgaki.ru

Полнотекстовая версия журнала размещена
в свободном доступе на официальных сайтах
ФГБОУ ВО «СГИК» <http://journal.smrgaki.ru>
научной электронной библиотеки www.elibrary.ru

Редактор Л.В. Кузьмина
Дизайн-верстка – А.А. Лелюк
Компьютерная верстка – Н.А. Зимина

При использовании опубликованных в журнале
материалов ссылка на журнал обязательна.
Рукописи рецензируются.

Подписано в печать 25.06.2021
Дата выхода в свет 28.06.2021

Формат 70x100/16
Усл. печ. л. 9
Тираж 200 экз. Цена свободная

Издание отпечатано в РИО ФГБОУ ВО «СГИК»
по адресу: ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010
E-mail: rio@smrgaki.ru

На обложке использовано фото Р. Наумова
(фрагмент танца театра «СКРИМ» СГИК).

© Самарский государственный институт культуры, 2021
© Сфера культуры, 2021

SPHERE OF CULTURE

Scientific peer-reviewed journal
№ 2 (4) 2021
12+

Chief Editor Olga Naumova

Published since 2020
4 issues per year
ISSN 2713-301X
Registration certificate
ПИ № ФС 77 - 79145 22.09.2020
issued by the Federal service for supervision
of communications, information technology and mass
communications

Founder:
Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
"Samara State Institute of Culture"

Founder's address:

167 Frunze Str.,
Samara, 443010
8(846) 332-76-54
rektor@smrgaki.ru

Publisher:
Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
"Samara State Institute of Culture"

Publisher's address:

167 Frunze Str.,
Samara, 443010

Editorial office address:

167 Frunze Str., office 210,
Samara, 443010
8(846) 333 22 35
sphereofculture@smrgaki.ru

The full-text version of the journal
is freely available on the official
SSIC websites <http://journal.smrgaki.ru>
scientific electronic library www.elibrary.ru

Editor L. V. Kuzmina
Design-layout – A.A. Lelyuk
Desktop publishing – N.A. Zimina

When using materials published in the journal,
a link to the journal is required.
Manuscripts are reviewed.

Signed to the press 26.06.2021
Release date 29.06.2021

Format 70x100/16
Conv. pecs. l. 9
The circulation of 200 copies. Free price

The publication is printed in the editorial and publishing
Department SGIK 167 Frunze Str., Samara, 443010
E-mail: rio@smrgaki.ru

R. Naumov's photo is used on the cover
(the dance episode of the theatre SKRIM)

© Samara State Institute of Culture, 2021
© Sphere of culture, 2021

Главный редактор

Наумова Ольга Сергеевна, доктор культурологии, доцент, ректор Самарского государственного института культуры, член Союза журналистов России

Заместитель главного редактора

Сложеникина Юлия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Самарского государственного института культуры

Научный редактор

Растягаев Андрей Викторович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологии и философии Самарского государственного института культуры

Ответственный редактор

Курмаев Михаил Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор Самарского государственного института культуры

Редакционная коллегия

Агеева Галина Михайловна, доктор культурологии, профессор, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева

Андреева Ольга Владимировна, доктор исторических наук, профессор, профессор Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета

Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Самарского государственного института культуры

Бурлина Елена Яковлевна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Самарского государственного медицинского университета

Вохрышева Маргарита Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор Самарского государственного института культуры

Вэньбо Чжан, кандидат филологических наук, доцент, главный редактор и основатель научного журнала Фуяньского педагогического университета провинции Аньхой

Дворкина Маргарита Яковлевна, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки

Домнина Светлана Валентиновна, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой Самарского государственного института культуры

Дятлов Дмитрий Алексеевич, доктор искусствоведения, доцент, профессор Самарского государственного института культуры

Журчева Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор Самарского государственного социально-педагогического университета

Журчева Татьяна Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Ионесов Владимир Иванович, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой Самарского государственного института культуры

Калегина Ольга Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор Казанского государственного института культуры

Кондаков Игорь Вадимович, доктор философских наук, профессор, профессор Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент Российской академии естественных наук

Корецкая Марина Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор Самарского государственного университета путей сообщения

Кривцун Олег Александрович, доктор философских наук, профессор, академик и член Президиума Российской академии художеств, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания

Куштым Евгения Александровна, кандидат философских наук, доцент, проректор по научной работе и международному сотрудничеству Южно-Уральского государственного института искусств им. П.И. Чайковского

Мазурицкий Александр Михайлович, доктор педагогических наук, доцент, профессор Московского государственного лингвистического университета

Мотульский Роман Степанович, доктор педагогических наук, профессор, генеральный директор Национальной библиотеки Беларуси

Левитт Маркус, доктор филологических наук, почетный профессор Дорнсифского колледжа литератур, искусств и наук Университета Южной Калифорнии

Летина Наталия Николаевна, доктор культурологии, доцент, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Лирицис Иоаннис, доктор философии, профессор археометрии и естественных наук Эгейского университета

Логонова Марина Васильевна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, заслуженный деятель науки Республики Мордовия

Панченко Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук

Перайка Анна, доктор философии, эксперт-культуролог, исследователь визуальной культуры, масс-медиа и креативных практик, лектор Университета Риека

Плешкевич Евгений Александрович, доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук

Портнова Татьяна Васильевна, доктор искусствоведения, профессор, профессор Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, член Союза театральных деятелей РФ, Международной академии культуры и искусства, Петровской академии искусства и наук, Почетный доктор (Великобритания)

Самарин Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель генерального директора по научно-издательской деятельности Российской государственной библиотеки

Скоробогачева Екатерина Александровна, доктор искусствоведения, доцент, директор музея, профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, главный научный сотрудник Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова, член-корреспондент АРС

Стоянова Радостина, кандидат филологических наук, главный ассистент Института болгарского языка им. профессора Л. Андрейчина Болгарской академии наук

Хлыщева Елена Владиславовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Астраханского государственного университета

Шуб Мария Львовна, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой Челябинского государственного института культуры.

Chief Editor

Olga Naumova, Doctor of Cultural Sciences, Rector, Samara State Institute of Culture, member of Russian Union of Journalists

Deputy Chief Editor

Yulia Slozhenikina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and International Affairs, Samara State Institute of Culture

Science Editor

Andrey Rastyagayev, Doctor of Philological Sciences, Chair, Samara State Institute of Culture

Assistant Editor

Mikhail Kurmaev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Samara State Institute of Culture

Editorial Board

Galina Ageeva, Doctor of Cultural Sciences, Professor, N. P. Ogarev Mordovia State University

Olga Andreeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Higher School of Press and Media Industry, Moscow Polytechnic University

Lyudmila Artamonova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair, Samara State Institute of Culture

Elena Burlina, Doctor of Philosophy, Professor, Chair, Samara State Medical University

Margarita Vokhrysheva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Samara State Institute of Culture

Zhang Wenbo, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Chief Editor, Journal of Fuyan Pedagogical University, Anhui Province, China

Margarita Dvorkina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chief Researcher, Russian State Library

Svetlana Domnina, Doctor of Economic Sciences, Chair, Samara State Institute of Culture

Dmitry Dyatlov, Doctor of Art History, Professor, Samara State Institute of Culture

Olga Zhurcheva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Samara State University of Social Sciences and Education

Tatyana Zhurcheva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Samara National Research University (Samara University)

Vladimir Ionesov, Doctor of Cultural Sciences, Chair, Samara State Institute of Culture

Olga Kalegina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Bibliography and Document Science, Kazan State Institute of Culture

Igor Kondakov, Doctor of Philosophy, Professor, Russian State University for the Humanities; Corresponding Member of the Academy of Sciences

Marina Koretskaya, Doctor of Philosophy, Professor, Samara State Transport University

Oleg Krivtsun, Doctor of Philosophy, Professor, Academician and Member of the Presidium of the Russian Academy of Arts; Honored Worker of Arts of the Russian Federation; Chief Researcher, State Institute of Art History

Evgeniya Kushtym, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Affairs, Tchaikovsky South Urals State Institute of Arts

Alexander Mazuritsky, Doctor of pedagogical Sciences, Professor, Moscow State Linguistic University

Roman Motulsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director General, National Library of elarus

Levitt Marcus, PhD, Professor Emeritus, University of Southern California, USA

Natalya Letina, Doctor of Cultural Sciences, Professor, K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University

Ioannis Liritzis, PhD, Professor of Archaeometry and Natural Sciences, Aegean University

Marina Loginova, Doctor of Philosophy, Professor, Chair, N.P. Ogarev National Research Mordovian State University; Honored Scientist of the Republic of Mordovia

Anatoly Panchenko, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Ana Peraica, PhD, Expert-culturologist, Researcher of Visual culture, Mass media and Creative practices, Lecturer, University of Riieka, Croatia

Evgeny Pleshkevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher, the State Public Scientific-Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Tatiana Portnova, Doctor of Art History, Professor, A.N. Kosygin Russian State University, member of the Russian Theater Union, International Academy of Culture and Art, Petrovsky Academy of Arts and Sciences. Doctor of Science (Honoris Causa) United Kingdom

Alexander Samarin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy General Director of the Russian State Library

Ekaterina Skorobogacheva, Doctor of Art History; Museum Director; Professor, I. Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture; Chief Researcher, L. Sobinova Saratov State Conservatory

Radostina Stoyanova, Ph.D., Chief Assistant, Institute for Bulgarian Language "Prof. Lyubomir Andreychin", Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria

Elena Khlyscheva, Doctor of Philosophy, Professor, Chair, Astrakhan State University

Maria Shub, Doctor of Cultural Studies, Professor, Chair, Chelyabinsk State University.

Культура и текст**М.Ю. ОСОКИН**«Похвала лету» В.К. Тредиakovского:
о грибах, мухах и механизмах
культурной памяти**Culture & Text****M.Yu. OSOKIN**V. K. Trediakovskii's «In praise of
summer»: on mushrooms, flies, and some
mechanisms of cultural memory **13****С.М. ФАУСТОВ**

Эволюция стиха как машины

S.M.FAUSTOVThe evolution of poems as machines **20****Философия и культура****В.А. КУЗНЕЦОВ**Идеализм как «Состав преступления»
(или о «реставрации» А.Ф. Лосевым
мира вечных идей)**Philosophy & Culture****V.A. KUZNETSOV**Idealism as «Criminal content»
(concerning a. F. Losev's «restoration»
of the world of eternal ideas) **29****А.И. ЛОЙКО**Кросс-культурные композиции
ландшафта контактных зон
цивилизационных сопряжений**A.I. LOIKO**Cross-cultural compositions
for landscape contact zones
of civilization connections **38****Культура и религия****В.Н. ЕРОХИН**Влияние Реформации на развитие
образования, науки и культуры в Англии
в раннее Новое время**Culture & Religion****V.N. YEROKHIN**The influence of Reformation on education,
science and culture in early modern
England **51****Документальное наследие
и библиография****Н.В. СЕРЕДА**Документы личного происхождения
тверских купцов как культурное наследие**Documentary heritage
& Bibliography****N.V. SEREDA**Personal documents of tver merchants as
cultural heritage **65****Е.С. БОГДАНОВА**Спецэффекты советского кино: метод
перспективного совмещения**E.S. BOGDANOVA**Special effects in soviet cinema: the
method of «combined perspective» **77****А.В. РАСТЯГАЕВ, Ю.В. СЛОЖЕНИКИНА**Роспись содержания журнала
«Трудолюбивая Пчела» (1759)**A.V. RASTYAGAYEV, YU.V. SLOZHENIKINA**A list of the contents of the journal "The
Industrious Bee" (1759) **85**

**ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА
НАУМОВА**

главный редактор
журнала «Сфера культуры»,
ректор СГИК,
доктор культурологии,
доцент, член Союза
журналистов России

Дорогие друзья!

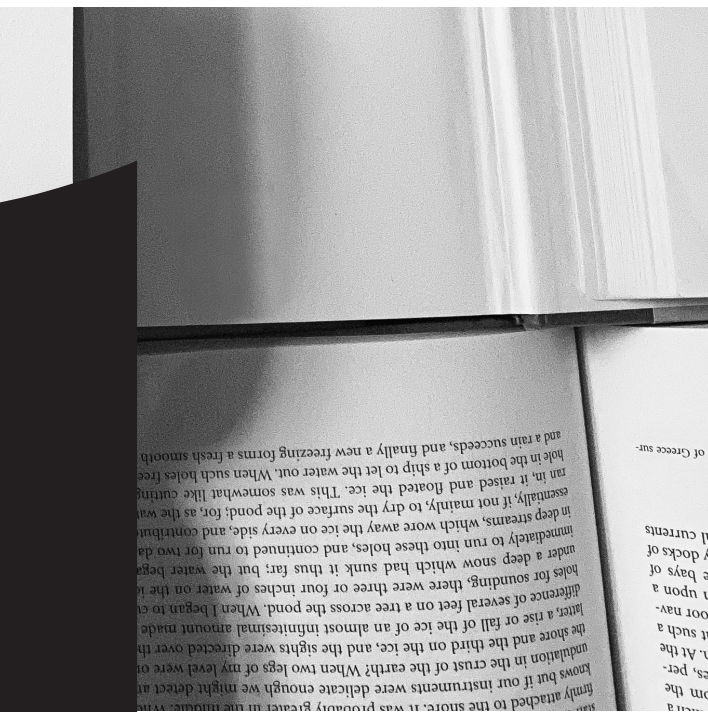
Четвертый номер журнала «Сфера культуры», который вы держите в руках, свидетельствует о завершении годового цикла издания, и нам можно подвести первые итоги. Вместе с вами, уважаемые коллеги, мы нашли свою нишу в освещении научных проблем в культурологии и смежных дискурсах: искусствоведении, литературоведении, философии, библиографоведении и др. Гордимся нашим сильным докторским составом редколлегии и благодарим за эффективную работу!

Редакционная политика нашего журнала ориентирована на принципы открытого доступа. На ресурсах eLIBRARY.RU, КиберЛенинка, Академия Google, Academia.edu, ResearchGate и проч. нас читают тысячи ученых из России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Сербии, Польши, Финляндии, США, Израиля, Франции, Италии, Индонезии и Таиланда. Наши авторы – признанные и авторитетные специалисты: научные сотрудники, преподаватели, работники библиотек, музеев, театров, творческих организаций, эксперты, дизайнеры. Мы и впредь намерены держать курс на развитие международного сотрудничества.

Очередной номер журнала получился международным: исследователи из России, Белоруссии, Таиланда вынесли на ваше обсуждение проблемы культурной памяти, реставрации «вечных идей» и влияния религии на культуру, культурного наследия в документалистике, журналистике и кинематографии, эволюции жанра, кросс-культурных ландшафтов.

Новых научных находок, плодотворного сотрудничества, успехов и благополучия!

...mission accomplished.
at. "But could they have kept going?"
"No doubt whatsoever. And let me point out, they were
lower, but their target was moving at system entry speed.
Wilhelmsen's targets were only randoms, from known fire point
nothing this real-time. But he gave us data that helped us.
wasn't a pointless sacrifice—never a pointless sacrifice." Tanza
had just shown up in mission control, Tanzer accepting han
skates of his staff, beyond the sound-damping spex, and th
while press corps was suddenly trying to figure out how to g
where they weren't going to be admitted. Villy clapped him o
the shoulder in passing and escaped the intercepts, while ano

...and meeting Eagle
es, sufficient to have
es a successful test of
m traffic will resume
ery, after that. Crews
their seats, pounding
regard of uniform or
he other side of the
were shouting ques-
the apparent proxim-

CULTURE & TEXT

КУЛЬТУРА И ТЕКСТ

УДК 82-1+316.3

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_13

М.Ю. Осокин

Саттахип (Таиланд)
mike.osokin@gmail.com**«ПОХВАЛА ЛЕТУ» В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО: О ГРИБАХ,
МУХАХ И МЕХАНИЗМАХ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ**

Стихотворение В.К. Тредиаковского «Похвала лету» не включалось в собрания его сочинений, оставаясь в списках. Текст, который здесь впервые публикуется, минуя печать, запал напрямую в коллективную память как карикатурный образчик его поэзии и там со временем утвердился уже в новом эстетическом статусе. В 1840-е гг. стихотворение, несмотря на иронические кавычки, в которые его заключали любители поэзии, вновь стало использоваться в исконной функции – функции лирического высказывания.

Ключевые слова: В.К. Тредиаковский, поэзия, культурная память.

Лето, лето, ты горяче,
Муhamи богато паче.
Ты жарчай лет многих всех,
По лугам сам скачет смех.
Только тем ты нелюбовно,
Что ты вот уж негрибовно¹.

С этим стихотворением В.К. Тредиаковского связан парадокс: наряду с «Поют птички со синички, / Хвостом машут и лисички» это, пожалуй, самые известные его стихи, которые ценители поэзии в XIX в. знали почти наизусть, несмотря на то что они – в отличие от «лисичек», осмеянных Ломоносовым: «Давно изгага всем читать твои синички, / Дорогу некошну, вонючия лисички», – не входили в собрания его сочинений и остались в рукописном виде. «Похвала лету» есть, например, в «Разных стиходействиях» (так называемом «Казанском сборнике», по которому текст воспроизводится выше) и в сборнике из архива Н.С. Тихонравова (датируемом по филиграммам не ранее 1779–1784 гг.); в последнем текст идентичный, с подписью «В: Т.»².

«Похвалу лету» вышучивал А.П. Сумароков в письме к Екатерине II от 31 января 1773 г.: «А еще лучше, ежели я стану сочинять "Tausend und eine Nacht" ("1001 ночь". – М. О.) или, по крайней мере, писать высокопарные оды, думая: <...>

Живу любовно;

Тому причина та, что лето не грибовно».³

Автор тут не указан, Сумароков явно рассчитывал, что Екатерина опознает аллюзию. При первой публикации строки не прокомментированы, а в примечаниях к републикации опознаны приблизительно: В. Степанов назвал их «пародийным подражанием словотворчеству В.К. Тредиаковского» [1, с. 219].

Несомненно, у Пушкина, когда он сочинял в 1833 г. «Ох, лето красное! любил бы я тебя, / Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи», были в голове мухи из «Похвалы лету». Фактически это переложение стихов Тредиаковского: оба лирических героя радуются лету, но жалуются

театра (сборник в сборнике), почти в точности повторяет соответствующую часть казанского: 17 нумерованных текстов на лл. 239–249, начиная с «Письма актера... Ф. И. Молчальникова директору российского театра В. И. Бибикову» и заканчивая «Похвалой лету», соответствуют № 115–120, 122–131, 133 «Разных стиходействий».

³ Переписка А.П. Сумарокова с разными лицами // Летописи русской литературы и древности. 1859–1860. Кн. 5, т. III, отд. III. Москва: Тип. Грачева и К°, 1861. С. 73.

¹ Тредиаковский В.К.]. Похвала лету // Разные стиходействия. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Лобачевского [Казанский федеральный университет]. Ед. хр. 4542. Л. 135.

² Тредиаковский В. Похвала лету // Сборник литературных, архивных и документальных произведений XVIII в. НИОР РГБ. Ф. 299 [Н.С. Тихонравов]. № 241. Л. 249. Стихотворный блок списка Н.С. Тихонравова, включающий эпиграмматическую перебранку актеров русского

[«только тем ты не любовно...» ср. «любил бы я тебя, когда б...») на сопутствующие досаждающие обстоятельства. Согласно воспоминаниям А.О.Смирновой-Россет, «Пушкин говорил, что его любимый поэт – Тредьяковский, а после него – граф Хвостов; в доказательство изящества Тредьяковского он цитировал два стиха:

О лето, лето, тем ты мне не любовно,
Что ахти не грибовно» [2, с. 418].

Основываясь, вероятно, на мемуарах, Даниил Лукич Мордовцев в романе «Двенадцатый год» (1880) заставит юного арапчонка Пушкина в присутствии М.Л. Магницкого и М.М. Сперанского выкрикивать строки: «Лето, лето горяче! Обильно мухами паче!»¹, а Николай Голицын в 1869 г. не слишком к месту вынесет в эпиграф к очерку о Царскосельском лицее:

«О лето, лето горяче,
Мухами обильно паче,
Только тем не любовно,
Что не грибовно!
В.К. Тредьяковский»², –

и примется многословно, на разные лады обыгрывать «вириши *онаго преблагознаменитаго мужа, Элоквенции профессора и всероссийскаго пииты*» в рассказе о летнем пансионе.

Стихи всякий раз цитировали на память с разными вариациями, из которых не было ни одной правильной. У Смирновой-Россет же в автобиографических записках стихи встречаются в другом виде, уже в собственном рассказе о том, как она «дразнила» немца, который восторгался Гансом Саксом и противопоставлял его «плевому Пушкину»: «Как же не так, а зато ваш башмачник

Hans Sachs не может сравниться с нашим великим Тредьяковским, этот был прямо скондачка и писал: “О лето, о лето, Тем ты не любовно, что вовсе не грибовно”. Смейтесь над грибами, вся Россия объедается грибами в разных видах, и жареных, и вареных, и сушеных. Мужики ими наживаются, и в необразованной Москве рынки завалены сушеными трюфелями. Я смерть люблю грибы, жареные на сковороде» [2, с. 214]³.

Стихи эти надолго сделались карикатурой и использовались для порицания Тредиаковского. Геннадий Симоновский в «Беседе с Ученым» (1832), где громится вся русская литература XVIII века, приводит иной вариант:

Скажите, что за чувство в сей идиллии:
Лето, лето, ты горяче,
Мухами обильно паче,
Но вот тем лишь не любовно,
Что вот ты вот не грибовно⁴.

Д.Н. Бантыш-Каменский, цитируя в своем словаре (1836) образчики дурной поэзии Тредиаковского, не затрудняясь установлением источника, ухудшает оригинал «Похвалы лету», – никто не скажет сейчас, с умыслом или так запомнилось, – частично передавая его амфибрахием:

«Удивительно, каким образом Тредьяковский, писавший: <...>

«О лето, ты лето горяче
Мухами обильно паче:
Только тем ты, лето, не любовно,
Что не грибовно», и проч. <...>

Каким образом такой жалкий стихотворец мог огорчать критику своей бессмертного нашего Пиндара? (см. биографию Ломоносова)» [5, с. 149–150]. Наряду с этой он приводит выписки:

¹ Мордовцев Д.Л. Двенадцатый год: исторический роман: в трех частях. Т. I. Санкт-Петербург: Тип. (бывшая) А. М. Котомина, 1880. С. 138. Фельетонист «Правды» К. Демидов в 1943 г. будет цитировать эти строки из третьих рук – по роману Мордовцева: «Газета “Штрасбургер цейтунг”, в свою очередь, отмахивается от тучи черных мух-слухов. Смысл ее статьи можно передать вирами Тредьяковского: “О, лето, лето горяче, обильно мухами паче!”» [3, с. 4].

² Голицын Н. Благородный пансион Императорского Царскосельского Лицея. 1814–1829. Санкт-Петербург: Тип. О.В. Ландсберг (Бакста), 1869. С. 276.

³ В «Литературных памятниках» ссылка осталась без комментария, а позднее указание В.А. Кошелева («Выражение Тредиаковского известно Смирновой, скорее всего, по “Старой записной книжке” Вяземского») безусловно неточно [4, с. 325]. Само собой, она запомнила эти две строки от Пушкина, когда они общались в 1830–1831 годах в Царском Селе, а Пушкин, конечно, как Н.М. Языков и Н.В. Гоголь, о которых ниже, помнил, как минимум, четверостишие.

⁴ Симоновский Г. Русский Жильбаз. Похождение Александра Сибирякова, или Школа жизни. Сочинение Геннадия Симоновского. Ч. 2. Москва: Тип. С. Селивановского, 1832. С. 144.

«Весна катит, / Зиму валит...» (с указанием «Из песенки Тред.»); «С одной страны гром, / С другой страны гром...» («Из описания грозы, бывшая в Гаге»); «Да здравствует днесь Императрикс Анна...»; «Там на низу при престоле стояла смерть цветобледна...» (с указанием «Из Тилемахиды»), но только при «Похвале лету» и сочиненной в Гамбурге «Песни» Анне Иоанновне (1730) не указывает источники¹.

Рассказывая о развлечениях воспитанников петербургского Императорского училища правоведения в конце 1830-х – начале 1840-х гг., мемуарист пишет: «Нам мало было Пушкина, Лермонтова, барона Дельвига, князя Вяземского, Языкова, Кукольника, мы познакомились и с Василием Кирилловичем Третьяковским, заучивали и цитировали и его творения. Конечно, это уже делалось как контраст; это было как кайенский перец к пище. Во время вечернего приготовления к завтрашним урокам, подчас надоедливым и скучным, какой-нибудь шутник, взойдя на кафедру, начинает:

О лето, лето, ты горяче
И мухами обильно паче
или:

Раз девка на реке, мыв платье зарыдала ...» [7, с. 46–47]².

В псевдоисторической сцене П. Григорьева «Указ 1756 года» (1856) комический актер Яков Шумский издева-

ется над Третьяковским, декламируя эти строки якобы из «Деидамии»:

«Шумский (*протяжно*). “Вы восхотели быть сама тем добровольно!” Деидамия! я... чтож я вам изреку?..

(*Скороговоркой*.)

О лето, ты лето горяче,

Мухами обильно паче,

Только тем ты, лето, не любовно,

Что грибовно — (*Все хохочут*.)

Третьяковский (*вскочив*). Позвольте! это вы не из трагедии...

Шумский. Ах, виноват! я столько переучил ваших стихотворений, что все вместе мешаю невольно...»³.

Актеры продолжают и дальше зачитывать стихи Третьяковского «не той материей». Рецензент пьесы в «Библиотеке для чтения» назвал это «остроумной мистификацией»⁴; на самом деле строки, с одной переменной, взяты из словаря Бантыш-Каменского. Ничего подобного в «Деидамии» (1750), разумеется, быть не могло. Эта высокая трагедия на античный сюжет, опубликованная посмертно в 1775 г., писана ямбическими гекзаметрами.

Тут стихи, искажаясь и варьируясь, еще используются для осмеяния Третьяковского, но уже в 1840-е гг., благодаря нескольким особенностям, перестают быть только карикатурой. Они чеканны, похожи на поговорки: «Коли грибовно, так и хлебно (хлебовно)», «В добре советно, а бедовно, не любовно»⁵, «Пережили лето горяче, переживем и г<овно> собаче»⁶, а главное коротки, и потому легко запоминаются и потом при случае всплывают в памяти.

¹ Отрывок из этой статьи Бантыш-Каменского со стихами о лете приводился в Собрании избранных сочинений Третьяковского [Собрание сочинений известнейших русских писателей. Выпуск третий. Избранные сочинения В.К. Третьяковского / изд. П. Перевлесского. Москва: Унив. тип., 1849. с. LVI], но само стихотворение в книгу не вошло. По словарю Бантыш-Каменского «Похвалу лету» процитирует И. Иванов в «Истории русской критики», чтобы торжественно изобличить Третьяковского: «Он “без вертопрашного тщеславия” заявлял, что “в прискивании рифм приобрел навык, не грызя ногтей и без поражения ладонью чела”. И это говорилось... о таком лиризме» [6, с. 133], хотя о прискивании рифм сказано по другому поводу в предисловии к «Тилемахиде».

² Второе стихотворение – это уже притча А.П. Сумарокова «Девка» [Сумароков А.П. Избранные сочинения в стихах / вступ. ст. Т.Е. Абрамзон; сост. и примеч. Т.Е. Абрамзон, М.А. Амелина. Москва: ОГИ, 2017. С. 354].

³ Григорьев П. В память столетия русского театра, оригинальное драматическое представление, составленное из трех отделений в прозе и стихах, с хорами и танцами. Сочинение П. Григорьева. 1756–1856. Санкт-Петербург: Тип. Главного штаба Е.И.В. по Военно-учебным заведениям, 1856. С.70.

⁴ Библиотека для чтения... / под ред. А.В. Дружинина. Санкт-Петербург: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1857. Т. 141, отд. IV. С. 98.

⁵ Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Ч. 1: [А–З] / О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те. Москва: Тип. А. Семена, 1863. С. 350, 134.

⁶ Твардовский без глянца / сост., вступ. ст. П. Фокина. Санкт-Петербург: Амфора, 2010. С. 56.

Стихи настолько врезаются в коллективную память, что приходят на ум уже невольно, когда жарко и нет грибов, или даже нежарким летом, и тогда они с легкостью превращаются в свою антитезу.

«Лето, лето, ты горяче,
Мухами обильно паче,
Только тем ты не любовно,
Что, увы, ты не грибовно!

Чтобы (так!) сказал бессмертный Тредьяковский в лето 1846 года, которое весьма горяче, и не грибовно, но мухами не обильно; мух почти незаметно; где они, что с ними случилось; уж не слишком ли им жарко и оне улетели в Архангельск на умеренное лето, потому что наше во все не северное»¹, – острит петербургский еженедельник «Иллюстрация» в июле 1846 г. Н.М. Языков 10 августа 1846 г. пишет к Н.В. Гоголю: «Я собираюсь в Москву; пора уже и на зимнее сидение. Июль и половина августа были у нас жарки невыносимо. Лето было гор^яче² и мухами богато паче, но “тем не любовно, что не грибовно”»³. Здесь нет ссылки на Тредиаковского, значит, Языков предполагал, что Гоголь должен был знать автора. 24–26 июня 1849 г. Г.С. Батеньков цитирует стихи в письме из Томска к А.П. Елагиной, тоже без ссылки, и стилизует продолжение: «Лето у нас непаче обильно мухами, не грибовно, безкомарно и не зело горяче. Громы часто... и теперь гремит»⁴. Петр Вяземский в «Путешествии на Восток» (1849–1850) пишет, проезжая рощи в Ливане: «Так пахнет иногда от них Русью, что захочется слезть с лошади и пойти по грибы, но вспомнишь Тредьяковского и скажешь:

Лето, всем ты любовно,
Но, ах, ты не грибовно»⁵.

¹ Иллюстрация: еженедельное издание всего полезного и изящного. 1846. 27 июля [Т. III, № 27]. С. 431.

² В публикации: «горше».

³ Шенрок В.И., Гатцук А.А. Николай Васильевич Гоголь // Русская старина. 1889. Т. 61 (январь). Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1889. С. 152.

⁴ Русские прописки. Материалы по истории русской мысли и литературы. Т. II / Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Москва: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. С. 69.

⁵ Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Т. IX: 1813–1852 гг. Санкт-Петербург, 1884. С. 287.

Провинциальный священник И.С. Белюстин (1819–1890) записывает в дневнике в августе 1849 г.: «10-е Августа. Целый день пробродив по лесам, кочкам и болотам, измученный и усталый принимаюсь однако ж за перо, чтобы накидать несколько мыслей, которые толпились в голове в то время, когда собирал я грибы. Прежде всего – в лесу мне вспомнились стихи Тредиаковского, которые при всей неблагозвучности своей, удивительно верно характеризуют нынешнее лето:

О лето прегоряче
Ты мухами обильно паче
Но тем ты лето мне любовно,
Что прегрибовно.

И в самом деле, такого обилия грибов, как в два лета, настоящее и прошедшее – не запомнят старики» [8, с. 36].

В эпоху реализма «грибы» и «мухи» уже не кажутся не поэтичными, архаизмы же становятся приметой «милой старины». Ирония, или привкус «кайенского перца», сохраняется, но уже не превалирует, и только священник Белюстин продолжает по инерции угрюмо критиковать искаженный словотворчеством текст за «неблагозвучность».

Все приведенные цитаты – как из первого, так из второго блока – роднит то, что авторы цитируют стихи исключительно по памяти; оригинала не знает никто. Текст в отсутствие его эдиционной «ратификации» был сокращен почти до объема частушки⁶ и сделался своего рода интеллигентским фольклором. То, что сначала запоминалось как образчик неуклюжей поэзии Тредиаковского,

⁶ Возникновение частушки принято датировать второй половиной XIX в., но уже в собрании пословиц и поговорок В. Анненкова конца XVIII в. встретился мне такой текст: «Лежит баба на току, полна жопа табаку, пришел голый с кабаку», напехал табаку» [Собрание просторечных мирских пословиц... [сост.] А. Анненков В. Асилий] // Сборник литературный, конец XVIII в. НИОР РГБ. Ф. 178 [Музейное собрание]. № 719. л. 123]. По размеру и всем приметам это частушка, которая затерялась в сборнике паремий, включавшем, однако, тексты других фольклорных жанров: «Бабы примета, которой мушкетер не работник, а на ноги съездит, тот на постели не работник» [Собрание просторечных мирских пословиц... [сост.] А. Анненков В. Асилий] // Сборник литературный, конец XVIII в. НИОР РГБ. Ф. 178 [Музейное собрание]. № 719. л. 92] и т. д.

потом легко приходило на ум, когда «жара», «мухи» или просто «лето», в итоге стихотворение вновь стало использоваться в функции лирического высказывания, т. е. в той, в какой задумывалось Тредиаковским.

По содержанию стихи примыкают к его ранней пейзажно-календарной лирике («Весна катит, зиму валит...» периода «московских школ», «Описание грозы, бывшая в Гаге», которое заканчивается словами «Дни нам надо красны, / Приятны и ясны»), приложенной к циклу при «Езде в остров Любви» (1730), однако в него не входили и, судя по хорею, написаны позже: Тредиаковский «забраковал ямб» и начал утверждать хорей в 1735 г. [9].

Как видно, из коллективной памяти совершенно выпали третий и четвертый стихи. Судя по третьему, стихотворение относилось не к лету вообще, как у Пушкина, а к конкретному лету, которое выдалось особенно жарким («Ты жарчай лет многих всех»). Не берусь датировать его на этом шатком основании: это могло быть как лето 1737 г., оставшееся в истории своими пожарами, так и любое позднейшее «горячее» лето 1740–50-х годов.

«Смех», скачущий по лугам, из четвертого стиха – постоянный персонаж идиллий; играми и смехами (обычно именно во множественном числе это кальки с французских *les Jeux* и *les Ris*) полны барочные балеты и российские буколики XVIII столетия. Это божества, составляющие свиты Венеры, Купидона, Флоры, Зефира или Дианы, и генераторы идилличности: они прогоняют грозные ветры и являясь залогом гармонии. «С тобой игры и смехи, / С тобой веселье, радость», – писал А. Сумароков в оде анакреонтической к Елизавете Херасковой (1762). Когда сочиняется элегия, утети, игры и смехи, наоборот, удаляются, ср. хотя бы элегии «Уже ушли от нас игранье и смехи...» (1759), «Он игры мои и смехи / Превратил мне в злу напасть...» («О места, места драгие!», 1740-х) А. Сумарокова, «Сокрылись мои дражайшие утети, / В жестокою

печаль преобразились смехи» (1759) А. Аблесимова, «Обратитесь в плачи, смехи...» у молодого Г. Державина («Без любезной грудь томится...», 1776).

Выветрилась из памяти также балансировочная клауза в последнем стихе. Она всякий раз заменялась собственными втычками (термин Н.П. Николева); близко к оригиналу ее воспроизвел только Г. Симоновский, но с шаржирующим плеоназмом. Между тем «вот» и «уж» – это излюбленные Тредиаковским лексические балансиры, с помощью которых он выравнивал метр: «Сделались невдолге небольшим *вот* Облачком» («Облако и земля»), «Так что будет от нея всех их жизнь уж бедна. <...> То вот, отлетевши от лесов она густых... <...> Да уж бедных птичек всех оными и ловят» («Ласточка и птички»), «Что путник епанчу с себя *вот* снял долой» («Солнце и борей»), «Оного Лисице захотелось *вот* поестъ; / Для того, домочься б, вздумала такую лестъ» («Ворон и лисица»), «Но в голубятню к ним чуть Ястреб *вот* вселился» («Коршун, голуби и ястреб»), «Чего для воду, плут, ты мутишь так ногами, / Что *вот* ко мне течет она вся нечиста?» («Волк и ягненок»), «Для того *вот* Журавля нанял он ценою» («Волк и журавль»), «Счастливо Козленок, некогда уйти успев / От гоняща Волка, в овчий заперся *вот* хлев» («Козленок и Волк»), «А ныне, как уж я тебе столь досадил, / Безмерно *вот* за то меня обогатил» («Человек и истукан»), «Слыша, Обезьяна захотела *вот* плода» («Обезьяна и орехи»), «Так что наконец ее всю уж обнажили» («Ворона, чванящаяся своими перьями»), «И ловить уж зверя в пищу силы не имел... <...> И Лисица *вот* пришла также пред пещеру» («Лев и Лисица») и т. п.

Позже стихи окажутся созвучными примитивистским стихотворным экспериментам, и сейчас снобизм людей первой половины XIX в., внезапно почувствовавших себя тонкими ценителями поэзии, выглядит смешнее, чем творчество Тредиаковского.

Список литературы

1. Степанов В.П. Комментарии // Письма русских писателей XVIII века / отв. ред. Г.П. Макогоненко. Ленинград: Наука, 1980. С. 182–223.
2. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / подг. С.В. Житомирская. Москва: Наука, 1989. 811 с.
3. Демидов К. Слоны, мухи и слухи. Маленький фельетон // Правда. 1945. 30 авг. (№ 216). С. 4.
4. Кошелев А.В. Примечания // Смирнова-Россет А. Воспоминания / сост., вступ. ст. и примеч. А.В. Кошелева. Санкт-Петербург: Азбука, 2011.
5. [Бантыш-Каменский Д.]. Тредьяковский Василий Кирилович // Словарь достопамятных людей русской земли... составленный Дмитр. Бантыш-Каменским и изданный Александром Ширяевым: в 5 ч. Ч. 5. Москва: Тип. Августа Семена, 1836. С. 146–150.
6. Иванов И. История русской критики. Ч. 1–2. Санкт-Петербург: Изд-во журн. «Мир Божий», 1898. 509 с.
7. [Молчанов М.М.]. Полвека назад. Первые годы училища правоведения в С.-Петербурге. Издал один из 1407 кончивших в оном курс выпуска 1845 года. Санкт-Петербург: Тип. Е. Евдокимова, 1892. 91 с.
8. Леонтьева Т.Г. Из истории провинциального духовенства: И.С. Белюстин. Заметки [1847–1850] / текст с оригинала переписан Е.А. Занегиным; подг. текста, вступ. ст., коммент. Т.Г. Леонтьевой. Москва; Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. 131 с.
9. Холшевников В.Е. Заметки о русском стихе XVIII века // XVIII век. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. Ленинград: Наука, 1981. С. 229–234.

Сведения об авторе:

Осокин Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, независимый исследователь

Moo 4, Tambon Tasao, Amphor Muaeng, Uttaradit 53000 Thailand
mike.osokin@gmail.com

Дата поступления статьи: 27.04.2021

Одобрено: 27.05.2021

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования:

Осокин М.Ю. «Похвала лету» В. К. Тредиаковского: о грибах, мухах и механизмах культурной памяти // Сфера культуры. 2021. № 2 (4). С. 13–19. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_13

УДК 82-1+316.3

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_13

M. Yu. Osokin

Sattahip (Thailand)

mike.osokin@gmail.com

V.K. TREDIAKOVSKII'S «IN PRAISE OF SUMMER»: ON MUSHROOMS, FLIES, AND SOME MECHANISMS OF CULTURAL MEMORY

V.K. Trediakovskii's poem «In Praise of Summer» was not included in his collections of poetry or complete works and only appeared in manuscripts, and many well-educated people remembered it as example of his bad poetry. In collective memory the poem was reduced from six to four lines and was always cited ironically, almost as a self-caricature. However,

over time its original lyrical quality could also be perceived. In the 1840s. the poem, despite the ironic quotation marks presumed by lovers of poetry, «In Praise of Summer» began to reassume its original function – the function of a lyric utterance describing the summer season.

Keywords: V. Trediakovsky, poetry, cultural memory.

References

1. Stepanov, V.P. (1980) *Kommentarii. Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka* [Letters of Russian Writers of the 18th Century. Ed. G.P. Makogonenko]. Leningrad: Nauka, 182–223. (In Russian).
2. Smirnova-Rosset, A.O. (1989) *Dnevnik. Vospominaniya* [Diary. Memories. Ed. S.V. Zhitomirskaya]. Moscow: Nauka. (In Russian).
3. Demidov, K. (1945) Slony, mukhi i slukhi. Malen'kii fel'eton [Elephants, flies, and gossips. Short satirical article]. *Pravda*. August 30, 216 (9352). (In Russian).
4. Koshelev, A.V. (2011) Primechaniya [Notes]. Smirnova-Rosset A. *Vospominaniya. Sost., vstup. st. i primech. A.V. Kosheleva* [Memories. Compiled by A.V. Koshelev]. St. Petersburg: Azbuka. (In Russian).
5. [Bantysh-Kamenskii, D.] (1836) *Tred'yakovskii Vasilii Kirilovich' [Trediakovsky Vasily Kirillovich]. Slovar' dostopamyatnykh lyudei russkoi zemli... sostavlennyy Dmitr. Bantysh-Kamenskim i izdannyi Aleksandrom Shiryayevym. V pyati chastyakh* [Dictionary of Memorable People of the Russian Land by D.N. Bantysh-Kamensky in five parts]. Part 5. Moscow: Tip. Avgusta Semena (In Russian).
6. Ivanov, I. (1898) *Istoriya russkoi kritiki* [A History of Russian Literary Criticism]. Parts 1–2. St. Petersburg: Izd-vo zhurnala "Mir bozhii". (In Russian).
7. [Molchanov, M.M.] (1892) *Polveka nazad. Pervye gody uchilishcha pravovedeniia v S.-Peterburge* [Half a Century Ago. The Early Years of the St. Petersburg School of Law]. St. Petersburg: tip. E. Evdokimova. (In Russian).
8. Leontieva, T.G. (2001) *Iz istorii provintsial'nogo dukhovenstva: I.S. Beliustin. Zametki (1847–1850)* [From the History of the Provincial Clergy: I.S. Belyustin. Notes (1847–1850)]. Ed., intro., and notes by T.G. Leont'eva]. Moscow; Tver': Tverskoi gos. un-t. (In Russian).
9. Kholoshevnikov, V.E. (1981) *Zametki o russkom stikhe XVIII veka* [Notes on Russian Verse of the 18th Century] *XVIII vek. Sbornik 13* [The 18th Century. Issue 13]. Leningrad: Nauka, 229–234. (In Russian).

About the author:

Mikhail Yu. Osokin, PhD in philology, independent researcher

Moo 4, Tambon Tasao, Amphor Muaeng, Uttaradit 53000 Thailand

mike.osokin@gmail.com

УДК 82.930.272

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_20

С.М. Фаустов

Вологда

Вологодский государственный университет

ship12g@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ СТИХА КАК МАШИНЫ

В статье рассматриваются примеры использования физических терминов для описания литературных произведений. Слова «сила», «мощность», «машина» издавна применялись как инструменты для толкования текстов. Если стихотворение — это машина, сделанная из слов, то оно производит эффект или выполняет предназначенную работу. Работа, проделанная этой «машиной из слов», происходит в сознании читателя, в его душе и обогащает новыми знаниями его разум. Автор доказывает гипотезу на примерах из поэзии прошлого и нынешнего веков. Показаны приемы, усиливающие аналогию стиха и машины, а также эволюционные изменения, происходящие как в поэзии, так и в машинах. Это позволяет по-новому увидеть сложные процессы в современном мире.

Ключевые слова: стихи, сила, машина, эволюция, критика, теория, литература.

В книге «Поэтическая сила» К. МакКлафлина утверждается, что теория силы, разработанная в эстетике Иммануила Канта (в его теории динамического возвышенного), имеет решающее значение для поэзии XIX в. и для связи между поэзией и философией последних двух столетий. К. МакКлафлин использовал эту теорию силы, чтобы описать творчество некоторых писателей XIX в., предложив свежий взгляд на поэтический язык и его эстетические, этические и политические возможности [1].

Русские и зарубежные исследователи часто использовали понятие силы как инструмента для толкования текстов, равно как и для получения новых знаний. Из последних публикаций представляет интерес работа Е.И. Зейферт [2]. Она пишет: «Слову “сила” близко понятие “энергия”» [2, с. 104]. Литературоведы исследовали энергию внутри произведения. Так, Л. Выготский связывает движение энергий в художественном произведении с процессом и результатом получения эстетического катарсиса: «...закон эстетической реакции один: она заключает в себе аффект, развивающийся в двух противоположных направ-

лениях, которые в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находят свое уничтожение» [3, с. 223]. Описан процесс, происходящий в цилиндре двигателя внутреннего сгорания.

Сила измеряется в Н (Н), Ньютонах. Эта размерность ни о чем не говорит, если ее не раскрыть. В действительности Ньютон — это вещество в пространстве и времени, т. е. некая масса в килограммах, помноженная на некое расстояние в метрах, поделенное на время в секундах, причем в квадрате. Ничто в силе так не проявляется, как время, чем оно меньше, тем больше сила. Британский адмирал Фишер сформулировал очень сильный принцип ведения боевых действий в Первую мировую войну: «Мало, но быстро».

В 1944 г. американский поэт и врач Уильям Карлос Уильямс писал: «Стихотворение — это маленькая (или большая) машина, сделанная из слов, или поэзия — это машина, которая управляет, доведенная до совершенной экономии. Как и во всех машинах, ее движение внутренне волнообразно, и, скорее, физическое, чем литературное» [4]. Ученый и поэт Ник Стурм говорил про него: «Не он

первый и не он последний, кто это сказал, но это заявление привлекательно. Уильямс не уточняет, что он имеет в виду, когда говорит, что стихотворение – это машина, сделанная из слов. Это простая машина? Сложная машина? Является ли машина синонимом системы? Каковы последствия для поэмы как машины против более известной бюрократической машины власти? Здесь мы имеем продолжение метафоры “поэма как машина” с такими словами, как “делает”, что предполагает ремесло и внешнее производство, и “движение”, которое напоминает о внутренней работе машин. Когда мы говорим на семинаре “Вот где стихотворение действительно начинает работать”, “Ваше стихотворение набирает обороты после этих строк”, или “Что производит это стихотворение?” мы используем метафору “стихотворение как машина”, даже если мы этого не знаем” [5].

В Древней Греции говорили: «Ἐγώ ποιητής», т. е. «Я поэт». Слово ποιητής происходит от древнегреческого же слова ποιέω (делать) и ποιέω (создавать). То есть поэма – это сделанная вещь, творение, артефакт, а поэт – создатель. Если это машина, сделанная из слов, то она производит какой-то эффект или выполняет какую-то работу, что-то делает, а именно то, для чего предназначена. Работа, проделанная этой «машиной из слов», происходит в сознании читателя, в его душе, обогащает новыми знаниями его разум.

Критик или просто читатель, анализирующий стихотворение, подобен механику, разбирающему машину, чтобы понять, как она работает. Мне, как механику по образованию, было очень неожиданно и удивительно узнать о такой трактовке, хотя некоторые элементы такого подхода мне были известны и ранее.

Как и сама поэзия, поэтический анализ может принимать различные формы и осуществляться по многим направлениям. Можно исследовать стихотворение, чтобы получить более осознанное понимание того, как оно достигает своих

результатов. Можно использовать известные или новые инструменты поэтического разбора для расширения и развития своего критического мастерства, чтобы извлечь все, что может предложить произведение, ничего не пропустить и получить более полную и нужную оценку стихотворения. Интерес представляет и композиция художественного произведения, которая, по сути, является сборкой ключевых узлов, а композиция – второе содержание произведения.

Машина, как динамическая система, интересна не в своей статике, а когда она работает в движении. Так же и стихотворение ничего собой не представляет, если видеть только ровные строчки из букв, но едва начинаешь читать, как строки, накладываясь друг на друга, образуют слой за слоем, добавляя новые слои. Именно так работает машина, называемая 3D-принтер, создающая изделие или артефакт по слоям, по так называемой аддитивной технологии.

Посмотрим теперь на некоторые примеры, иллюстрирующие вышесказанное.

Стихотворение Олега Чухонцева, например, демонстрирует следующим образом работу «машины из слов»:

И вот сосед снимает китель,
фуражку вешает на гвоздь.
Он, огородник и любитель,
почуял страсть и даже злость.

О, как ему осточертело –
дежурка... граждане... народ...
Вот огурцы – другое дело.
Деревня... Детство... Огород...

Соли, соли, пока не поздно,
смурную душу отводи,
гляди не грозно, а серьезно
и даже весело гляди¹.

Здесь «дежурка... граждане... народ... деревня... детство... огород...», двойное «соли, соли» создают эффект хорошо

¹ Чухонцев О. Из трех тетрадей: стихи. Москва: Совет. писатель, 1976. С. 32.

отлаженной ритмичной работы машины.
Такой же, как у Маяковского:

Жил Тит.
Таких много!
Вся надежда у него
на господ-бога.
Был Тит,
как колода, глуп.
Пока не станет плечам горячо,
машет Тит
со лба на пуп
да с правого
на левое плечо¹.

Обратимся к современной поэзии, а именно, к Марии Марковой [5], у которой трудно заподозрить стихотворения в каких-либо механических проявлениях, но, например, в этом решено по-своему:

...Как будто я вошла без спроса,
полдня играла у окна,
смотрела фильм одноголосый
про одиночество – одна,
а вечером нетерпеливо
в стекло стучала ветка ивы,
и ветер бился, и вода,
холодной призрачной щекою
к стеклу прижавшись, иногда
заглядывала и гадала,
что происходит в темноте
и почему не открывают
деревьям, ветру и воде.

А ночью... что же было ночью,
куда смотрела ты тогда,
непрочная вода, проточная,
непостоянная вода?²

Последние четыре строки как финальная кода музыкального произведения, заключительный аккорд с ритмичным навязчивым повтором: «непрочная вода, проточная, непостоянная вода». Так много эпитетов для одной только воды, чтобы усилить драматизм одиночества. Подобным образом поступает тракторист, когда перед глушением мотора «газует» на повышенных оборотах, чтобы оставить свой трактор в одиночестве на ночь. А может быть, навсегда.

¹ Маяковский В. Собрание сочинений: в 8 т. Москва: Правда, 1968. Т. 3. С. 316.

² Маркова М. Однолетники пустоты... [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2015/11/21/6061> (дата обращения: 22.05.2021).

Точно так же некоторые стихи вознаграждают внимательное чтение и отвечают проникновенному взгляду. Вот, например, начало стихотворения Наты Сучковой:

В детском парке катают на пони
Изо всех — в пол-лошадки — сил,
Ослик стершийся на иконе
Морду грустную опустил³.

Здесь пони, лошадка и ослик как единый связывающий образ, однако ослик на иконе означает, что речь идет о церкви, расположенной рядом с детским парком, а дальнейшее повествование идет именно как описание происходящего внутри нее. Там и висит икона, изображающая «Вход в Иерусалим» с осликом и Иисусом Христом. В стихотворении внутри одного образа произошло движение от общего (парка) к частному (в церкви). Более того, здесь Ната Сучкова употребила даже единицу мощности машин: «в пол-лошадки – сил». Это «мощность стихотворения». (Здесь следует поставить смайлик). В Вологде, где живет Ната Сучкова, все знают детский парк и расположенную прямо в нем церковь Иоанна Предтечи. Я мимо нее на работу хожу. Интересно, что в последнее время романтические лошадки все реже появляются для прогулок с детьми, зато большой выбор детских машин для езды по парку. Парк эволюционирует вместе с нашими представлениями о стихах.

А. Генис писал: «Динамичные отношения между временем и вечностью Бродский выстраивает на водных метафорах. То рекой, то дождем, но чаще морем они омывают его (И. Бродского) стихи. Конфликт в них создает противоречие общего с частным. Мы, например, лишь частный случай куда более общего мира, в котором нас нет»... и дальше цитируется отрывок из стихотворения И. Бродского «Моллюск»:

Сворачивая шапито,
грустно думать о том,

³ Сучкова Н. Ход вещей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/druzha-narodov/d2-2014/22824-hod-veschey.html> (дата обращения: 22.05.2021).

что бывшее, скажем, мной,
воздух хватая ртом,
превратившись в ничто,
не сделается волной¹.

Это осознание, описанное в стихотворении, вызывает острую эмоциональную реакцию, и она, как воздействие на читателя и есть та «работа», для которой предназначена эта «машина слов». Хотя стихотворение не юмористическое, его «механизм» сродни механизму большинства шуток: внезапное изменение перспективы и угла зрения вызывает немедленную и интуитивную реакцию читателя.

Так произошло и в уже упомянутом стихотворении О. Чухонцева:

Соли и камень на кадушку
Клади тяжелый, как судьба².

Кажущаяся легкомысленность стиха легко переходит в драматический реализм. Машина сработала. Противопоставление, противоречие, контраст строятся таким образом, что заключительная часть высказывания по форме будто бы противоречит началу, а на самом деле усиливает его, развивает. Хорошо это видно на примере фразы, которую приписывают Диккенсу: «У неё был изжелта-бледный цвет лица, который, впрочем, компенсировался ярким румянцем на носу».

Именно о таких и многих других им самим придуманных противоречиях писал гений кинематографии Сергей Эйзенштейн, говоря о том, что такое фильм, кино: «Итак, монтаж – это конфликт. Как основа всякого искусства всегда конфликт. [Своеобразное “образное” претворение диалектики]... Кадр же является ячейкой монтажа. И, следовательно, рассматривать его надлежит тоже с точки зрения конфликта. <...> Если уж с чем-нибудь сравнивать монтаж, то фалангу монтажных кусков – “кадров” –

следовало бы сравнить с серией взрывов двигателя внутреннего сгорания, перемножающихся в монтажную динамику “толчками” мчащегося автомобиля или трактора» [6, с. 43].

Стихотворение не является ли такой же «фалангой монтажных кусков»?

Это самое интересное, но и самое сложное – скрытое противоречие в тексте, и даже за его пределами, это как игра в прятки. Если мы ничего не видим, то это не значит, что нет процесса некой игры. Мы свободны, можем в нее играть, и тогда из имеющихся фиксированных узлов мы можем сами создать игру в прятки и придать ей самостоятельный смысл для познания нашего, и без того непростого, мира.

Все стихи можно разделить на два типа. В одних стихах описано чувство, и это чувство нам знакомо. Эти стихи привычны и комфортны, они узнаваемы, они могут содержать метафоры и приемы, очень нравящиеся читателям. Они не вызывают отторжения, в них нет темных мест, они не вызывают удивления и потребности задуматься. Они все как бы предназначены для получения удовольствия и приятности, этакий поэтический «чилаут».

Вот второй тип, возможно, относится к наиболее значимым отклонениям от норм. Стихи сегодня насыщены теми мимикрирующими образами, способными сказать многое, но непонятное, содержат большой набор нечетких средств. На такие стихи невозможно писать рецензии, которые мы привыкли писать раньше. А новые писать еще не научились. За последние годы не только поэзия изменилась, литературная критика успела (как считают некоторые) исчезнуть, причем одновременно во всем мире. Как писали в журналах: «Критики демонстрируют умение письма, но не умение критики» [7]. Существующие критические статьи представляют собой обзоры публикаций, сборников, но не анализ поэтического текста. Мы, однако, говорим не о критике, а о стихах как машинах, считая, что эти две категории

¹ Генис А. Атлантида. К 25-й годовщине смерти Иосифа Бродского. Из рубрики «Кожа времени» [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/01/28/88923-atlantida> [дата обращения 22.05.2021].

² Чухонцев О. Из трех тетрадей: стихи. Москва: Совет. писатель, 1976. С. 33.

совершенно неразрывны друг от друга. Поэзия идет впереди, а критика пытается не отставать. И вот уже возникает новая терминология: «темные места», «герменевтика подозрительности» [8; 9], «поэзия за пределами текста» [10] – все это, говоря словами Сартра, попытки «поймать поэзию» за хвост.

Современные ученые, главным образом западные, утверждают, что после того, как в течение XX в. возникало много теорий, на которые опиралась критика (реализм, соцреализм, символизм, структурализм, феминизм, постмодернизм, наконец), сегодня нет ни одного «изма»,

который питал бы критику. И вот когда это произошло, начали задумываться над тем, что такое теория вообще.

Как пишет Рита Фелски [11], дело не только в том, что современная литература дает возможность по-новому интерпретировать мир и наше «я», и даже не в том, что она дает более значимые и удовлетворительные истолкования, а в том, что она позволяет это лучше делать, чем любая теория или критика.

Остается только научиться читать стихи нового поколения (пользоваться машиной, у которой нет пилота).

Список источников и литературы

1. McLaughlin K. Poetic Force. Stanford: Stanford University Press, 2014. 216 p.
2. Зейферт Е.И. Сила как теоретико-литературная категория (на материале лирики Алексея Парщикова) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 9. С. 102–115.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 480 с.
4. Williams W.C. Author's Introduction to The Wedge // Selected Essays of William Carlos Williams. New York: New Directions, 1954 [Электронный ресурс]. URL: <https://jacket2.org/commentary/poem-machine> (дата обращения: 14.05.2021).
5. Staff H. The Poem as Machine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poetryfoundation.org/harriet-books/2012/01/the-poem-as-machine> (дата обращения: 14.05.2021).
6. Эйзенштейн С. М. Монтаж. Москва: ВГИК, 2000. 588 с.
7. Фаустов С. Экспертный обзор. Апрель-2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2021/05/10/5431> (дата обращения: 14.05.2021).
8. Фаустов С. Гуманитарные эксперименты. Москва: Издательские решения, 2016. 88 с.
9. Фаустов С. Гуманитарные эксперименты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/sergey-faustov/gumanitarnye-eksperimenty/chitat-onlayn/> (дата обращения: 14.05.2021).
10. Literary Criticism [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poetrybeyondtext.org/literary-criticism.html> (дата обращения: 24.04.2021).
11. Atnip L. [Review] // Tradition & Discovery: The Polanyi Society Journal. 2019. Vol. 45, Issue 2. P. 62–64. Book review: Felski, R. The Limits of Critique. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2015. 232 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/38450889/Review_Rita_Felski_The_Limits_of_Critique (дата обращения: 14.05.2021).

Сведения об авторе:

Сергей Фаустов – литературный псевдоним **Сергея Михайловича Щекина**, кандидата технических наук, доцента Вологодского государственного университета

ул. Галкинская, 3, каб. 332, Вологда, 160000
ship12g@gmail.ru

Дата поступления статьи: 20.05.2021

Одобрено: 27.05.2021

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования:

Фаустов С.М. Эволюция стиха как машины // Сфера культуры. 2021. № 2 (4). С. 20-26.
DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_20

УДК 82.930.272

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_20

S.M. Faustov

Vologda

Vologda State University

ship12g@gmail.ru

THE EVOLUTION OF POEMS AS MACHINES

This article discusses the use of physical terms to describe literary works, words such as «force», «power», and «machine», that have long been used to interpret texts. If a poem is a machine made of words, then it produces an effect or does intended work. The work done by this «machine of words» takes place in the reader's mind or soul and enriches the mind with new knowledge. The author illustrates

this idea with examples from poetry of the past and present centuries. Techniques that reinforce the analogy between verse and machine are shown, as well as the evolutionary changes occurring in both poetry and machines. This provides a new perspective on the complex processes of the modern world.

Keywords: poetry, power, machine, evolution, criticism, theory, literature.

References

1. McLaughlin, K. (2014) *Poetic Force*. Stanford: Stanford University Press. DOI: 10.2307/j.ctvqr1d2k
2. Zeifert, E.I. (2020) Sila kak teoretiko-literaturnaya kategoriya (na materiale liriki Alekseia Parshchikova) [Power as a theoretical and literary category (on the material of Alexey Parshchikov's lyrics)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiya* [Bulletin of Russian State University of Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology], 9, 102-115. DOI 10.28995/2686-7249-2020-9-102-115. (In Russian).
3. Vygotskii, L.S. (1998) *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Rostov n/D.: Feniks. (In Russian).
4. Williams, W.C. (1954) Author's Introduction to The Wedge. *Selected Essays of William Carlos Williams*. New York: New Directions. URL: <https://jacket2.org/commentary/poem-machine> (Accessed: 14.05.2021).
5. Staff, H. (2012) *The Poem as Machine*. URL: <https://www.poetryfoundation.org/harriet-books/2012/01/the-poem-as-machine> (Accessed: 14.05.2021).
6. Eizenshtein, S.M. (2000) *Montazh* [Montage]. Moscow: VGIK. (In Russian).
7. Faustov, S. (2021) *Ekspertnyi obzor: April'-2021* [Expert review. April 2021]. (In Russian). URL: <https://stihi.ru/2021/05/10/5431> (Accessed: 14.05.2021)
8. Faustov, S. (2016) *Gumanitarnye eksperimenty* [Humanitarian experiments]. Moscow: Izdatel'skie resheniya (In Russian).

9. Faustov, S. (2016) *Gumanitarnye eksperimenty* [Humanitarian experiments]. (In Russian). URL: <https://www.litres.ru/sergey-faustov/gumanitarnye-eksperimenty/chitat-onlayn/> [Accessed: 14.05.2021].
10. *Literary Criticism*. URL: <http://www.poetrybeyondtext.org/literary-criticism.html> [Accessed: 14.05.2021].
11. Atnip, L. (2019) Review of Felski, Rita. *The Limits of Critique*. Chicago, IL: University of Chicago Press. *Tradition & Discovery: The Polanyi Society Journal*, 45, 1, p. 62-4. DOI: 10.5840/traddisc20194517 URL https://www.academia.edu/38450889/Review_Rita_Felski_The_Limits_of_Critique [Accessed: 14.05.2021].

About the author:

Sergei Faustov is the literary pseudonym of **Sergei Mikhailovich Shchekin**, Ph.D., Associate Professor, Vologda State University

3 Galkinskaia Str., Room 332, Vologda, 160000
ship12g@gmail.ru

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

PHILOSOPHY & CULTURE

УДК 6130.2+141.13

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_29

В.А. Кузнецов

Челябинск

Челябинский государственный университет

vladkuz@mail.ru

ИДЕАЛИЗМ КАК «СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» (ИЛИ О «РЕСТАВРАЦИИ» А.Ф. ЛОСЕВЫМ МИРА ВЕЧНЫХ ИДЕЙ)

На современном этапе жизни нашей страны по-прежнему одним из важнейших вопросов является отношение властных структур к такому институту культуры, как наука. Растет степень вмешательства государства во внутренние дела академического сообщества, усиливается мелочная опека научных учреждений и контроль их интеллектуальной деятельности. Изучение процессов становления советского государства в 30-е гг. XX в. показывает, что такое вмешательство органов власти в деятельность научных учреждений, особенно гуманитарного профиля уже было. В данной статье на примере организации травли научной деятельности одного из значительных философов и филологов СССР Алексея Федоровича Лосева осуществлена попытка показа картины начала репрессий против научных кадров. Острые репрессии было направлено преимущественно против гуманитарной науки, которая, по мнению правящей верхушки, противостояла идеологии нарождающегося сталинизма. Обвиняли ученых, прежде всего, в приверженности идеализму, а, следовательно, и к буржуазии. В конце концов, внутренняя логика эволюции репрессивного механизма привела к разгрому в конце 1940-х – начале 1950-х гг. генетики, затем кибернетики, социологии в Советском Союзе, что привело к отставанию страны в этих отраслях науки, не преодоленному до сих пор.

Ключевые слова: А.Ф. Лосев, Х.И. Гарбер, Коммунистическая академия, идеализм, платонизм, репрессии.

Репрессии в отношении философов, историков и других ученых-гуманитариев стали одним из факторов формирования сталинского режима в СССР или командно-административной системы, как называют этот период в некоторых исторических трудах. Это была борьба с инакомыслием за идеологическое единомыслие – одно из средств «сплочения» населения страны вокруг правящей элиты и как элемента борьбы за укрепление власти группировки И. Сталина.

В этом смысле нарождающийся новый властитель явился талантливым учеником В. Ленина, который научную элиту России, погрузив на «философские» пароходы, отправил на Запад, чтобы они не мешали становлению государства «нового типа». Л. Троцкий публично согласился с Лениным, заявив: «Мы этих людей высылаем потому, что

расстрелять их не было повода, а терпеть невозможно» [1, с. 369-370]. Даже после этого в Академии наук СССР по традиции сохранялась определенная автономия и организационная демократия. Такая ситуация с сообществом самостоятельных интеллектуалов, живущих по академическому уставу и внутреннему убеждению, нервировало руководителей страны и политбюро партии большевиков. В 1926 г. на заседании под руководством И. Сталина решено было создать комиссию по взаимодействию с Академией наук СССР. Была определена задача для ученых, которые должны были заниматься «практическим применением научных достижений в культурно-экономическом строительстве» [2]. Но ученые не спешили изменить устав академии, и в 1929 г. начались нападки в печати на ученое сообщество с призывом

«гнать вершущую интеллигенцию», что «Академия наук находится во власти реакционных традиций и кастовой ограниченности». После того как академик с первой попытки забаллотировали прием в академию кремлевских выдвиженцев Н. Бухарина, Г. Кржижановского, историка Покровского и др.¹, была учреждена комиссия по «чистке» аппарата Академии наук СССР. К концу 1929 г. оказались арестованы 1729 ее сотрудников. Таким образом, разгром прежней академии совершился, а новый аппарат был переведен в Москву.

Механизм обвинения философов и других ученых-гуманитариев в реакционности был очень прост. Их стали преследовать за идеализм, обнаруженный в их трудах или якобы обнаруженный. Когда же термин «идеализм» стал ругательным словом? Это слово было одним из самых ругательных в языке В. Ленина, особенно в его труде «Материализм и эмпириокритицизм», направленном против взглядов его соратников по партии и используемом в борьбе за власть в партии, за идеологическое влияние на его членов. Ленин и его сторонники ополчились против идеализма, даже иногда и не понимая сути этой философской категории, ее теоретического содержания, когда линейно, напрямую стали связывать идеализм как явление с реакционной буржуазией, а материализм с прогрессивным пролетариатом. Такой грубый схематический подход стал активно использоваться сторонниками Сталина в борьбе против интеллектуальной части народа, которую они искренне стали считать врагами России, начиная с конца 1920-х и начала 1930-х гг.

Примером такой травли, начавшейся с иезуитского доноса, можно считать доклад философа Х.И. Гарбера «Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева», прочитанного в Институте философии Коммунистической академии 21 мая 1930 г. [3], напечатанного в журнале «Вестник коммунистической

академии» – органе Коммунистической академии (издавался в Москве с 1922 по 1935 год).

Развитие идеализма в стране Х. Гарбер связывает с новой экономической политикой, что именно в этот период появились газеты и журналы, в которых стали открыто «выступать против марксизма и против нашей революции» ее враги. Следует заметить, что время выступления Гарбера совпадает с началом «Великого перелома», положившего конец ленинской экономической политике. Как раз в эти годы многие журналы стали закрываться, а ученые, их издававшие, уезжать из России. Но при этом Х. Гарбер утверждает, что идеализм продолжает существовать. И он находит «идеализм» в целом ряде появившихся философских сборников: «Пути реализма», «Научные известия» и др. Кто же эти идеалисты? И далее звучит как донос – это двухтомное сочинение Рубинштейна «О смысле жизни», сочинения философа Шпета и, наконец, А. Лосев, выпустивший семь работ между 1925 и 1930 годами. И преамбула «обвинения» такая: «Никогда идеализм не выступал в столь реакционной, претенциозной и воинственной форме, как теперь в лице Лосева» [3, с. 124]. Далее докладчик делает намек, якобы за Лосевым стоят наша и зарубежная буржуазия (читай враги).

Как же строит Х. Гарбер свою критику («научное» обвинение) работ А. Лосева? Я буду в основном следовать порядку изложения докладчиком нападок на творчество Лосева.

В самом начале у докладчика происходит интересный «кувырок мысли». Он выводит, что изучение А. Лосевым античной философии, филологии и искусства «...не только не исключает, но, напротив того, предполагает наличие у самого Лосева известного миропонимания, т.е. определенной философии». Исходя из этого, Х. Гарбер объявляет о попытке «...выявить собственный идейный облик Лосева... суть его мировоззрения» [3, с. 124] и подчеркивает, что

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 208. Оп. 2. Д. 50. Л. 21.

Лосев «высказывает свои мысли далеко не всегда в ясной форме... часто эзоповским языком, нередко иронически. <...> Бывает и так, что Лосев говорит не сам, а устами Платона, и нужно разобраться, где кончается один и где начинается другой» [3, с. 125]. А поэтому «уловить затаенные мысли Лосева и распознать его действительные взгляды» сложно. Но при этом докладчик уверенно говорит, что Лосев ревностно пропагандирует «самые реакционные воззрения». То есть непонятное и реакционное для Х. Гарбера тождественно.

В своем докладе Х. Гарбер различает в мировоззрении Лосева три части: учение о диалектике, космополитические идеи (мировоззрения) и общественный идеал. Критик Лосева говорит о том, что тот очень высокого мнения о диалектике и приводит цитату философа из его сочинения «Философия имени»: «Диалектику я считаю единственно допустимой формой философствования» [3, с. 125; 7, с. 9, 13, 16]. Докладчик отмечает, что у А. Лосева «диалектика есть логос об эйдосе», при этом Х. Гарбер считает эйдос чем-то мистическим, представляющим собой некую иррациональную сущность. Он уверен, что логос Лосевым трактуется как формальная логика. И на этом основании критик утверждает следующее: «Следовательно, диалектика (по Лосеву. – В.К.) означает формальное мышление об эйдосе, т. е. метафизику, соединенную с мистикой», что «это не вяжется не только с нашим, но даже с гегелевским» пониманием диалектики [3, с. 126].

Отсюда Х. Гарбер пытается вывести Лосеву обвинение в том, что тот якобы сознательно поддерживает средневековые идеи: «Образ, фигура, изваяние, лик, умное число, – вот категории, при помощи которых он построяет свою диалектику... мыслит самую диалектику... как чисто, *логическую систему*», что логика его алогична «и являет собой не систему рациональных категорий, а совокупность мистических идей, неизвестно, как и почему связанных друг с другом. <...>

У него [А. Лосева. – В.К.] нельзя найти и намека на то, чтобы увязать мысль с реальностью» [3, с. 126]. Докладчик особенно подчеркивает, что взгляд А. Лосева на диалектику как на «непосредственное знание» «ничего общего, не имеет даже с идеалистической диалектикой Гегеля... что мы имеем дело не с диалектикой, а с какой-то другой философией... что он далеко отстоит даже от объективного идеализма, пребывая в сфере мистических сущностей...» [3, с. 127]. Гарбер считает, что мысль Гегеля о диалектике другая, и он обвиняет А. Лосева в том, что истолкование им Гегеля «ложно», и что «самоуверенность Лосева поистине не имеет пределов» [3, с. 128]. Эта фраза Гарбера говорит о том, что на самом деле это он не знает учения Гегеля, так как Лосев берет эту мысль из «Энциклопедии философских наук» Гегеля.

Докладчик говорит, что у А. Лосева «вместо диалектики есть фокусничество». Так Х. Гарбер оценивает следующее высказывание Лосева: «Да, диалектика – головоломка, потому что она – ум. Философия – акробатское искусство, потому что надо быть акробатом в жизни, чтобы отгородиться от этой самой “жизненности” и “реальности” и чтобы дать возможность своим мыслям сосредоточиться и зажечь собственной жизнью. Итак, диалектика – эксцентрична несколько не больше того, насколько эксцентричен в наше время (да и во время Платона) философ вообще. И выводы ее несколько не более странны, чем странно желание жить умом и в уме, в то время как стихия жизни свирепствует и злобствует против всякого ума и против всякого смысла» [3, с. 129; 5, т. I, с. 540]. И какой вывод делает докладчик после этой приведенной им цитаты? Гарбер усматривает в этой выдержке «прямое нападение на социализм, ибо кто же “злобствует против всякого ума”, согласно Лосеву, как не пролетарская революция» [3, с. 129]. Именно само это высказывание Гарбера уже есть образец настоящего фокусничества.

Гарбер утверждает, что Лосев отрицает теорию познания, устрняя «раз-

личие между предметом представления и представлением о предмете, между бытием и мышлением», снимая этим якобы противопоставление субъекта и объекта.

Х. Гарбер нападает и на понимание А. Лосевым некоторых сторон формальной логики. Так, философ утверждает: «Сама сущность не нуждается в формальной логике и живет помимо нее в другой логике, в диалектике. Но так как в инаковой сущности нет вообще ничего нового, чего не было бы в сущности самой по себе, то можно сказать, что и формальная логика имеет свое обоснование в предметной сущности как таковой» [7, с. 125; 3, с. 129]. Эта интересная мысль А. Лосева, видимо, остается не понятой докладчиком. Говоря о пристрастии Лосева к триаде, Гарбер сообщает нам, что для марксистов «остается в силе старое утверждение Плеханова, который рассматривает формальную логику как частный случай диалектики. Такое понимание соответствует и гегелевскому учению» [3, с. 130]. Но это высказывание не есть опровержение позиции А. Лосева в области формальной логики.

Докладчик видит в учении о дуализме эйдоса и мэона (эйдос вне времени, мэон преходящ) попросту возрождение Лосевым платоновского дуализма с его миром вечных идей. Гарбер считает, что идейный облик А. Лосева выражается в его заявлении, что у греков чистая диалектика великолепна, безукоризненна и безупречна [4, с. 121; 5]. Докладчик строит «обвинение» Лосева в идеализме на приверженности того идеям Платона и Плотина и приводит выдержку философа об идеях Платона: «...Для Платона идея 1) абсолютно отлична от инобытия, материи, 2) абсолютно тождественна с ней, 3) одновременно и абсолютно, в одном и том же смысле и в разном, и отлична и тождественна. В результате – новая категория, вещь. Для Аристотеля идея тоже обязательно отлична от вещи, но как всякая другая абстракция. Реально же есть *только* вещи, и на них, в них видятся эйдосы и идеи. <...> Именно

чистый платонизм есть диалектика, чистый же аристотелизм – формальная логика» [3, с. 131; см.: 4, с. 124]. И на этой основе докладчик заявляет, что Лосев противопоставляет «...материалистический элемент аристотелевской философии... явной идеалистической концепции Платона. Он солидаризируется с Платоном и объявляет его диалектиком, а Аристотеля формалистом». В критике идей Лосева Х. Гарбер опирается на такой авторитет (!!!) в мировой философской мысли, как В.И. Ленин, на выдержку из его конспекта, в котором тот критикует изложение Гегелем полемики Аристотеля с платонизмом «Аристотель вплотную подходит к материализму» [6, с. 233, 239, 241].

Таким образом, критикуется следующее положение Лосева о диалектике Платона: «От этой концепции диалектического метода никуда не двинулся не только Плотин, но и великие диалектики нового времени – Фихте и Гегель... Это и есть подлинная диалектика чистейшего типа, столь расходящаяся с натуралистической логикой Аристотеля» [4, с. 18]. Критика этого лосевского вывода выглядит беспомощно. Так как, заучив некоторые «цитаты-выдержки» из конспектов любителя философии, приняли их за истину в последней инстанции и на прокрустовом ложе этих цитат примеряют идеи других и отбирают их в соответствии с ленинским ростом в теории.

Гарбер укоряет А. Лосева за то, что «чувствует он себя свободно лишь в обществе Плотина и Прокла. Себя он ставит в одном ряду с ними, так что сам Лосев по-видимому считает себя не то Платином, не то Проклом наших дней». «По мнению Лосева, – говорит докладчик, – трансцендентализм, феноменологизм и диалектика суть три метода философии, они уже были использованы Платоном... <...> У Лосева нет историзма не только в методологии, но и во всем бытии. И подобное философствование он осмеливается называть диалектикой» [3, с. 132]. В этих грамматических построениях мы можем видеть один из

образцов критики большевизмом непонятных (а следовательно, и враждебных) для них идей, образец доноса на людей, чьи взгляды они не могут постичь. Но если эзоповская лиса, не дотянувшись до винограда, объявляет его еще зеленым, то в СССР в это время начинают просить применить репрессивные меры к тем, чьи идеи в чем-то противоречат догмам сталинизма, или им кажется, что такие идеи вредны для общества. Так сформировалась атмосфера доносов в среде новой «пролетарской» интеллигенции.

Критике в докладе Х. Гарбера подверглись и космологические воззрения А. Лосева. Докладчик не одобряет идеи А. Лосева о том, что античный космос постоянен и непреходящ от Фалеса до Платона и объявляет эту идею одним из доказательств антиисторичности лосевского метода. В докладе философ осуждается за его мистицизм в учении о времени, за его интерес к феноменологии времени, т.е. за изучение «в его непосредственно-смысловой данности». Х. Гарбер мистический смысл философии А. Лосева видит в следующих его афоризмах: «Время не есть движение и не есть мера движения»; «Время не есть вещь и не есть психическое состояние»; «Время предполагает вневременное»; «Время предполагает число и его воплощение»; «Число не есть ни вещь, ни психическое состояние, но некий смысл» [3, с. 134].

Итак, докладчик критикует не сами идеи Лосева, но критикует свою интерпретацию положений Лосева. Гарбер считает, что Лосев говорит о раздельности времени и движения, что философ отрицает реальность движения, что в космологии Лосев отрицает процесс становления, а в социологии не признает изменения. Социальные воззрения Лосева Гарбер выводит из поддержки философом «реакционного общественного идеала Платона»: «...Социальный строй – вечен, неподвижен. В нем нет, не только революции и переворотов, но вообще истории» [3, с. 138]. Докладчик считает, что социология А. Лосева включает в себе следующие моменты: «1. В обществе нет

развития. 2. Вся новоевропейская история (примерно с XVI века) – от сатаны. 3. Социальным идеалом является средневековые. 4. Учение Платона о трех классах (монахи, полицейские и рабы) правильно. 5. Византизм – законный преемник платонизма. 6. Демократия – химера, полицейский режим – действительность» [3, с. 144].

В онтологии Гарбер критикует такое положение Лосева: «Материи самой по себе нет, она лишь форма самоопределения самой сущности» [3, с. 134]. Но этот вывод А. Лосева вполне соответствует учению Ф. Энгельса о материи и ленинскому определению материи как категории для обозначения объективной реальности [8, с. 546, 550 551, 558, 570; 9, с. 131]. Х. Гарбер говорит о лосевской филологической космологии, суть которой он определяет так: «Слова и ничего кроме слов. Слова – вот доподлинно кирпичики лосевского мироздания» [3, с. 135]. Х. Гарбер выделяет в космологии Лосева такие идеи: «1. Время существует до и без движения. 2. Пространство конечно. 3. Мир имел начало и будет иметь конец. 4. Земля не движется. 5. Астрология, алхимия и магия имеют право на существование. 6. Весь космос есть лестница словесности. Естествознание – заблуждение, а вера – истина» [3, с. 144]. Понятно, что не все идеи любого философа или ученого могут поддерживаться коллегами, но третировать их за различие позиций – это одно из изобретений тех, кто хочет руководить наукой и контролировать любые взгляды.

В том, что Лосев различает в своем учении атом-мэон и атом-эйдос и, что первый делим и преходящ, второй вечен и неуничтожим, докладчик видит в этом дуализм мистического толка [3, с. 134; 4, с. 147]. Он ругает Лосева за то, что «миф для него не вымысел и не фантазия, а наиболее реальное и наиболее полное осознание действительности... <...> Мифология есть наука о бытии, именно она улавливает все “смысловые давности” его». Для него «мифология – основа и опора всякого знания» [3, с. 135].

Учение Лосева о мифе, «то совершенно ясно – оно имеет одно назначение противопоставить научному мировоззрению мирозерцание мракобесия [3, с. 136]. То есть осуждаются взгляды А. Лосева, которые по сию пору входят в сокровищницу русской и советской философии.

Х. Гарбер ставит в вину А. Лосеву «холодное» отношение к Эйнштейну, Дарвину, что философ с презрением относится к Ньютону. Исходя из этого, докладчик выводит тезис о враждебном отношении Лосева к науке вообще, которое якобы обуславливается христианским характером его философии, что «Лосев выбирает религию и отвергает науку» [3, с. 136]. Обобщающий итог рассуждений докладчика таков: «Лосев противник рационализма и логики, он – законченный мистик. Отсюда его симпатии к Плотину и Проклу...» и «...высказывает свои мысли устами Платона...» [3, с. 137, 138].

Х. Гарбер в своей речи обобщил свои «обвинительные» претензии к взглядам А. Лосева. Им было сказано, что методологии опального философа свойственны: 1. *Мистицизм* (символ, число). 2. *Формализм* (зрак, фигура). 3. *Метафизика* (логос=формальной логике). 4. *Дуализм* (эйдоса и мэона). 5. *Механизм* (в синтезировании тезы и антитезы). 6. *Эклектизм* (в соединении трансцендентализма с феноменологизмом). 7. *Антиисторизм* (отрицание становления и развития). Итоговая констатация критики взглядов Лосева следующая: «Совершенно очевидно, что такая методология не имеет ничего с диалектикой» [3, с. 144].

Далее в речи дается стигматизированная характеристика философа, чьи взгляды не разделяются другой группой «коммунистических» философов, стоящей на страже большевистской идеологии. Взгляды А. Лосева докладчик характеризует как враждебные развитию, материализму, социализму, что они родственны религии. Что Лосев, будучи «невежественным в общественных науках, находит возможным сопоставлять средние века с пролетарской диктатурой...»; «Капитализм и коммунизм для него равнозначны и

имеют одну и ту же сатанинскую природу... он ратует за средневековье» [3, с. 140]; «О марксизме он в прямой форме говорит редко, а косвенно нападает при каждом удобном случае» [3, с. 142].

На что еще обиделся докладчик? Например, на то, что Н. Чернышевский назван философом «пустоватым», тогда как К. Маркс назвал того великим русским ученым, что «Марксизм он считает плодом классического иудаизма» [3, с. 143]. Тогда в 1920-30-е гг. были распространены идеи «об иудейской природе марксизма». Х. Гарбер закончил свой доклад следующими словами: «Лосев является философом православия, апологетом крепостничества и защитником полиции» [3, с. 144]. Правда, в каком месте своих сочинений Лосев защищает крепостничество и полицию, докладчик не приводит.

Но все же основным выводом после такого «аналитического» разбора взглядов А. Лосева является такой: «Придерживаясь чрезвычайно реакционного мировоззрения, Лосев бессилён понять, тем более критиковать марксизм – самую передовую философию нашей эпохи»; «Лосев выражает умонастроение самых реакционных слоев буржуазного общества. Его мракобесие тем более велико, что его устами глаголят господствующие классы былой России, низвергнутые нашей революцией» [3, с. 143, 144]. Вот ради этого вывода и построена ткань этого доклада-доноса, на основе которого начинается разгром философской мысли в СССР. В данной речи можно услышать якобы дискуссию, но здесь нет философские нападки. Кроме того, создается мнение, что докладчик не понимает философские взгляды Лосева и накладывает на его идеи свою кальку идеологических взглядов: идеализм безнравственен, материализм добродетелен.

Правителям авторитарных и тем более диктаторских режимов, да и многим людям всегда проще, когда другие мыслят так же, как и они. Так многими кругами населения понимается един-

ство. Итог: через несколько лет появится Краткий курс истории ВКП(б) как «зияющая» вершина большевистской мысли и как символ веры массы населения.

Вместо эпилога. Как же сложились судьбы А.Ф. Лосева и Х. И. Гарбера?

Вскоре после этого заседания, 18 апреля 1930 г. А. Лосева арестовали и назначили срок 10 лет лагерей. Ученый отбывал наказание на строительстве Беломорско-Балтийского канала. В 1933 г. строительство Беломорканала завершилось, и Лосевых освободили. Они вернулись в Москву. Но А. Лосеву запретили преподавать философию в Москве, и, чтобы найти средства к существованию, с 1938 по 1941 г. ученый ездил на заработки в пединституты Куйбышева, Чебоксар, Полтавы, где читал лекции по истории античной литературы. В 1942 г. Лосева опять пригласили преподавать в Московский университет, однако уже через два года его опять уволили. В 1944 г. он получил новое место: стал профессором Московского государственного педагогического института, где работал до конца своей жизни. Возможность печататься Лосев получил после смерти Сталина. В 1954 г. скончалась его жена Валентина. Вскоре после этого Лосев женился на своей аспирантке и близкой подруге семьи Азе Тахо-Годи, которая подготовила к печати большинство работ Лосева. Всего при жизни Лосева

их вышло около 500. Алексей Федорович Лосев умер в 1988 г. и был похоронен на Ваганьковском кладбище [10].

«Оппонент» А. Лосева Хаим Гарбер, член партии большевиков, посвятивший себя марксистско-ленинской философии, в 1934 г. стал профессором Ленинградского индустриального института (Политехнический институт) и организовал в нем кафедру истории техники. Кроме того, он стал зампредом Сектора истории техники Института истории науки и техники АН СССР. Последняя должность и стала роковой: директором ИИНИТа тогда был Николай Бухарин, а Х. Гарбер его заместителем. Гарбер был арестован 30 апреля 1936 г. И его обвинили в том, что он якобы «являлся участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, существовавшей в Академии наук СССР в Ленинграде» и приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал на Соловках. В октябре 1937 г. без пересмотра дела Хаим Гарбер был заочно приговорен тройкой Ленинградского УНКВД к расстрелу и расстрелян 4 ноября 1937 г. Похоронен в карельском урочище Сандормох (Медвежья Гора). Реабилитирован 14 июля 1957 года [11].

Таковы драматические и даже трагические судьбы двух современников, которые пока так ничему и не научили наше общество.

Список литературы

1. Силуэты: политические портреты: А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. Москва: Политиздат, 1991. 462 с.
2. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, 1922-1991. Москва: РОССПЭН, 2000. 591 с.
3. Гарбер Х.И. Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева // Вестник коммунистической академии. 1930. № 37-38. С. 124-144.
4. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос / сост. А.А. Тахо-Годи, И.И. Маханьков. Москва: Мысль, 1993. С. 61-612.
5. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / сост. А.А. Тахо-Годи, И.И. Маханьков. Москва: Мысль, 1993. 962 с.
6. Ленинский сборник XII / под ред. В.В. Адоратского, В.М. Молотова, М.А. Савельева. Москва; Ленинград: Госиздат, 1930. 480 с.
7. Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Самое само: сочинения. Москва: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 29-204.

8. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. 2-е изд. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1961. С. 343-628.
9. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. Т. 18. 5-е изд. Москва: Изд-во полит. лит., 1968. С. 7-384.
10. Малинаускене Н.К. А.Ф. Лосев: личность и наследие [Материалы к беседе со студентами Сретенской духовной семинарии] // Сретенский сборник: науч. труды преподавателей СДС. 2010. № 2. С. 626-657.
11. Bertelsen O. Spatial dimensions of Soviet repressions in the 1930s: the House of Writers (Kharkiv, Ukraine): PhD thesis / University of Nottingham. 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://eprints.nottingham.ac.uk/13390/1/SPATIAL_DIMENSIONS_OF_SOVIET_REPRESSIONS_IN_THE_1930s.pdf (дата обращения: 22.06.2021).

Сведения об авторе:

Кузнецов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры философии Челябинского государственного университета

ул. Братьев Кашириных, 167, Челябинск, 454001
vladkuz@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.05.2021

Одобрено: 27.05.2021

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования:

Кузнецов В.А. Идеализм как «состав преступления» (или о «реставрации» А.Ф. Лосевым мира вечных идей) // Сфера культуры. 2021. № 2 (4). С. 29-37. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_29

УДК 130.2+141.13

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_29

V.A. Kuznetsov

Chelyabinsk
Chelyabinsk State University
vladkuz@mail.ru

IDEALISM AS «CRIMINAL CONTENT» (CONCERNING A.F. LOSEV'S «RESTORATION» OF THE WORLD OF ETERNAL IDEAS)

In our country, the attitude of the power structures to science as an institution of culture remains very important. The degree of state interference in the internal affairs of the academic community is growing, and the petty tutelage of scientific institutions and control over their intellectual activity are increasing. Study of the Soviet state under Stalin shows what damage such interference in scientific institutions, especially those of a humanitarian

profile, can cause. This article describes the start of repressions against one of the most significant philosophers and philologists of the USSR, Alexei Fedorovich Losev. In this case the target of persecution was the humanities, which, in the opinion of the ruling elite, opposed the ideology of emerging Stalinism. Scientists were accused of adherence to idealism, and, consequently, to bourgeois values. By the end of the 1940's-early 1950's, the internal logic of

repressive mechanisms in the Soviet Union led to the destruction of genetics, then cybernetics and sociology. This caused the country's lag in these branches of science that has still not been fully overcome.

Keywords: A.F. Losev, H.I. Garber, Communist Academy, idealism, platonism, repression.

References

1. *Silueti: politicheskie portrety: A. Lunacharskii, K. Radek, L. Trotskii*. [Silhouettes: Political Portraits: A. Lunacharsky, K. Radek, L. Trotsky] (1991). Moscow: Politizdat, 1991. (In Russian).
2. *Akademiia nauk v resheniiakh Politbiuro TsK RKP(b) – VKP(b) – KPSS, 1922-1991* [The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RKP(b) – VKP(b) – CPSU, 1922-1991] (2000). Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
3. Garber, Kh.I. (1930) Protiv voinstvuiushchego mistitsizma A.F. Loseva [Against the Militant Mysticism of A.F. Losev]. *Vestnik kommunisticheskoi akademii* [Bulletin of Communist Academy], 37–38, 124–144. (In Russian).
4. Losev, A.F. (1993) Antichnyi kosmos i sovremennaiia nauka [The Ancient Cosmos and Modern Science]. Losev, A.F. *Bytie. Imia. Kosmos* [Genesis. Name. Space]. Moscow: Mysl', 61–612. (In Russian).
5. Losev, A.F. (1993) *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow: Mysl'. (In Russian).
6. *Leninskii sbornik XII / pod red. V.V. Adoratskogo, V.M. Molotova, M.A. Savel'eva* [Lenin Collection XII] (1930). Moscow; Leningrad: Gosizdat. (In Russian).
7. Losev, A.F. (1999) *Filosofiia imeni* [The Philosophy of the Name]. Losev A.F. *Samoe samo: Sochineniia* [The Self: Works]. Moscow: EKSMO-Press, 29–204. (In Russian).
8. Engel's, F. (1961) *Dialektika prirody* [The Dialectics of Nature]. Marks, K., Engel's, F. *Sochineniia*. [Works]. 2nd ed. Vol. 20. Moscow: Political Literature, 343–628]. (In Russian).
9. Lenin, V.I. (1968) *Materializm i empiriokriticizm* [Materialism and Empiriocriticism]. Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 18. Moscow: Political Literature, 7–384. (In Russian).
10. Malinauskene, N.K. (2010) A.F. Losev: lichnost' i nasledie [Materialy k besede so studentami Sretenskoii dukhovnoi seminarii] [A.F.Losev: personality and legacy [Materials to a conversation with students of Sretensky Theological Seminary]. *Sretenskii sbornik. Nauchnye trudy prepodavatelei SDS* [Sretensky Collection. Scientific works of Sretenskyi Seminary professors], 2, 626–657. (In Russian).
11. Bertelsen, O. (2013) *Spatial dimensions of Soviet repressions in the 1930s: the House of Writers (Kharkiv, Ukraine)*. PhD thesis. University of Nottingham. URL: http://eprints.nottingham.ac.uk/13390/1/SPATIAL_DIMENSIONS_OF_SOVIET_REPRESSIONS_IN_THE_1930s.pdf (Accessed: 22.06.2021).

About the author:

Vladimir A. Kuznetsov, Doctor of History, Professor, Philosophy Department, Cheliabinsk State University

167 Brothers Kashirinykh Str., Cheliabinsk, 454001
vladkuz@mail.ru

УДК 316.[28+772]

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_38

А.И. Лойко

Минск

Белорусский национальный технический университет

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ КОМПОЗИЦИИ ЛАНДШАФТА КОНТАКТНЫХ ЗОН ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СОПРЯЖЕНИЙ

В статье на примере кросс-культурных композиций в пространстве Беларуси рассмотрена трансграничная динамика интеллектуальных традиций европейских цивилизационных структур. Новизна излагаемых результатов исследований заключается в описании тенденции трансформации кросс-культурных композиций под влиянием исторических эпох. Рассмотрены феномены Возрождения, второй схоластики и эпохи барокко, романтизма и постмодернизма. Кросс-культурные композиции имели конструктивное начало, которое доминировало над технологиями столкновения цивилизаций. Это видно по культурному ландшафту Беларуси. В нем получила реализацию стратегия второй схоластики вытеснить конкурентов из культурного пространства Беларуси аргументами образования и искусства.

Кросс-культурная композиция романтизма усилила в Беларуси позиции общеевропейской тенденции к интеграции элитарной культуры с элементами народных традиций. Этот акцент способствовал становлению ориентализма и активному участию уроженцев Беларуси в изучении Востока. Модернизм сделал акцент на адаптацию изобразительного искусства к техногенной реальности и разработку методологии диалога. Витебск стал ключевым элементом кросс-культурной композиции модернизма.

Ключевые слова: кросс-культурные коммуникации, культурный ландшафт, контактная зона, цивилизация, кросс-культурная композиция, Возрождение, вторая схоластика, романтизм, модернизм, Беларусь.

Список источников и литературы

1. Арутюнова-Фиданян В.А. Армения и Византия в VII в.: синтезная контактная зона // Византийский временник. 2002. Т. 61. С. 58–60.
2. Shutova O. Again About Skaryna in Padua: New Possibilities of Reading the Old Documents. In Three Parts: Time and Context; Circumstances; Attendees // Belarusian Review. 2014. Vol. 26, № 4. P. 17–23.
3. Савинов Р.В. Эпизод из истории Контрреформации: Мартин Смиглицкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, вып. 3. С. 70–76.
4. Шмонин Д.В. В тени Ренессанса. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 277 с.
5. Блинова Т.Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения). Гродно: ГрГУ, 2002. 425 с.
6. Lachterman D. Mathematical Construction, Symbolic Cognition and the Infinite Intellect: Reflections on Maimon and Maimonides // Journal of the History of Philosophy. 1992. Vol. 30. P. 497–522.
7. Милюков А.П. Знакомство с Сенковским // Исторический вестник. 1880. Т. 1, № 1. С. 151–158.
8. Наследие монголоведа О.М. Ковалевского и современность: доклады и сообщения междунауч. конф. 21–24 июня 2001 г. / отв. ред. Р.М. Валеев, М.З. Закиев. Казань: Изд-во КГУ, 2002. 232 с.

9. Ходзько А. Дерар. Восточная повесть в стихах. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1839. 112 с.
10. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. 406 с.
11. Duff D. Intertextuality versus Genre Theory: Bakhtin, Kristeva and the Question of Genre // Paragraph. Vol. 25, № 1. 2002. P. 54–73.

Сведения об авторе:

Лойко Александр Иванович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета

проспект Независимости, 65, Минск, Республика Беларусь, 220113
alexander.loiko@tut.by

Дата поступления статьи: 13.04.2021

Одобрено: 27.05.2021

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования:

Лойко А.И. Кросс-культурные композиции ландшафта контактных зон цивилизационных сопряжений // Сфера культуры. 2021. № 2 [4]. С. 38-47.
DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_38

УДК 316.[28+772]

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_38

A.I. Loiko

Minsk

Belarusian National Technical University

CROSS-CULTURAL COMPOSITIONS FOR LANDSCAPE CONTACT ZONES OF CIVILIZATION CONNECTIONS¹

The article examines the cross-border dynamics of the intellectual traditions of European civilizational structures using the example of cross-cultural compositions in the space of Belarus. The novelty of the research lies in the description of the tendency for the transformation of cross-cultural compositions under the influence of historical eras. The phenomena of the Renaissance, the second scholasticism, the Baroque era, Romanticism and Postmodernism are considered. Cross-cultural compositions had a constructive beginning that dominated the technologies of the clash of civilizations. This can be seen in the cultural landscape of Belarus. In it, the strategy of the second scholasticism was realized to oust competitors from the cultural space of Belarus with the arguments concerning education and art. The cross-cultural composition of Romanticism strengthened the common European tendency in Belarus to integrate elite culture with elements of folk tradition. This contributed to the formation of Orientalism and the active participation of the natives of Belarus in the study of the East. Modernism put an emphasis on the adaptation of visual arts to technogenic reality and on the development of a methodology for dialogue. Vitebsk became a key locus of the cross-cultural composition of Modernism.

Keywords: cross-cultural communication, cultural landscape, contact zone, civilization, cross-cultural composition, Renaissance, second scholasticism, Romanticism, Modernism, Belarus.

¹ Статья публикуется в авторской редакции.

Intercultural contacts on the Eurasian subcontinent were provided by the infrastructure of contact zones and synthetic contact zones. Contact zones arose when two cultures met in a local space. This phenomenon was described by V.A. Arutyunova-Fidanyan [1], on the example of the synergy of the Armenian and Byzantine cultures. The synthetic contact zone of culture is formed by the intercultural logistics of several cultural contact zones. This logistics usually coincides with the transcontinental logistics of information and commodity flows.

Historical and cultural analysis shows that when cultures came into contact, cross-cultural compositions of the landscape of mutual influences were formed. The conquests, except the brutality of the Assyrians, were not accompanied by the destruction of local cultures. Rather, an environment of coexistence of alien and local cultures emerged. Similar patterns of behavior in Europe and Asia were demonstrated by the Greeks, Macedonians, and Romans. The cultural contact zones in Eurasia were coordinated by the logistics of the Great Silk Road. The nomadic Arab tribes also came to realize the importance of cultural contact zones. Through Spain and Venice, they created a contact zone for the transmission of cultural meanings to the zone of Christian culture. From the vast region of Greater Eurasia, we chose Belarus to study trends in cross-cultural communications, on whose territory a zone of confrontation and dialogue between Western and Eurasian civilizations was established in the Middle Ages. Within the historical length of eight hundred years, we have singled out five cross-cultural compositions of the Belarusian landscape to test the hypothesis about the strengthening of the influence of the crisis public consciousness of European culture on the tendency to replace the dialogue of cultures with the confrontation of cultures. This will substantiate the thesis of the continuing dehumanization of Western European culture.

The first cross-cultural composition of the Belarusian landscape was formed in the Middle Ages thanks to the trade routes of the Hansa, the formation of the Grand Duchy of Lithuania, which opened the way of contact within Belarus of Orthodox, Catholic and Protestant cultures. This was the era of the Renaissance and the Reformation.

The intellectual culture of Belarus turned out to be integrated into the European processes associated with the institutional crisis of the Catholic Church. There was a search for the modernization of this church. They were initiated by professors from universities in England professor of the University of Cambridge J. Wycliffe. Natives of the Slavic states studied at this university. Among them were the natives of the Czech Republic and Belarus. The influence of J. Wycliffe in the Czech Republic was expressed in the sermons of J. Hus, whose execution marked the beginning of the Hussite wars. His colleague I. Prazhsky visited the territory of Belarus and preached the teachings of the Hussites.

Of the natives of Belarus, Y. Litvin showed himself in London. He opened a printing press in 1480, where he published not only religious texts but also the works of Aristotle. Among the books he published are «Reflections on the XII Books of Aristotle's Metaphysics». In the XIV-XVI centuries, a model of university education for Belarusian youth was formed. They finished their bachelor's degrees at the University of Krakow. Then they completed their studies at other universities in Europe.

Printing is an important source of information on the intellectual migration of the natives of Belarus the civilization of the medieval West. It has become a meeting place for representatives of European cultures. Belarusians opened printing houses in different cities of Europe. Their publications became the main documents of their identification. An analysis of the printing activity of the natives of Belarus showed that they published books in close contact with German, Czech, Italian,

and British masters. F. Skorina gave an example of such intercultural activity. He was educated at the Universities of Krakow and Padua. He worked in many European cities in Prague as well [2]. The intellectual migration of the natives of Belarus within Europe was facilitated by the special status of cities, which had the institutional basis of the Magdeburg Law. Canonical law gave way to natural law. Humanism became an important foundation of natural law in the categories of Roman jurisprudence. Through these categories, the socio-political teachings of the thinkers of antiquity about society, the state were transmitted, first, references were made to Plato, Aristotle, Cicero, Marcus Aurelius.

Magdeburg Law came to Eastern Europe with German merchants in the XIII-XIV centuries. It was city law, which provided guarantees of self-government to large settlements. Saxony became the place of its formation. Here a system of law was developed under the name «Saxon Mirror». At the city level, statutes were in effect. The charter of the city of Magdeburg gave rise to the Magdeburg Law. This right has become widespread due to the principles of self-organization of local structures formulated in it. This right has become widespread due to the principles of self-organization of local structures formulated in it. F. Skorina, N. Gusovsky, S. Budny, A. Volan, M. Litvin, L. Sapega contributed to the development of legal documents.

The dominance of natural law turned out to be important for Belarus in the conditions of active contact in the space of its spiritual culture of different religious traditions. The Belarusian society adhered to Christianity, Orthodoxy, Catholicism, and Protestantism. Together with the Tatars' communities, Islam began to be cultivated in Belarusian cities.

To replenish the treasury of Belarusian cities, the authorities of the Grand Duchy of Lithuania granted permission to move Jewish communities from Germany. The first written mention of Jews on the territory of modern Belarus is the letter of 1383 by Prince Vitovt to Brest Jews

about granting them special privileges. In the 14th and 15th centuries, there was a massive migration of Jews from German cities to Poland and the Grand Duchy of Lithuania. Communities resettled, bringing capital to Belarus, age-old trading habits, legal system, German-Jewish dialect (Yiddish), religious traditions, and the Talmudic education system. Old Believers from the Moscow state also received a residence permit within Belarus. Their communities are in the region of eastern and northeastern Belarus.

On the territory of Belarus, within the framework of Christianity, not only Orthodox, Catholics, but also various Protestant communities began to coexist. The spread and growth of the influence of Protestant communities in the territory of the Grand Duchy of Lithuania were facilitated by N. Radziwill, who corresponded with J. Calvin. As a result, with his financial support, Calvinist communities became widespread. Prayer houses were built educational institutions and printing houses were opened. Representatives of intellectual culture were involved in the activities of the communities.

Among these representatives was S. Budny. At the invitation of N. Radziwill, he organized a printing house in Nesvizh, where he began to publish Bible texts in Belarusian and Polish. In 1565, the GDL Calvinists received equal rights with Catholics and Orthodox. In 1573, the right to choose a religion was legislated. The corresponding article was spelled out in the Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1588.

The Calvinists' initiatives in the field of state law of the GDL created for them not only guarantees of equal rights but also went beyond the boundaries of the interests of their community. On the territory of Belarus, other Protestant communities began to enjoy the legally enshrined right of tolerance. Polemic discussions arose between representatives of these communities. The controversy was conducted peacefully. It did not lead, as in

France, to the confrontation of religious communities.

The controversy initiated by S. Budny continued within the Grand Duchy of Lithuania for several decades. Its members have become well-known controversial authors. They were joined by S. Ostrovsky and M. Smigletsy [3]. The discussions revealed the talent of many participants for the practical implementation of the ideas expressed about the role of religion in society.

Among them was A. Volovich. From Orthodoxy, he switched to Protestantism. He served as chancellor of the Grand Duchy of Lithuania. He participated in the development of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1566. The books by S. Budny and A. Bullinger were published with his money. Calvinism was identified by him as the distinctive religion of the ON. Therefore, he led a decisive polemic with the supporters of the Union of Lublin, which assumed the close integration of the Grand Duchy of Lithuania with Catholic Poland. A similar position was adhered to by J. Abramovich, who held high government positions in the Grand Duchy of Lithuania. Under the influence of his wife, who belonged to the Orthodox Church, he maintained tolerance and religious tolerance. He had diversified interests in the field of science and literature. Y. Glebovich, who headed the city authorities of Minsk, contributed to the development of the city and Protestant communities. On his initiative, the Trinity and the Castle suburb were built. A large Calvinist community was formed. A printing house was opened, in which books by D. Lenchitsky and S. Budny war were published.

Y.L. Namyslovsky played an important role in the formation of the Arian schools in Ivey, Novogrudok. He supported the activities of S. Budny. He became famous for his polemics with M. Smigletskiy, a prominent representative of the second scholasticism within the Grand Duchy of Lithuania. The discussion took place in 1594. As a result of the discussion, Y. Namyslovsky published the books

«Anatomy and Harmony of a Christian Man», «A Textbook for Mastering the Teachings of Aristotle.» They were published in 1596. The theologian from the Netherlands F. Junius reacted to these works. A. Volan demonstrated a high level of polemics with opponents. He was a supporter of Calvinism. He was the secretary of the kings Sigismund Augustus, S. Batory, S. Vasa. His works are devoted to issues of state law. In matters of religion, he led a polemic with the supporter of the second scholasticism P. Skarga. There were no conflicts between Protestant communities and Orthodox brotherhoods.

The first cross-cultural composition of the Belarusian landscape gave way to the second cross-cultural composition, created by the phenomena of the Counter-Reformation and the second scholasticism. The Vatican has launched a strategy for the transition of the upper strata of Belarusian society to Catholicism. It was supposed to subordinate the Orthodox brotherhoods on the territory of Belarus to the Vatican, which was done in 1595 following the conclusion of the church union. But there were Orthodox brotherhoods that did not accept the model of the Greek Catholic Church. They began to focus on the Moscow Orthodox Patriarchate, which was viewed by the authorities of the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania as an instrument of influence of the Moscow state on the Orthodox population for political purposes. In these conditions, it was difficult for representatives of the intellectual part of the Orthodox brotherhoods to avoid suspicions of espionage and undermining the state security of the confederation of the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania. A. Filippovich found himself in a similar situation of suspicion. S. Polotsky left Belarus and continued his intellectual activity in the Moscow state.

As the Counter-Reformation intensified, representatives of intellectual thought who adhered to Calvinism left Belarus. After the transition of influential families of Belarus to the Catholic faith, printing houses ceased to be accessible to these people. They

headed to the Netherlands. Among them were K. Semyanovich and I. Kopievich. In the Netherlands, K. Semyanovich became the author of a work entitled «The Great Art of Artillery». He adhered to the concept of Aristotle and empiricism. When interpreting the results of experimental research, he referred to the works of Aristotle, Plato, Seneca, Euclid, Archimedes, Apollon of Pergamum. He used sources on medicine, natural history, agriculture, chemistry, technology, history. I. Kopievich opened a printing house in Amsterdam, where, at the request of Peter I, he translated into Russian and published books on maritime affairs and natural sciences.

The Counter-Reformation in Belarus was not accompanied by religious wars. She transformed into a phenomenon of the second scholasticism [4]. Catholic orders, including the Jesuits, adhered to the strategy of creating authority in civil society not by violence, but by forming an educational and cultural environment that would compete with the Calvinist communities and Orthodox brotherhoods in Belarus [5]. The infrastructure of this environment included collegiums, school theaters, which shaped the specifics of the Baroque era on the territory of Belarus.

In educational institutions, there was a tough discipline and at the same time a high level of study of subjects. In addition to theology, mathematics, ancient literature, logic, rhetoric, Latin and Greek, and ethics were studied. The structure of the collegiums included libraries and school theaters. 14 school theaters functioned on the territory of Belarus. The scripts for the performances were written by the teachers of the Jesuit collegiums. The teachers were trained by the Jesuit Academy of Vilna. It included theology and law faculties. In the Jesuit collegiums on the territory of Belarus were taught by immigrants from European countries – V. Bergof, A. Mishtalt, J. Preushof. Among local teachers A. Alizarovsky, L. Zalussy, M. Karsky, A. Koyalovich, S. Lauksmin, N. Lenchitsky, M. Sarbevsky, V. Tylkovsky became famous.

Collegiums functioned in almost all cities of Belarus – in Polotsk (since 1581), Nesvizh (since 1584), Brest, Orsha, Grodno, Pinsk. A total of 20 Jesuit collegiums functioned. PR collegiums were opened in Shchuchin, Voronovo, Zelva, Mogilev, Drogichin, Polotsk. Polotsk played an important role in the activities of the Jesuits. This was due to its geographic location.

In 1773 the Pope dissolved the Jesuit order. But after the annexation of the territory of Belarus to the Russian Empire in 1775, the order received the opportunity to work within Belarus. Catherine II strove to use the Jesuit order in political interests. She gave them the right to educational activities. Polotsk became the center of this activity. Alexander II adhered to a similar position about the Jesuits. He hoped for their support in the war with Napoleon. On January 12, 1812, he signed a decree granting the Polotsk Jesuit Collegium the status of an academy with the rights of a university. All Jesuit educational institutions were subordinate to the academy. However, the Jesuits did not live up to the hopes of the Russian authorities. They were ordered to leave the empire.

A phenomenon of the XVIII century became Haskala, which was generated within Belarus S. Maimon, who became a representative of German classical philosophy [6].

The third cross-cultural composition within the boundaries of the landscape of Belarus was created by the era of romanticism. He contributed to the development of musical culture («Belarusian Wedding», «Six Seasons» by A. Abramovich, waltzes, mazurkas, polonaises, nocturnes by A. Yelsky, F. Miladovsky, N. Orda).

The European context of Belarusian music is revealed in the biography of S. Monyushka. The composer was born in the Ubel estate near Minsk (now the Cherven district of the Minsk region). At the age of eight S. Moniuszko began his musical studies in Warsaw. He continued it in Minsk at the gymnasium, where he

studied composition with D. Stefanovich. He completed his musical education in Berlin, at the Singing Academy. Here he mastered work with a choir and orchestra, got an idea of the operatic culture of Europe.

Among the students of S. Monyushko was the Russian composer C. Cui, a member of the «Mighty Handful». In 1858 S. Moniuszko was in Germany, France, Czech Republic. In Weimar, he met with F. List. In Warsaw, he took the position of chief conductor of the Belki Theater and became a professor at the Institute of Music. He taught classes in composition, harmony, and counterpoint. Among his students was the composer Z. Noskovsky. S. Moniuszko became the founder of the piano school. Wrote a harmony textbook. Performances with the author's concerts in St. Petersburg introduced S. Monyushko to the circle of Russian composers. He was friends with M. Glinka and A. Dargomyzhsky.

Belarusian youth, carried away by the ideas of romanticism, was interested in folklore, nature, as well as cultures of other peoples. An important role was played by the lectures of Gottfried Ernst Groddeck, which he gave at the University of Vilnius. He received his education at the University of Göttingen. From 1804 he worked at the Department of Classical Philology at Vilnius University. He taught ancient Greek and Latin languages, ancient literature. In his lectures, he advised students to study oriental culture. The position of G.E. Groddeka was consonant with the general European trend in linguistics.

Comparative linguistics G.E. Groddek formed an interest in oriental culture among a native of Belarus O.I. Senkovsky [7]. He received his education at the Minsk Jesuit Collegium and the University of Vilna. After moving to St. Petersburg, he became the first professor of Arabic studies in the Russian Empire. In his lectures, he used the results of his trips to the Middle East. O. Kovalevsky, Y. Kopats, A. Mukhlinsky, A. Rafalovich, A. Golynsky, B. Grambchevsky, I. Chersky, M. Vronchenko, E. Pekarsky, I. Tetersky were influenced by the professor's lectures.

Among the students of the University in Vilna was also O.M. Kovalevsky, exiled to Kazan and assigned to a local university to study oriental languages. He mastered the Turkic, Mongolian, Manchu, Chinese, Tibetan languages. He explored Tibet, Mongolia, and China [8]. He is the founder of the school of Mongolian studies. As a result of his stay in Tibet, he brought a large collection of manuscripts to Kazan. He wrote original scientific papers on Buddhist cosmology.

A. Yanushkevich played an important role in creating a dialogue between the Turkic peoples and the authorities of the Russian Empire. He was familiar with the father of Abai Kunanbayev. They talked constantly. A. Yanushkevich in the process of communication was holding one-year-old Abai in his arms. A. Yanushkevich is from Central Belarus, from Nesvizh. A. Yanushkevich highly appreciated the friendship with A. Mitskevich. He told Abai Kunanbayev's father about this poet, as well as about other European poets.

A. Khodzko-Boreiko was a European orientalist. He was born on August 30, 1804, in the Krivichi estate (now the Myadel district of the Minsk region). A. Khodzko studied in Vilno, at the gymnasium, under the guidance of teacher T. Zahn. After graduating from high school in 1820, he entered the Faculty of Verbal Sciences and Free (or Fine) Arts at Vilna University. He was greatly influenced by the lectures of I. Level, G. Grodek, and I. Danilovich.

To study the culture of the East more deeply, A. Khodzko decided to move to St. Petersburg, where the best orientalist forces of Russia were concentrated. On January 7, 1827, Khodzko entered the Educational Department of Living Languages at the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs in St. Petersburg. The department trained translators of oriental languages for Russian missions in Iran and Turkey. His teacher was Mirza Jafar Topchibashev.

In 1829 a collection of poems and translations by A. Khodzko was published. The publication of the collection was

responded to by the «Literaturnaya Gazeta», which was published by A.A. Delvig with the active participation of A. Pushkin. In 1830 A. Khodzko was appointed as a translator for the Russian mission in Iran.

The manuscripts collected by A. Khodzko and the records made by him on the ground formed the basis of most of his later scientific publications, among which the most interesting are works on linguistics, folklore, ethnography, theater, religion, as well as complex descriptions of individual territories [9]. In the collection, A. Khodzko published his records of the folk art of Azerbaijanis, Turkmens, Nogays, Talysh, Iranians, Gilans, Mazandrans, Kalmyks. Keroglu is a Turkmen singer from the Teke clan, the hero of the legends of more than a dozen Turkic-speaking peoples of Asia. Orientalists studied primarily court-written literature. A. Khodzko was one of the first orientalists to introduce the folklore of the above peoples into the circle of scientific research.

A. Khodzko's knowledge of the Turkic and Iranian languages, close communication with the inhabitants of Iran contributed to the fact that the researcher carried out adequate translations of the Turkmen, Azerbaijani, Persian and other samples of poetry into European languages. Most of the folklore texts included in the London collection have been republished in other languages as well. The Adventures and Improvisations of Koroglu have been translated into French twice by Georges Sand and Adolphe Brelrier. They came out as a separate edition in German in the translation of O. Wolf, as well as in the Russian translation of S. Penn.

A. Khodzko attached particular importance to the work of the classic Turkmen poetry of the 18th century. Makhtumkuli. The researcher called him the most popular poet not only in Turkmenistan but also in Khorasan. A. Khodzko gave a short biography of Makhtumkuli and emphasized that the poet devoted most of his time to philosophy and poetry.

The value of this publication lies in the fact that it appeared twelve years after the

first publication of the poet's legacy in the European language in general, and twenty years earlier than the first publication of Makhtumkuli's poems in Russian translation, which was made known until that time, by F. Bakulin. Thanks to the work of A. Khodzko, not only Western European but also Russian readers could familiarize themselves with the poetic heritage of the great Turkmen poet long before what was.

One of the first researchers A. Khodzko drew attention to the Persian theatrical performances «theazie» and published five texts of these plays. Most of A. Khodzko's works are rich in primary material collected by the researcher at the places of his long stay because of his constant contact with the local population. This is the main value of the works of the orientalist.

A. Khodzko's activities contributed to the formation of humane ideas about the peoples of the Middle East among his contemporaries. His works contributed to the development of folklore and ethnography of the peoples of the Caspian region. He became the popularizer of the work of the outstanding Azerbaijani writer Mirza Fatali Akhundov.

Another explorer of the East was A.O. Mukhlinsky. By origin from the Belarusian Tatars, an expert in the field of Turkic linguistics and literature. His research interests included the history of Islam within the former Grand Duchy of Lithuania. A.O. Mukhlinsky is the founder of scientific Turkology at St. Petersburg University. He was the founder of a specialized department of Turkish, later Turkish-Tatar, literature (literature of the Volga and Crimean Tatars). He taught the students courses in Arabic, Turkish languages, as well as the history and geography of the East and the history of the Ottoman Empire.

From 1832 to 1836 he was sent to the Ottoman Empire; trained in Ottoman Egypt, at the famous university at the Cairo mosque al-Azhar, founded in 972, from where he brought out several manuscripts, including a work by the Persian mathematician and astronomer

Ahmad al-Katib. A.O. Mukhlinsky actively published in the «Library for Reading» Arabist, writer, and publicist O.I. Senkovsky, in the «Encyclopedic Dictionary» 1861.

A researcher of the Middle East within the framework of the spiritual names of the Vatican was M. Ryllo, a native of the Grodno province. After the closure of the Jesuit Academy in Polotsk and the ban on the activities of the Jesuit order, he went to the Vatican, where he has delegated the authority to represent the Catholic Church in the regions of the Middle East and North Africa. M. Ryllo was among the first Europeans to visit and describe Babylon. He opened educational institutions for Christians in the Middle East. His subsequent spiritual activities took place on the territory of Sudan.

K. Kossovich, who became a famous Sanskritologist, Iranianist, Semitologist, came from Polotsk. He spoke Greek, Arabic, Hebrew. He educated at the Moscow State University in the language department. His brother, I. Kossovich, studied the Avestan language and translated the Avesta into Latin. He worked at the University of St. Petersburg. His interests included Greek and Roman literature.

A. Makovelsky comes from the Belarusian city of Grodno. At the beginning of the twentieth century, he was sent by the University of Kazan to Berlin to study sources on ancient philosophy. The subject of his scientific research was pre-Socratics. In Berlin, he communicated with representatives of German cultural philosophy.

The fourth cross-cultural composition within the landscape of Belarus was created by the modern era. Vitebsk and Minsk stood out for their creative atmosphere. By the 19th century, they had become major centers of contemporary art. In Vitebsk, the creative laboratory was in the central part of the city limits. Minsk was characterized by a wide variety of use of the creative resources of the cultural space.

Vitebsk, limited by the city limits, found itself at the mercy of the European evolution of art. I. Repin played a huge

role in the actualization of the city's art history resources. He contributed to the formation of the infrastructure of creativity. Composers and artists began to look for new forms of presentation of reality and new forms of activating sensory and abstract logical resources of a person's worldview in extreme conditions of technogenic changes, dynamic in terms of the content of the situation of the birth of the modern era. M. Chagall's creative gift took place in Vitebsk. K. Malevich was among the teachers in the public school opened by him.

This urban school of Art Nouveau was to become a part of the Parisian school of European musical art in migration. On its basis, original creative projects were realized, first, the Russian seasons in Paris, organized by S. Diaghilev with the participation of a native of Belarus L. Bakst. This was the first wave of migration due to the pre-war years leading up to the First World War.

Thanks to the artists, the musical culture of Russia has acquired an attractive stage image. L. Bakst was aware of the music and those images that were designed in the form of costumes, theatrical props. The music was further enhanced by the visual aesthetics of the stage design.

The change of paradigms of artistic creativity demanded reflection in intellectual creativity. M. Bakhtin, whose life turned out to relate to the Vitebsk province, raised in his works topical issues of communication, medieval aesthetics, hermeneutics, carnivalization of culture.

Vitebsk, where M. Bakhtin's creative years passed, became one of the centers of design activity. The First World War and the civil war that followed in Russia ended the era of aristocratic culture not only in Belarus but also in Europe. J. Ortega y Gasset wrote about the beginning of the era of the crowd. F. Nietzsche expounded the conceptual foundations of the philosophy of nihilism in his notes. Already F. Dostoevsky saw the tragic threshold of the era of nihilism [10]. This intuition of the writer of the golden age became the basis for subject consideration in the works of M. Bakhtin [11].

References

1. Arutiunova-Fidanian V.A. Armeniia i Vizantiia v VII v.: sinteznaia kontaktnaia zona [Armenia and Byzantium in the 7th century: a synthetic contact zone]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine Times], 61, 58-60. (In Russian).
2. Shutova, O. (2014). Again, About Skaryna in Padua: New Possibilities of Reading the Old Documents. In Three Parts: Time and Context; Circumstances; Attendees. *Belarusian Review*, 26, 17-23.
3. Savinov, R.V. (2010) Epizod iz istorii Kontrreformatsii: Martin Smigletsii [Episode from the history of the Counter-Reformation: Martin Smigletsky]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy of Humanities], 11, 3, 70-76. (In Russian).
4. Shmonin, D.V. (2006) *V teni Renessansa* [In the shadow of the Renaissance]. St. Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).
5. Blinova, T.B. (2002) *Iezuity v Belarusi (Ikh rol' v organizatsii obrazovaniia i prosveshcheniia)* [Jesuits in Belarus (Their role in the organization of education and enlightenment)]. Grodno: GrSU. (In Russian).
6. Lachterman, D. (1992). Mathematical Construction, Symbolic Cognition and the Infinite Intellect: Reflections on Maimon and Maimonides. *Journal of the History of Philosophy*, 30, 497-522.
7. Miliukov A.P. Znakomstvo s Senkovskim [Acquaintance with Senkovsky]. *Istoricheskii vestnik* [Historical Bulletin], 1, 1, 151-158. (In Russian).
8. *Nasledie mongoloveda O.M. Kovalevskogo i sovremennost'* [The successor of the Mongol leader O.M. Kovalevsky and modernity'] (2002). Kazan: Publishing house of KSU. (In Russian).
9. Hodz'ko A. (1839) *Derar. Vostochnaia povest' v stikhakh* [Derar. Eastern story in verse]. St. Petersburg: Voennaia tipografiia. (In Russian).
10. Losskii, N.O. (1953) *Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie* [Dostoevsky and his Christian worldview]. New York: Chekhov Publishers. (In Russian).
11. Duff, D. (2002). Intertextuality versus Genre Theory: Bakhtin, Kristeva and the Question of Genre. *Paragraph*, 25, 1, 54-73.

About the author:

Alexander I. Loiko, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophical Studies at the Belarusian National Technical University

65, Nezavisimosti Ave. Minsk, Republic of Belarus, 220113
alexander.loiko@tut.by

CULTURE & RELIGION

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

УДК 94 [410]

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_51

В.Н. Ерохин

Магадан

Северо-Восточный государственный университет

erohin_vladimir@inbox.ru

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В АНГЛИИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

В статье исследуется культуротворческий потенциал Реформации и протестантизма. Новое религиозное течение повлияло на все сферы общественной жизни, включая образование, науку и культуру. Идеи протестантизма, основанные на необходимости самостоятельного чтения текста Священного Писания для каждого верующего без каких-либо посредников и внешних авторитетов, стали формировать в протестантской культуре особый тип личности. Человек стал стремиться получать образование, вырабатывать собственную точку зрения на явления и процессы естественной и социальной природы. Исследование показало, что в развитии английского протестантизма отмеченные в статье тенденции привели к «образовательной революции» второй половины XVI – XVII веков. Рост численности студентов университетов в этот период свидетельствует о стремлении молодых людей к прагматическому знанию в научных исследованиях. Опора на слово во всех сферах культуры сформировала специфический логоцентризм изучаемого в статье периода английской истории.

Ключевые слова: Реформация, раннее Новое время, Англия, образование, наука, культура.

Эпоха раннего Нового времени (XVI–XVII вв.) в истории Европы характеризуется, наряду с происходившим в это время генезисом капитализма, активным развитием образования и науки, что было обусловлено практическими потребностями этого времени и влиянием религиозной Реформации, побуждавшей к личностному самосовершенствованию. Влияние Реформации сохранилось в ценностных и мировоззренческих ориентирах, а также установках западноевропейской культуры по сей день.

Реформация оказала трансформирующее влияние буквально на все стороны общественной жизни – отношение к труду и экономическую мотивацию, политическую культуру общества, литературу и искусство, быт, семейную жизнь. В рамках христианской доктрины протестантизм произвел такое смещение акцентов, рекомбинацию исходных посылок, что это не только преобразило христианскую религию, но и придало христиан-

скому богословию динамизм, большую, чем прежде, способность реагировать на культурно-исторические перемены, усилило внимание к личности.

Тезис лютеранства об оправдании только верой усилил личностное начало в человеке, содействовал развитию способности к самоорганизации, общественному самоуправлению. Еще более эти установки в протестантизме усилил кальвинизм, формируя ориентацию на дела, в первую очередь, на собственные силы человека. В результате в общественной жизни стала укрепляться сфера, не регулируемая непосредственно государством. Изменилось и понимание права – под влиянием борьбы протестантов за свободу вероисповедания стало утверждаться представление о том, что у человека могут быть не только обязанности, но и неотчуждаемые, неотъемлемые права. Потенциально протестантизм открывал большой простор личной инициативе человека, и это стало сказываться в практике общественной

жизни. Было разрушено также и отрицательное средневековое отношение к ростовщичеству, сдерживавшее развитие капитализма.

Реформация оставила глубокий след также и в английской культуре, повлияв практически на все сферы общественной жизни.

Развитию образования, науки и культуры в Англии раннего Нового времени посвящён целый ряд британских и североамериканских исследований [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Есть основания утверждать, что влияние Реформации уже через несколько десятилетий после выступления в 1517 г. Мартина Лютера придало заметный импульс развитию образования в протестантских странах. Теперь религиозные службы проводились на языке, понятном для прихожан, а текст Священного Писания тоже был понятен и доступен для всех верующих. Над этим текстом можно и нужно было размышлять.

В англо-саксонском мире это прослеживается очень отчетливо. Л. Стоун, проанализировав ситуацию в высших учебных заведениях Англии в 1560–1640-е гг., утверждал, что процессы, происходившие в это время в образовательной сфере, можно оценить как «революцию в образовании». Он представил общую динамику поступлений данного периода в университеты. Первая волна значительного увеличения поступлений в университеты, прошедшая в 1560-е гг., достигла своего пика около 1583 г., затем последовало затишье до восшествия на престол короля Якова I Стюарта (1603–1625). Предположительными причинами спада поступлений в университеты с 1583 по 1604 гг., полагал Л. Стоун, могли быть религиозно-идеологические. До этого, по его мнению, на увеличение поступлений в университеты сильно влияли пуритански настроенные священники, а в 1583 г. архиепископом Кентерберийским стал Джон Уитгифт (1583–1604), противник пуритан, и они стали опасаться за судьбу университетов, англиканской церкви, так как церковные администраторы стреми-

лись теперь создать тут неблагоприятный для пуритан климат. Могло повлиять на уменьшение числа поступлений, считал Стоун, также некоторое ухудшение экономического положения Англии в последнее десятилетие правления королевы Елизаветы I (1558–1603): неурожай, рост цен, повышение налогов, расстройство торговли. Но после 1604 г. вновь начался наплыв поступлений в университеты, продолжавшийся до Английской революции 1640–1660 годов. Доля поступающих в университеты в соотношении ко всему населению страны была накануне Английской революции такова, что вновь была достигнута только в 1860-е годы [6, p. 50–51].

Л. Стоун провел довольно детальные статистические подсчеты, используя материалы о поступлениях, сохранившиеся в университетских архивах. Он установил, что в 1630-е гг., на которые пришелся пик притока в высшие учебные заведения, ежегодно поступали примерно 1 240 молодых людей, если учитывать поступления в университеты, а также в юридические корпорации Лондона (Линкольнс-Инн, Грейс-Инн, Миддл-Тэмпл, Иннер-Тэмпл). Последние по своему статусу также являлись высшими учебными заведениями. Численность населения Англии в изучаемый период оценивается приблизительно в 5,2–5,5 млн человек. В университеты поступали в возрасте 15–19 лет. Ежегодно возраста 17 лет достигало 50 040 лиц мужского пола, и 1 240 поступавших в высшие учебные заведения составляли 2,48 % от всех лиц, достигших этого возраста [6, p. 56].

Л. Стоун проанализировал также социальный состав высших учебных заведений Англии того времени. Наиболее привилегированными учебными заведениями в 1560–1640 гг. продолжали оставаться юридические корпорации в Лондоне: здесь доминировали выходцы из среды крупной землевладельческой аристократии, в 1570-е гг. составлявшие 85 % всех обучающихся. Далее, в течение данного периода доля

сыновей юристов, выходцев из буржуазной среды среди обучающихся студентов, продолжала возрастать. В 1630-е гг. представители землевладельческой аристократии заполняли юридические корпорации на 75 % [6, p. 59].

Данные о поступлениях в университеты представителей различных социальных групп Л. Стоун рассмотрел на примере двух колледжей Кембриджского университета, Caius College и St. John's College. В этих двух колледжах накануне гражданской войны среди обучавшихся студентов треть составляли выходцы из джентри, четверть – из духовенства и формировавшихся групп профессионалов-интеллектуалов (адвокатов, учителей и т. п.), примерно 16,5 % – из ремесленников, торговцев, средних слоев города [6, p. 65–66].

Л. Стоун считал, что стремление дать высшее образование своим детям, проявившееся в среде английского состоятельного класса с середины XVI в., следует рассматривать и как следствие влияния религиозной Реформации, и как признак экономического благополучия этих социальных групп в Англии того времени. В стране активизировалась городская жизнь во всех своих проявлениях, и пребывание в университете, по мнению состоятельных родителей, ограждало их детей от многих искушений юности. По согласованию с родителями университетские наставники не только контролировали расходы своих питомцев, но даже могли их подвергать телесным наказаниям.

В это время наблюдается поток благотворительных пожертвований университетам, заметно повышается оплата труда и денежное содержание преподавателей. За счет благотворительных завещаний было учреждено около 500 стипендий для недостаточно состоятельных студентов в университетах. На получение стипендии, как отмечал Л. Стоун, проталкивало своих протеже высшее духовенство, да и джентри.

Стоун показал, что были созданы возможности для того, чтобы работать во время обучения в колледже в сфере услуг – бедные могли наниматься прислу-

живать состоятельным сверстникам-студентам тут же, в учебном заведении. Учёный утверждает, что колледжи в целом поддерживали в составе студентов разумный баланс между богатыми и бедными: в любом колледже существовала необходимость в том, чтобы состоятельные студенты имели слуг, которых брали из числа неимущих студентов.

Стоун считает бессмысленными дискуссии о том, какие классы получили наибольшие выгоды от происшедшего в стране бума в образовании. По его мнению, представители всех социальных групп, чей достаток поднимался над уровнем удовлетворения лишь насущных жизненных потребностей, имели доступ к университетскому образованию: землевладельческая знать, джентри, городская и сельская интеллигенция, буржуазия, ремесленники, выходцы из семей копигольдеров, арендаторов. Все они имели возможность учиться в университетах в рассматриваемый им период. В высших учебных заведениях не было только выходцев из самых низов – дети в таких семьях очень рано начинали работать, и у большинства из них нужда подавляла социальную мотивацию, сужала кругозор и не давала возможности развиться тяге к образованию.

Л. Стоун приходит к выводу, что уровень образованности в английском обществе середины XVII в. по европейским меркам был высок: более половины мужского населения Лондона в это время было грамотным, в графствах, окружающих Лондон, треть мужского населения могла подписаться своим именем, и большинство из них, видимо, умели читать. После событий 1640–1660 гг. в условиях реставрации Стюартов усилились консервативные тенденции в подходе к образованию. Уровень образованности, как в середине XVII в., был достигнут в Англии лишь после Первой мировой войны [6, p. 71–72].

Причины такого образовательного бума Л. Стоуну в основном ясны. Он связывает их с ликвидацией церковной монополии на образование в эпоху

Реформации, социально-экономическим развитием общества, генезисом капитализма, требовавшим увеличения числа образованных профессионалов. Кроме того, поднимались средние классы, не жалевшие средств на образование своих детей. Большой вклад в повышение образовательного уровня английского общества внесли пуритане. Они отмечали религиозное значение образования для становления личности, рассматривали его как опору в борьбе с невежеством, богохульством и праздношеством.

В период междуцарствия в 1649–1660 гг. произошло расширение образования на всех уровнях, модернизация курсов обучения. В 1641 г. в Англию был приглашен известный чешский педагог Ян Амос Коменский (1592–1670). Пуритане предлагали ввести всеобщее начальное образование, создавали новые школы. Во времена протектората (1653–1660) планировалось открытие третьего университета в Дареме [6, p. 72–73].

Прямое влияние принадлежности к протестантскому вероисповеданию на повышение уровня образованности в обществе, как считал Л. Стоун, наглядно показывает пример пуританской Новой Англии. Здесь отнюдь не в самых благоприятных экономических условиях переселенцы сразу начали создавать широкую систему образовательных учреждений. Уже при жизни первого поколения переселенцев был основан Гарвардский университет (1636). Главам семей было поручено начальное образование детей и слуг, каждое поселение из 50 семей должно было на коллективные общественные средства нанять школьного учителя, каждое поселение с числом семей более 100 – открыть среднюю школу. В результате в пуританской Новой Англии к 1650-м гг. 90 % глав семей и 40 % их жен могли читать и писать. Доля же студентов колледжей по отношению к небольшому по численности населению была такова, что процент студентов в колледжах США к общей численности населения в XX в. между двумя мировыми войнами был ниже, чем в 1650-е годы [6, p. 73].

Среди членов революционного Долгого парламента, отмечал Стоун, доля депутатов, имевших университетское образование, составляла 50 %, но полных данных о депутатах нет. Он полагал, что эта доля может быть увеличена до 60 %. Такого уровня образованность членов парламента вновь достигла в середине XIX в. Затем она вновь снизилась с приходом в парламент депутатов от лейбористской партии [6, p. 78–79].

После революции 1640–1660 гг. уровень образованности в английском обществе по ряду причин начал снижаться. Упадок религиозного энтузиазма уменьшил объем завещаний, составленных на образовательные цели. Уменьшилось и число разбогатевших землевладельцев, которые стремились бы дать высшее образование своим детям. Джентри испытывало экономические трудности из-за увеличения налогообложения и отставания размеров роста рент от роста цен. Важным новшеством в образовательной деятельности было и то, что свои образовательные учреждения стали создавать диссентеры и неконформисты, получившие возможность для легальной деятельности после издания Акта о веротерпимости 1689 года. Высшими учебными заведениями у них были академии. Сохранявшееся в среде английских диссентеров религиозное рвение способствовало тому, что эти негосударственные учебные заведения давали хорошее образование, не уступавшее университетскому. Диссентеры-неконформисты не могли поступать в университеты, где царила англиканская церковь, что также уменьшило количество студентов в Оксфорде и Кембридже [6, p. 79].

В среде британских историков происходили дискуссии о социальных основах научной революции XVII века. Х.Ф. Кирни полемизировал с известным британским историком К. Хиллом, который в своей интерпретации развития образования, науки в Англии в конце XVI – первой половине XVII в. утверждал, что поднимавшаяся буржуазия в это время была опорой новой науки, образования и прогресса.

Кроме того, выразителями этих настроений были и пуритане. Хилл заявлял, что гражданская война во время революции в Англии происходила между «приверженцами разных школ в астрономии: между парламентариями – сторонниками гелиоцентрической системы и роялистами – сторонниками системы Птолемея». К. Хилл писал также об основании в 1596 г. в Лондоне учебного заведения, по его мнению, нового типа – Грешем Колледж. Его контролировали купцы и торговцы, а не духовенство, и образовательные программы колледжа были нацелены на приобретение практического знания [8].

Х.Ф. Кирни раскритиковал эти взгляды К. Хилла. По его словам, «Хилл представляет свою версию привлекательно и умело. Он, опираясь на воображение, выстраивает свои свидетельства, пишет убедительной прозой», которая не соответствует фактам [4, р. 86–87].

Исследуя преподавательский состав Грешем Колледжа и его учебные программы, Кирни пришел к выводу, что он не был учебным заведением, отличным от университета. В нем университетское по характеру образование было сделано доступным и приспособленным к уровню населения Лондона, а программы включали не только математику, навигацию, но и риторику, богословие, гражданское право. Грешем Колледж был настолько же светским, насколько и «клерикальным». И здесь некоторые преподаватели имели священнический сан, как и в университетах, а в отношении религиозных настроений в этом учебном заведении они были, скорее, усредненно протестантскими, близкими к латитудинарианским, чем пуританскими. При обстоятельном рассмотрении Грешем Колледж выступает не новым образовательным учреждением, созданным в интересах поднимающегося капиталистического класса, а учебным заведением, в значительной мере обязанным прошлому. Оно представляло собой реорганизацию академической культуры в среде столицы, в Лондоне, с некоторым признанием важности практических нужд в обучении [4, р. 89].

В полемике с К. Хиллом Х.Ф. Кирни обращается также к фактам и мнениям, приводимым другими исследователями данной эпохи. Британский историк науки Ева Тейлор, например, в своем исследовании о математиках в правление Тюдоров и Стюартов отмечала, что число математиков, постоянно занимавшихся наукой, в это время было очень невелико, примерно 150 человек [9]. Они нуждались в покровительстве, при покровителях выполняли определенные практические работы, связанные, чаще всего, с межеванием земель, навигацией. По мнению Е. Тейлор, выдающуюся роль в поддержке новой науки сыграло джентри. Среди покровителей ученых бывали и случаи поддержки со стороны крупных торговых компаний, но торговцы часто отказывали в помощи или выставляли жесткие практические условия. Хилл же выдвигал тезис, что купцы и ремесленники поддерживали новую науку. Но условия жизни этих социальных групп в конце XVI в., отмечает Х.Ф. Кирни, были далеко не самыми благоприятными – в это время сократились объемы внутренней торговли, ремесленные и промышленные предприятия работали с недогрузкой, обострились социальные противоречия. Можно быть уверенным, считает Кирни, что оценка английских торговцев этого времени как «прогрессивных и дальновидных» является ошибочной, поскольку не существует ясной и очевидной связи между принадлежностью к купечеству и политическим, религиозным и научным радикализмом. Все достижения в науке этого времени были достижениями горстки людей, для всех из них наука была творческой, а не практической деятельностью с утилитарными целями. Поэтому Х.Ф. Кирни приходит к выводу, что «ни один торговец в это время не внес прямого вклада в науку» [4, р. 93].

Особые возражения у Кирни встречает утверждение Хилла о прямой связи пуританизма с наукой. В целом протестантизм, и в том числе пуританизм, как видно по многочисленным свидетельствам, вне всякого сомнения, пробуждал

тягу к знанию, специальное внимание к образованности. Поначалу понимание содержания образованности всеми протестантами было примечательно традиционным и отличалось даже некоторой настороженностью по отношению к лицам, обладавшим высокой ученостью или имевшим такую репутацию. Протестанты связывали такую высокую ученость с принадлежностью к католицизму, ложной, в их понимании, религии, или же упрекали таких ученых лиц в том, что они нечувствительны к тому, что нужно народу. Х.Ф. Кирни отмечал, что пуританизм принес с начала XVII в. в религиозную жизнь то, что называют «энтузиазмом». Термин этот используется исследователями данного периода и в контексте религиозной истории реформационного периода и означает примерно «религиозную взвинченность с элементами мракобесия». Пуританизм в этом смысле нашел выражение в деятельности и мировоззрении индипендентов в революционный период с характерной для этих борцов за религиозную и политическую свободу настороженностью в отношении к университетам, к использованию учености в религиозных делах, и требованием собрать все действующие законы в одну книгу. Разветвленность существовавшего законодательства, по мнению индипендентов, только осложняла жизнь простому народу. В пуританской среде настоятельно подчеркивалось требование пользоваться простым стилем религиозных проповедей, без использования ученых аллюзий и образов: сами пуритански настроенные духовные лица заявляли, что священник, вступивший на кафедру для проповеди, своими речами должен духовно наставлять прихожан, а не демонстрировать содержанием и стилем проповедей свою ученость.

Некоторые ученые этого времени имели связи в пуританских кругах. Но, если обратиться к примеру многих ведущих исследователей того времени, например к взглядам Уильяма Гарвея (1578–1657), Роберта Бойля (1627–1691), Исаака Ньютона (1642–1727), то можно

убедиться, что они принадлежали к совершенно иной традиции религиозной мысли, которая тоже развилась в английском протестантизме: ее можно назвать латитудинаристской, умеренной. В религии они отводили больше места разуму, чем эмоциональному опыту.

Для пуритан был характерен и яростный антиаристотелизм, так как философия Аристотеля отдавала предпочтение умозрительным видам знания практическим. На формирование практических наклонностей в мировоззрении пуритан, считал Кирни, повлиял французский философ и логик Пьер Раме (1515–1572). Из аристотелевской логики он убрал все ее черты, которые, по его мнению, были бесполезны в практической жизни. Логике Раме высоко ценил известный пуританский богослов У. Перкинс (1558–1602), другие авторитетные пуританские священники [4, р. 95–96]. Это направление в науке не интересовало ее развитием как познавательной деятельности ради самой себя, ради внутринаучных целей. Типичным приверженцем Раме был, по оценке Кирни, и приехавший в Англию чешский педагог Ян Амос Коменский, который проповедовал упрощенный и утилитарный подход к изучению языков. Неудивительно, что ученые этого толка скептически относились к возможности доказательства достоверности гелиоцентрической космологии. Так, Коменский не разделял идеи Коперника. Эти прагматики толка Раме в космологии становились на позиции Библии – ее информации на данный счет им было вполне достаточно. Аналогичную позицию выразил и Джон Мильтон в поэме «Потерянный рай» (1667). Кирни называет её «прагматической в самом вульгарном смысле этого слова», «обскурантистским утилитаризмом, враждебным всем исследованиям нерешенных проблем в изучении физического мира» [4, р. 97–98]. И в астрономии периода революции тоже не совсем ясно, на чьей стороне в космологической теории были сторонники парламента. Кирни считает, что библейски настроенные парламен-

тарии были сторонниками компромисса в космологии между гелиоцентризмом и геоцентризмом, предложенного датским астрономом Тихо Браге (1546–1601), спасая буквальный смысл Библии.

Тем не менее, отмечал Х.Ф. Кирни, все это не означает, что отсутствовала связь между развитием протестантизма и новой, опирающейся на индукцию и дедукцию, наукой XVII века. Более критичный подход к религиозным авторитетам, характерный для эпохи Реформации, создавал духовную атмосферу, predisposed к критическому подходу также и к догмам в науке. Но не следует проводить прямой связи между социально-экономическим развитием и историей науки, считает Кирни, так как революционные открытия в науке были результатом, в сущности, умозрительных занятий и поначалу не имели практических применений. Реформация, протестантизм постепенно формировали, скорее, духовную атмосферу, в которой сложились интеллектуальные предпосылки, благоприятные для развития новой науки.

Распространение реформационных идей меняло также духовный климат в развитии всех сфер английской культуры. С началом Реформации протестантами проповедовались идеи о том, что все культурные явления должны быть религиозно окрашенными. При этом первое и второе поколение английских протестантов ещё не испытывали враждебности к светской культуре и зрелищам как таковым и возражали лишь против того, чтобы с их помощью распространялись папизм и предрассудки. В 1530–40-е гг. английский протестантизм еще не чувствовал противоречий с культурой улицы и деятельностью пивных и виноторговцев. О Библии спорили в пивных, и протестанты даже заявляли, что участники споров на религиозные темы сильно не напиваются. В правление Марии Тюдор (1553–1558), когда в Англии произошла реставрация католицизма, протестанты тайно собирались в разных гостиницах в Лондоне, и перед проповедью в них свободно подавали и потребляли напитки.

Только в дальнейшем протестанты стали чуждаться питейных заведений, осуждая даже товарищеские компанейские выпивки. В пуританской среде появилось мнение о том, что за здоровье не следует поднимать тосты и пить – за здоровье лучше помолиться. Со времени около 1580 г. усилились нападки английских протестантов на светскую культуру, что особенно наглядно видно на примере театра. Началось также существенное (хотя и не ставшее полным) расхождение между светской и духовной музыкой.

Впоследствии произошла интеграция английской культуры с этими протестантскими установками – она изменилась вследствие воспринятых ею протестантских влияний. Под влиянием Реформации стал происходить переход от устной и визуально-образной культуры к культуре печатного слова, одним из выражений которого в религии стал выход на первый план проповеди вместо совершения таинств.

К началу XVII в. театральные постановки по стране начали прекращаться властями. Актерам даже платили за то, чтобы они ушли из города, а граждан города штрафовали, если они куда-нибудь ходили на театральные представления. Для пуритан было грехом развешивание гирлянд на майских шестах, даже охота с ястребом, травля оленей и медведей, игра в шахматы, ношение локонов. Практически единственными формами признававшегося пуританами достойного проведения досуга были занятия стрельбой из лука и упражнениями, которые развивали военные умения [10, р. 95–97, 102–109].

Основными аргументами для осуждения театра у пуритан были критика драматических постановок как лжи с особыми возражениями против трансвеститов в исполнении женских ролей мальчиками (в Ветхом Завете Второзаконие 22:5 бескомпромиссно осуждает трансвестизм); отвращение к непристойностям – к эротичности некоторых театральных сцен; обвинения в идолопоклонничестве тех, кто смотрел театральные зрелища.

Пуритане особенно осуждали пьесы на религиозные темы. Постановка пьес на библейские темы стала незаконной после издания в 1605 г. Акта о богохульстве. В 1637 г. против театров опубликовал свое сочинение «*Histrion-mastix*» известный пуританин Уильям Принн (1600–1669), поплатившийся за критику религиозной политики властей отрезанными ушами, но до отъезда короля Карла I Стюарта (1625–1649) из Лондона и начала гражданской войны в 1642 г. пуритане не могли закрыть театры [10, р. 112].

Примерно с 1580 г. протестанты в Англии с осуждением стали относиться также к изобразительным искусствам, подвергнув критике реалистические картины на религиозные сюжеты, а также баллады на религиозные темы. Издания Библии почти перестали сопровождать иллюстрациями, что отразилось на оформлении английских книг в целом. С 1600 г. в течение нескольких десятилетий протестантская Англия вышла на стадию, которую П. Коллинсон называет «иконифобией», когда отвергались все изображения на основе прямого следования второй библейской заповеди. Ранее, в начале XVI в. в английской культуре существовала ситуация, когда человек из социальных низов в том случае, если оказывалось, что у него в собственности есть хотя бы одна книга (фактически любого содержания), попадал под подозрение в ереси лоллардизма. К 1600 г. владелец картины (тоже практически на любую тему) мог быть заподозрен в принадлежности к католицизму. Большинство лиц даже в высших классах английского общества не имело картин и скульптур, не стало даже детских книг с картинками. Символику распятия в общественных местах заменили королевские гербы [10, р. 117–118].

Протестантская религиозность стала в конце XVI в. утверждаться и в армии, где проповеди и пение псалмов были введены ещё до Английской революции середины XVII века [10, р. 121].

На рубеже XVI–XVII вв. начал становиться заметным разрыв между народ-

ными праздниками и жизнью приходской церкви. Иногда народные праздники исчезали по экономическим причинам – по мере роста цен дорожали еда и напитки, и расходы на их проведение не окупались. В XVII в. народные праздники отмирали не только по экономическим причинам, просто многим англичанам они теперь определённо не нравились. С 1580-х гг. против распространённых в народе форм проведения досуга духовенство начало кампанию, осуждая, например, игру в футбол, поскольку она нередко оборачивалась «дракой в дружеской форме». Пока спорт оставался популярным среди представителей социальных низов, более состоятельные люди, имевшие деловые интересы и собственность, которая могла пострадать от буйных форм народного отдыха, относились к этой форме проведения времени без энтузиазма и были озабочены, прежде всего, поддержанием общественного порядка [11, р. 155–157, 175–177]. Отношение состоятельных социальных групп к народной культуре всё же не было однозначно осуждающим: например, в Лидсе против запрещения праздников выступали наиболее состоятельные ремесленники и торговцы в городе, в городе Стратфорде за сохранение праздников высказывались местные джентльмены, йомены, состоятельные ремесленники [12, р. 841–842]. Как писал П. Коллинсон, рассмотрение подавления народных форм проведения досуга как проявления классовой борьбы означает признание появления ещё в начальный период раннего Нового времени пока не существовавшей реально острой степени поляризации в английской культуре – «невозможно утверждать, что выпивка в это время доставляла удовольствие только представителям социальных низов, или только дети бедняков любили предаваться шумным играм по воскресеньям» [13, р. 182].

С 1572 г. стали фиксироваться случаи, когда пуритански настроенные лица сносили майские шесты. Вообще же первый известный случай сноса майского шеста

протестантами произошёл в Лондоне в 1549 г. после проповеди против идолопоклонства, произнесенной у собора Св. Павла. В течение двух последующих десятилетий эти настроения стали приобретать более широкое распространение. Те, кто участвовал в народных празднествах, по мнению пуритан, нарушали четвертую и седьмую заповеди (обязательное посещение церкви по воскресеньям и запрет внебрачных связей), а то и сразу все Десять заповедей. У современников также появилось ощущение, что те, кто уделяет время участию в таких праздниках, тратит время впустую, изнуряет силы, а на те средства, которые идут на театральные представления, лучше накормить нищих. Стали даже жалеть брать хорошие деревья для использования их в качестве майских шестов, чтобы уберечь лес. Оправданием к существованию народных развлечений было то, что они поддерживали дух товарищества и добрые отношения между жителями одного поселения. К 1630-м гг. лозунг о необходимости сохранения добрососедства стал способом сплочения защитников народных традиций против давления со стороны пуритан. При этом трудности для пуритан представляло то, как быть с текстом из Книги Экклезиаста, в котором говорилось, что есть время для скорби и есть время для танца. Фактически даже и среди духовенства в Англии было немало тех, кто защищал танцы [14, р. 13–16, 24].

Заметным было влияние Реформации на семейную жизнь. Протестантизм, оставаясь патриархальным по характеру в понимании семьи, всё же углубил, как считают, эмоциональность семейных отношений. В Англии под влиянием Реформации довольно скоро неженатые духовные лица стали исключением. К концу XIX в. в английском обществе сложилось убеждение, что английский идеал семейной жизни и привязанности к дому связан с пуританскими влияниями. Л. Стоун связал протестантизм, а в равной мере и пуританизм, и англиканство, с появлением того, что он называл «строгая патриархальная нуклеарная семья» и

стремлением к тому, что можно назвать браком-дружбой, поскольку такой брак поощрял стремление к домовитости, семейным домашним добродетелям, что было, возможно, самым далеко идущим последствием Реформации в Англии, но эти вопросы легче изучать на примере социальных верхов [15, р. 5; 16, р. 141].

В понимании воспитания детей в пуританизме видны некоторые жёсткие черты. В протестантской антропологии воспринятый у Августина Блаженного пессимизм преподносил детей как склонных к воздействиям дьявола. Известный пуританин Джон Робинсон (1575–1625) – духовный наставник «отцов-пилигримов», отплывших в Америку на «Мэйфлауэре» в сентябре 1620 г., полагал, что присущая детям по природе гордыня должна быть сломлена и выбита из них. Протестантские богословы обычно осуждали родителей за пренебрежение воспитанием детей. Некоторые историки считают, что суровость воспитания оказывала травмирующее влияние на ребенка. Но есть и другие мнения: пуритане, в отличие от англичан викторианской эпохи, не превращали детство в период воспитания в сентиментальных фантазиях, а стремились к их религиозному обращению, помогали формироваться детям в том, что воспитывали их морально ответственными, способными лучше приспособиться к реальному миру взрослых [17, р. 113–137]. Но есть также достаточно свидетельств, что отношения родителей и детей в Англии XVI–XVII вв. были очень тёплыми, о чём писали П. Коллинсон, Б. Ханаволт и П. Зивер [10; 18; 19].

Достижение пуританами своих целей было затруднено тем, что разделявшие их идеи лица лишь в некоторых районах Англии имели власть только на местном уровне. Даже когда пуритане после окончания военных действий в гражданской войне с 1649 г. явно получили власть в стране, они не нашли эффективного средства, чтобы навязать свою волю и манеры поведения всему населению, поскольку исчезли общая церковная дисциплина и

церковные суды. Некоторые общины, в которых преобладали пуритане, в таких условиях приняли решение ограничить допуск к причастию, поскольку достойные причастия составляли меньшинство во всех общинах. Пуритане были одержимы идеей поддержания социальных контактов только в среде достойных, морально устойчивых лиц. После реставрации Стюартов в 1660 г., когда была восстановлена епископальная церковь как единственно законная, такие группы «избранных» часто были вынуждены уйти в более или менее отчужденный конформизм. Дальнейшее развитие английского протестантизма принесло такое плюралистическое разнообра-

зие, которого английские протестанты не хотели и не ожидали. Его продуктами стали официальная государственная англиканская церковь, неконформизм диссентеров (после «Славной революции» 1688 г. в следующем году для неконформистов-диссентеров был издан Акт о веротерпимости) и английский католицизм (который был легализован в стране в 1850 году) [10, p. 154].

Таким образом, целый ряд культурно-творческих практик в западноевропейских обществах раннего Нового времени испытал влияние протестантских, реформационных идей. Данное влияние в целом было благотворным по своим последствиям.

Список литературы

1. Brad G.S. *The Unintended Reformation. How a Religious Revolution Secularized Society*. Cambridge; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. 574 p.
2. Cressy D. *Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. X, 246 p.
3. Greaves R.L. *Society and Religion in Elizabethan England*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. 925 p.
4. Kearney H.F. Puritanism, Capitalism and Scientific Revolution // *Past and Present*. 1964. № 28. P. 81–101.
5. Morgan J. *Godly Learning: Puritan Attitudes towards Reason, Learning and Education, 1560–1640*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 366 p.
6. Stone L. *The Educational Revolution in England, 1560–1640* // *Past and Present*. 1964. № 28. P. 41–80.
7. Watt T. *Cheap Print and Popular Piety, 1550–1640*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. XIX, 369 p.
8. Hill Ch. *The Intellectual Origins of the English Revolution*. Oxford: Clarendon Press, 1965. IX, 333 p.
9. Taylor E.G.R. *Mathematical Practitioners of Tudor and Stuart England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1954. 442 p.
10. Collinson P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. New York: St. Martin's Press, 1988. XIII, 188 p.
11. Clark P. *English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500–1640*. Hassocks: Harvester Press, 1977. XIV, 504 p.
12. Fripp E.I. *Shakespeare, Man and Artist*. Oxford: Oxford University Press, 1938. 939 p.
13. Collinson P. *Cranbrook and the Fletchers: Popular and Unpopular Religion in the Kentish Weald* // *Reformation Principle and Practice*. London: Scholar Press, 1980. P. 171–202.
14. Goring J. *Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism and Popular Culture in Pre-Civil War England*. London: Dr Williams's Trust, 1983. 28 p.
15. Houlbrooke R.A. *The English Family 1450–1700*. London: Longman, 1984. VII, 272 p.

16. Stone L. The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800. London – New York: Harper & Row, 1977. 446 p.
17. Sommerville J. English Puritans and Children: A Social-Cultural Explanation // Journal of Psycho-History. 1978–79. Vol. VI. P. 113–137.
18. Hanawalt B.H. The Ties that Bound: Peasant Families in Medieval England. New York – Oxford: Oxford university press, 1986. XII, 346 p.
19. Seaver P.S. Wallington's World: A Puritan Artisan in Seventeenth-Century London. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1985. XIII, 258 p.

Сведения об авторе:

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор Северо-Восточного государственного университета (Магадан)

ул. Портовая, 13, Магадан, 685000
erohin_vladimir@inbox.ru

Дата поступления статьи: 26.05.2021

Одобрено: 27.05.2021

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования:

Ерохин В.Н. Влияние Реформации на развитие образования, науки и культуры в Англии в раннее Новое время // Сфера культуры. 2021. № 2 (4). С. 51–62. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_51

УДК 294 (410)

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_51

V.N. Yerokhin

Magadan

North-Eastern State University

erohin_vladimir@inbox.ru

THE INFLUENCE OF REFORMATION ON EDUCATION, SCIENCE AND CULTURE IN EARLY MODERN ENGLAND

This article studies the Reformation and Protestantism as a religious potential for cultural evolution. The religious confession influenced all areas of social life, including education, science, and culture. The ideas of Protestantism, based on the need for every believer to read the text of Holy Scripture independently without any intermediaries and external authorities began to form a special type of personality in Protestant culture. An individual began to seek education and to develop his point of view on the phenomena and processes of natural and social genesis. The study has also

revealed that in the development of English Protestantism the tendencies highlighted in the article led to an «educational revolution» of the second half of the sixteenth to the seventeenth century. The increase in the number of university students during this period is evidence of young people's desire for pragmatic knowledge in scientific research. The reliance on the word in all spheres of a culture shaped the specific logocentrism of the period of English history studied in the article.

Keywords: Reformation, Early Modern History, England, education, science, culture.

References

1. Brad, G.S. (2012) *The Unintended Reformation. How a Religious Revolution Secularized Society*. Cambridge; London: The Belknap Press of Harvard University Press.
2. Cressy, D. (1980) *Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Greaves, R.L. (1981) *Society and Religion in Elizabethan England*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
4. Kearney, H.F. (1964) Puritanism, Capitalism and Scientific Revolution. *Past and Present*, 28, 81–101.
5. Morgan, J. (1986) *Godly Learning: Puritan Attitudes towards Reason, Learning and Education, 1560-1640*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Stone, L. (1964) The Educational Revolution in England, 1560–1640. *Past and Present*, 28, 41–80.
7. Watt, T. (1999) *Cheap Print and Popular Piety, 1550–1640*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Hill, Ch. (1965) *The Intellectual Origins of the English Revolution*. Oxford: Clarendon Press, 1965.
9. Taylor, E.G. (1954) *Mathematical Practitioners of Tudor and Stuart England*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Collinson, P. (1988) *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. New York: St. Martin's Press.
11. Lamont, W. (1979) *Richard Baxter and the Millenium: Protestant Imperialism and the English Revolution*. London: Croom Helm; Totowa (N.J.): Rowman and Littlefield.
12. Clark, P. (1977) *English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500-1640*. Hassocks: Harvester Press.
13. Fripp, E.I. (1938) *Shakespeare, Man and Artist*. Oxford: Oxford University Press.
14. Collinson, P. (1980) Cranbrook and the Fletchers: Popular and Unpopular Religion in the Kentish Weald. *Reformation Principle and Practice*. London: Scholar Press, 171–202.
15. Goring, J. (1983) *Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism and Popular Culture in Pre-Civil War England*. London: Dr Williams's Trust.
16. Houlbrooke, R.A. (1984) *The English Family 1450-1700*. London: Longman.
17. Stone, L. (1977) *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800*. London – New York: Harper & Row.
18. Sommerville, J. (1978 1979) English Puritans and Children: A Social-Cultural Explanation. *Journal of Psycho-History*, VI, 113–137.
19. Sommerville, J. (1992) *The Discovery of Childhood in Puritan England*. Athens, Ga.: University of Georgia Press.
20. Hanawalt, B.H. (1986) *The Ties that Bound: Peasant Families in Medieval England*. New York – Oxford: Oxford university press.
21. Seaver, P.S. (1985) *Wallington's World: A Puritan Artisan in Seventeenth-Century*. London. Stanford (Calif.): Stanford University Press.

About the author:

Vladimir N. Yerokhin, Dr Sci. (History), Professor, Department of Social Sciences and Humanities, North-Eastern State University

13, Portovaya Str., Magadan, 685000
 erohin_vladimir@inbox.ru

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И БИБЛИОГРАФИЯ

DOCUMENTARY
HERITAGE &
BIBLIOGRAPHY

4

УДК 316.277.4[093.3]

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_65

Н.В. Середа

Тверь

Тверской государственный университет
nv.sereda@yandex.ru

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТВЕРСКИХ КУПЦОВ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В статье рассмотрены традиции ведения документов личного происхождения, существовавшие в купеческих семьях городов Тверской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века. Дошедшие до нас записи в основном составлялись синхронно происходившим событиям, но они включают в себя и записи предков, и воспоминания авторов, что придает им характер мемуаров. В некоторых семьях ведение записей было делом всей семьи, и это дело помогало воспитанию и образованию детей, развивало у них грамотность, наблюдательность.

Ключевые слова: документы личного происхождения, дневники, мемуары, купечество, Тверская губерния, традиции, культурное наследие, повседневность.

В числе малоизученных страниц русской культуры XVIII – первой половины XIX в. остается интеллектуальная и ментальная сторона жизни провинциального купечества. Отчасти это происходит «из-за слабой разработанности проблемы или долго сохранявшегося негативного восприятия термина “провинция”» [1, с. 125]. Отчасти тому виной недостаток источников личного происхождения, созданных в этой среде, значение которых к тому же до сих пор «еще не вполне осознанно, а ряд из них остаются вовсе незаслуженно забытыми» [2, с. 229].

Так, в городах на Средней Волге эта ситуация ощущается вполне отчетливо. Признавая «особую ценность» мемуаров и дневников, «которые были результатом творчества саратовских купцов», историками из Саратова был «выявлен только один такой дневник, основное содержание которого относится к периоду до 1865 года» [3, с. 102]. При изучении купческо-мещанской среды дореформенной Самары «также ощущается недостаток источников, особенно созданных непосредственно в этой среде» [4, с. 363]. В результате для средневолжского региона в целом «дневники, мемуары купцов и мещан были редким явлением в пер-

вой половине XIX в.», а потому «уникальными источниками такого рода» остаются дневники городского головы Саратова Д.М. Вакурова и самарского купца Е.Н. Аннаева [5, с. 314]. В этом отношении несколько выигрывали города на Верхней Волге и центре страны, обладавшие более старыми и богатыми культурными традициями.

В архивах и музеях Тверской области хранится довольно много документов личного происхождения, созданных в семьях горожан. Некоторые из этих текстов были введены в научный оборот и опубликованы еще членами Тверской ученой археографической комиссии (ТУАК) в изданиях «Прошлое и настоящее г. Твери» (1919) и «Летопись о событиях в Твери купца Михаила Тюльпина. 1762–1823» (1902). Но к концу XX в. эти издания стали библиографической редкостью, и широкое их использование краеведами и студентами поставило вопрос о переиздании работ членов ТУАК [6; 7]. Последняя по времени публикация текстов документов личного происхождения тверского купечества вышла из печати в 2007 г. и включает почти все тексты конца XVIII – первой половины XIX века [8].

Сохранившиеся тексты позволяют говорить, что в тех семьях, от которых дошли подобные источники, ведение дневниковых записей было традицией, сохраняемой в течение жизни нескольких поколений. Эта традиция в разных семьях закладывалась и поддерживалась по-разному. Начинатели дневников задавали форму записей, основную «концепцию» ведения семейной хроники, осознанно приобщали членов семьи к этому занятию. В некоторых из них, как у тверичан Блиновых, Томиловых и новоторжцев Масленниковых, явно существовал процесс формирования и поддержания «дневниковой культуры» у детей представителями старшего поколения, во всяком случае, на некоторых этапах существования династии. Признаки традиции ведения дневниковых записей можно выявить даже в памятниках личного происхождения, создававшихся по преимуществу одним человеком, как было с «Летописью Михаила Тютлина».

Важнейшим показателем существования «дневниковой традиции» можно рассматривать свидетельства о наличии у основного автора каких-либо предварительных заметок предков или ранних записей его самого, перенесенных в дошедший до нас памятник. Такие записи, видимо, и составили основу «Летописи Михаила Тютлина», ведь первая из них рассказывает о пожаре 1763 г., когда автору было всего лишь 8 лет от роду. Едва ли его детская память или память кого-то другого могла сохранить до 20-х годов XIX в. сведения о численности чудом сохранившихся тарелок, о количестве дней, прожитых после пожара в чужих домах, о внешнем облике города до начала пожара. Скорее всего, в основе записей, относящихся к периоду до 1775 г., лежат записи представителей старшего поколения, а основе последующих – записи самого Михаила. Его чувства в период опасности оккупации Твери французами в 1812 г., например, переданы так эмоционально, что не оставляют сомнений, что фиксировал он их в момент переживания или очень быстро после этого [8, с. 290-

293]. Водяные знаки рукописи позволяют считать, что свои записи, заметки своих предков, а также другие используемые источники Михаил Тютлин литературно обработал в 1817 г., когда собственно и начал вести сохранившийся до наших дней памятник. Переписав содержание различных источников о событиях минувших, он стал фиксировать вновь происходящие события сразу в специально заведенной тетради, о чем позволяет говорить появившаяся небрежность почерка. После смерти Михаила дневник некоторое время вел его родственник, Иван Дмитриевич Тютлин, скорее всего племянник Михаила. Михаил не называет автора тех предварительных записей, которые составили основу его дневника, но скорее всего им был отец Михаила – священнослужитель. Установлено, что восстановить и описать застройку Твери до пожара 1763 г. Михаил смог с помощью бывшего соседа Семена Васильевича Янковского. Рукопись Янковского с описанием каменных построек города до пожара была обнаружена в фондах Тверского государственного объединенного музея. Она была составлена по просьбе Михаила Тютлина и выглядит как письмо, адресованное Михаилу [8, с. 264-265]. Текст, содержащийся в этом письме, несколько отличается от текста самого М. Тютлина, вошедшего в памятник [8, с. 266-267].

Дневник купцов Томиловых представляет нам воплощение дневниковой традиции примерно в таком же варианте. Влас Григорьевич Томилов, приступая к ведению своей Памятной тетради в 1822 г., сначала переписал в нее сведения аналогичной тетради или разрозненных записей, которые вел ранее его отец Григорий Григорьевич в период с 1776 по 1797 г., а также он сам, начиная с 1797 года [8, с. 316]. Обо всем этом он сообщает в заголовке к своему творению: «Памятная книга к[упца] В[ласа] Г[ригорьевича] Томилова, писанная тверским купцом Григорьем Григорьевичем Томиловым с 1776 по 1797-й гг., а с того времени продолжается Власом Григорьевичем

Томиловым» [8, с. 318]. При этом он не просто переписывал предварительные записи, но дополнял их новыми фактами, которые позволяют читателю увидеть развитие судьбы человека, историю монумента, воинского образования и т. д. Переписав с записей отца по 1777 г. сведения о закладке монумента в честь Екатерины II, он тут же сообщил, что в 1811 г. при принце его разобрали, чтобы поставить более достойный, но за смертью его остался несделанным [8, с. 318]. В этой записи имеется в виду принц Георгий Ольденбургский, женатый на любимой сестре Александра I Екатерине Павловне. Георгий в 1809-1812 гг. был генерал-губернатором тверским, новгородским и ярославским. Его резиденция располагалась в Твери. Принц скончался в конце 1812 года. И в других случаях Влас не просто переписывал предварительные записи, но дополнял их новыми фактами, которые позволяют читателю увидеть развитие судьбы того или иного человека, явления и т. д. Под 1791 г. имеется запись следующего содержания: «Маия 22-го родилась у Матрены дочь Феодосья Никифоровна, что ныне за Якимом Матвеем Барылиным» [8, с. 320].

Ведение дневника у Томиловых было делом старшего в роду. И в этом тоже было выражение традиции. Григорий Григорьевич вел записи до 1797 г., т. е. практически до своей смерти (1801 г.) Затем в течение почти 30 лет дневник вел Влас Григорьевич, старший сын Григория. В 1830 г. одна из записей была сделана рукой Николая – старшего сына Власа: в декабре 1830 г. он сделал запись в дневнике об отъезде «батюшки Власа Григорича с товаром на девятнадцати подводах до города Ржацка...» [8, с. 348].

Интересно, что именно в 1830 г. Николай начинает самостоятельные поездки по торговым делам, т. е. ему одновременно доверяют семейный бизнес и позволяют прикоснуться к дневнику. При этом следует отметить, что младший брат Власа Осип не участвовал в ведении дневниковых записей даже в

период совместного проживания братьев в доме отца и совместного ведения торгово-предпринимательской деятельности. После 1830 г. записи в дневнике Томиловых велись в две руки, Власом и Николаем. Записи Власа преобладают, отчасти вероятно, потому что Влас старел и перекладывал на сына основную часть дел, в связи с чем сам он все чаще оставался дома, а Николай, наоборот, все чаще стал отлучаться по торговым делам. С 1838 г., после смерти Власа, дневник должен был вести Николай, но занятый хозяйством он касался его очень редко. Зафиксировав смерть отца, он 10 лет не брал его в руки. Записи возобновляются с 1848 г., однако до 1861 г. их было сделано всего 12, и большая их часть относится именно к 1861 г. и сообщает о пожарах в городе, после чего дневник обрывается.

По «Памятной книге Томиловых» дневниковая традиция прослеживается более отчетливо, чем в летописи М. Тютлина. Влас подчеркивает преемственность этого семейного занятия в заголовке к памятнику, при исследовании текста становится очевидно, что в этой семье право или обязанность ведения дневника передается от отца к старшему сыну. Похожая ситуация существовала и в семье жителей Твери Блиновых.

Явно не богатые, Блиновы еще в начале 70-х годов XVIII в. завели тетрадь небольшого формата в хорошем кожаном переплете с толстыми шероховатыми листами бумаги желтоватого цвета, явно рассчитывая на длительное ее сохранение. Водяной знак представляет собой сложный вензель ФК и ПР, учтенный в сборнике филиграней С.А. Клепикова под № 704 [9]. Для Блиновых эта тетрадь, более похожая на книгу, стала неким символом, чем-то сродни родовой иконе. Эта тетрадь с записями, внешне скорее похожая на дорогую книгу, на протяжении последующего столетия являлась неотъемлемой частью дома, где проживали глава рода и его сын. В 1816 г. рукопись вместе с Иовом Карповичем – основным автором записей, переехала в новый каменный дом [8, с. 242]. Однако в отли-

чие от Томиловых, Блиновы не ограничивали доступ к ведению дневника для других членов семьи.

Их дневник – сложный по своей структуре исторический источник, который лишь весьма условно, следуя опубликованным справочникам, можно называть дневником [10, с. 34]. В нем отчетливо выделяются несколько частей различных по функциональному назначению. При первом знакомстве с текстом практически невозможно понять композицию памятника, в двух из трех разделов хронология являет собой образец хаоса, после записи, датированной одним годом, может идти запись, несущая в себе несколько более ранних дат [11]. Сложность композиции объясняется, во-первых, пространственными хронологическими рамками повествования, охватывающего период примерно с 1762 г. до конца XIX в., и, во-вторых, тем обстоятельством, что оно не только отражает жизнь нескольких поколений рода, но и является продуктом их коллективного творчества, в ходе которого замысел начинателя претерпел существенные изменения. Этот памятник дает огромный материал для размышлений над созданием и развитием дневниковых традиций купечества.

Первоначальная концепция ведения дневника, заложенная человеком, которого не удалось отождествить ни с кем из рода Блиновых, четко прослеживается при вычленении и изучении записей, сделанных на первом этапе его создания. Они принадлежат одному человеку. Согласно его концепции летопись должна была состоять из трех частей. В первую (л. 1-4 об. по архивной нумерации) предполагалось заносить события из жизни семьи, города, царствующей династии, страны в целом по мере того, как они происходили [8, с. 225-227]. Последние листы (с л. 151 по архивной нумерации) [8, с. 260-261] предполагались для разного рода сведений, почерпнутых из литературы. Они содержат мудрые изречения, сведения об истории, лечебных растениях, свидетельствуют о знаком-

стве кого-то из Блиновых с основами самых разных наук и, возможно, с греческим и латинским языками. Этот раздел условно можно обозначить как «разное на память». Кроме того, инициатор создания семейной летописи планировал выделение еще одной смысловой части, которую условно можно назвать «философско-исторической». К сожалению, она содержит лишь одну запись – о системах счета времени, которая занимает л. 115 об.-116 по архивной нумерации [8, с. 257]. Остальные листы этого раздела остались чистыми. Сам факт одиночества записи в этой части летописи наводит на многие размышления. Во-первых, о том, что ее зачинатель был человеком не просто образованным, а склонным к философским размышлениям. Во-вторых, его потомки, не обладая такими склонностями, имели уважение к планам предка, они не осквернили святое для него место записями о житейских проблемах серых будней: когда встала проблема свободного места в первой части книги, они вшили в нее новые листы.

Листы 1-4, половина л. 4 об., а также л. 115 об.-116 рукописи написаны одной рукой, нам не удалось установить, кем именно сделаны записи. В их основе лежат чьи – то черновые заметки. В пользу такого предположения свидетельствуют уже первые два листа дневника. Писец дважды касается трагической темы пожара в Твери 1763 г.: на л. 1 и 2. При этом текст на л. 1, который включал также упоминания о пожарах в Торжке и Нижнем Новгороде, перечеркнут. На л. 2 описание тверского пожара дано более пространно, кроме того, он датирован уже не 28 мая 1762 г., как на л.1, а 19 мая 1763 г. Скорее всего, при первом прочтении черновых записей переписчик неверно понял их содержание, осознав это, он перечеркнул первую страницу текста. Согласно перечеркнутой записи получалось, что спаслись от пожара 30 человек, находившихся в церкви, а согласно описанию на л. 2 именно они сгорели. Точность сведений второго листа подтверждается сообще-

ниями Д. Карманова, первого тверского историка [12, с. 105].

Палеографические наблюдения позволяют утверждать, что большая часть записей памятника за период с 1774 по 1825 г. сделана Иовом Блиновым. Иов внес изменения в тематику дневниковых записей, считая необходимым отражать частную жизнь семьи (браки, рождение, смерть членов родственного клана), в то время как на 1-4 листах таких записей нет. Это начинание, заложенное им, закрепилось, и, более того, во второй половине XIX в. записи на эти темы составляют основу дневника. Иов впервые взял дневник в руки в январе 1774 г., поводом стало рождение сына 27 декабря прошедшего года. Прежде чем сделать запись об этом событии, Иов фиксирует факт своей женитьбы в ноябре 1772 г., тем самым устанавливая причинно-следственную связь событий и располагая их в порядке хронологии на оси времени. Весь этот комплекс событий описан им в январе 1774 г., но под 1772 г. «В 1772 году ноября 11 дня Иев Блинов женился. А женился 20 лет. Сын родился Иван 1773 году месяца генваря декабря 27 дня» [8, с. 227]. Зачеркнутое слово «генваря» и позволяет предположить, что эта комплексная запись, датированная 1772 г., была сделана в январе 1774 года. Однако поток сознания вел Иова дальше в глубь времен, к воспоминаниям о рождении брата Никифора в 1764 году. Иову было 14 лет, когда родился брат, и событие это по всей вероятности произвело на него большое впечатление, стало неким перерывом в череде однообразных будней. Рождение собственного сына стало толчком к осмыслению этого факта с позиций взрослого человека, и он счел необходимым внести этот эпизод десятилетней давности в дневник после сведений о своей женитьбе и рождении своего сына. Поэтому в дневниковой записи, сделанной в январе 1774 г., описаны события, датированные автором 1772 и даже 1764 гг. Целая серия разновременных, но близких по смыслу событий, связанных с частной жизнью, зафиксирована

одномоментно, одним почерком и одними чернилами. Начерк букв, толщина линий, ритм расположения письменных знаков в строке и расстояние между строк абсолютно выдержаны на протяжении всей записи, включающей в свой состав сообщение о трех событиях: женитьба, рождение своего сына и рождение брата почти 10 годами ранее. При этом запись, датированная 1764 г., стоит в этом комплексе на последнем месте. Такой процесс мышления в системе *ex post* – от настоящего в прошлое [13, с. 180-181; 14], – как и особенности почерка, помогает выделить в дневнике записи, написанные самим Иовом.

С начала 1774 г., когда Иов сделал записи о своей женитьбе и рождении сына, записи приобретают дневниковый характер, начинают в целом соответствовать течению времени, становятся более или менее синхронными происходящим событиям. Кажущиеся отступления от хронологии в тексте, который составлялся при жизни Иова, вызваны тем, что течение мысли самого Иова, когда он садился за дневник, происходило в направлении он настоящего к прошлому, а также соседством частей, построенных в разных хронологических системах, что является следствием участия в его ведении нескольких людей. Возможно, что занятия семейным бизнесом часто и надолго отрывали Иова от дома, а записи других людей не только сделаны в иной хронологической системе, но отличаются большей подробностью при освещении событий, да и сама проблематика их записей несколько иная.

О том, что при жизни Иова дневник являлся продуктом коллективного творчества возможно даже не семьи, а целого родственного клана, свидетельствует множество фактов. Следует иметь в виду, что при участии в ведении дневника людей, имеющих различные темпоральные представления, сам процесс создания семейной хроники всегда находился под контролем кого-то из старших членов семьи. Сложность атрибуции усугубляется тем, что при жизни Иова, осо-

бенно в период с 1778 по 1798 г., часть текстов составлялась одними людьми, а вписывалась в дошедший до нас памятник другими. Очень вероятно, что предварительные записи делал кто-то из детей Иова, а затем они переписывались взрослыми. Таким образом преследовались воспитательные и образовательные цели: у младших членов семьи формировались уважение к истории семьи, рода, навыки письма, темпоральные представления, наблюдательность. Несколько записей сделаны изящным, «кружевным» почерком, скорее всего принадлежащим женщине.

Совершенно очевидно, что в конце 70-80-х гг. XVIII в. одному из членов семьи было поручено вести предварительные записи о поведении рек Тьмаки и Волги, особенно в периоды становления ледяного покрова и ледохода, а также о погоде. После завершения соответствующего природного цикла, а иногда и по прошествии всего года первоначальные наброски, сделанные этим человеком, переписывались в дневник. Как следствие, записи на эту тему, ранее занимавшие не более трех строк, стали растягиваться на две-три страницы. Сравним записи 1777 и 1778 гг. Первая принадлежит Иову, она кратко и весьма приблизительно констатирует: «В 1777 году Волга стала ноября дня (день не указан). Того ж году ноября 25-го дня – тепло, снег согнала и дорогу испортила» [8, с. 230]. Через год запись полна подробностей, которые едва ли можно было вспомнить по прошествии месяца, причем очевидны следы переписывания какого-то первоначального текста. Приведу в качестве примера лишь небольшой отрывок. «1778-го года сентября 31-го пошел снег и выпала многа, а октября 1-го зделалась грязь, а третьяго мороз и еще снег и дорога и шорош на Волге шол. Из Москвы на санях приехали. А че 14 пошел дош...» [8, с. 231]. Перемены в погоде детально описаны до конца октября, одним и тем же почерком, без смены чернил и пера, что свидетельствует об одномоментном создании этой записи, а

значит – о переписывании в конце октября каких-то предварительных заметок. О переписывании текста, причем, скорее всего, составленного другим человеком, а не тем, кто вписывал сведения о погоде в дневник, ярко свидетельствует оборот «А че 14 пошел дош». Он позволяет говорить, что в первоначальном тексте дата была написана буквами, а переписчик был склонен заменять их цифровыми обозначениями. Иногда он забывал это делать: «третье» (октября. – *Н.С.*) написано словом; при описании перемен погоды 14 и 17 октября, написав первые слоги слов, обозначающих числа, переписчик текста спохватывался и переходил на цифры. Эти детальные записи иногда вклиниваются в текст дневника, кажется, нарушая его общую хронологическую канву и лаконичный стиль изложения, создавая впечатление хаоса. Так, например, в записях за 1788 г. сведения об апрельской погоде и состоянии рек в этот период идут за комплексом сведений о церковной жизни: смерти архиепископа Тверского и Кашинского Иосафа и о его погребении в феврале, о назначении нового епископа Тихона и приезде его в Тверь 18 июня [8, с. 234]. Наблюдения за графикой позволяют предположить, что записи метеорологического характера, имеющие отношение к апрелю, были внесены в дневник, скорее всего, в ноябре одновременно с записями о затмении 24 июня и о погоде в октябре-ноябре [15, с. 234]. Сделаны они почерком, несколько отличным от почерка, которым сделаны записи о церковной жизни, это позволяет считать, что между членами семьи существовало своеобразное разделение труда по фиксации сведений о той или иной стороне жизни, но одни могли их фиксировать в дневнике сами, сразу в беловом варианте, другие, вероятно, не имели такого права, они вели лишь черновые записи, которые потом вписывал в дневник кто-либо из имевших на это право. Те, кто имел право делать записи непосредственно в дневнике, делали это не всегда в точном соответствии с ходом вещей, а задним числом. Все это в совокупности

и создает впечатление хронологического хаоса в семейной летописи Блиновых, и лишь детальное исследование графики и чернил позволяет избавиться от этого ощущения, потому что делает заметным ход работы над ведением этой семейной хроники. Причем результаты изучения позволяют говорить о существовавшей в этой семье, во всяком случае при жизни Иова и его жены, традиции приобщения всех членов семьи, включая женщин, к фиксации происходящих событий. Благодаря Иову и его жене дневниковая культура вполне прижилась в рамках провинциальной купеческой семьи. После смерти Иова в течение десяти последующих лет дневник вел его младший сын Петр. Старший сын Иван был отделен почти сразу после женитьбы, а Петр все время проживал в одном доме с отцом, и именно он стал хозяином и дома, и дневника после отцовской смерти.

Петр обращался к дневнику часто, по всей вероятности сказывалась привитая в детстве дневниковая культура, а, возможно, интерес к процессу описания, потребность выразить словом художественную направленность восприятия окружающего.

Он не привлекал домашних к его ведению, и в этом был разрыв с ранее существовавшей семейной традицией. Лишь однажды его сын Яким сделал запись о своей женитьбе [8, с. 251]. Продолжение же традиции выражалось в том, что записи Петра были достаточно широки по своей проблематике, они, как и более ранние, отражают не только факты рождений детей, заключения браков, смерти обитателей дома, но также события городской жизни, жизни государства, внешнеполитических событий.

Начиная с 1835 г., сразу после смерти Петра в ведении дневника происходят дальнейшие серьезные перемены. Трансформация традиции выражается в сужении географического пространства, отражаемого исследуемым памятником, с этого времени он приобретает черты чисто семейной хроники. С его страниц исчезают сведения даже о жизни города,

не говоря уже о жизни страны в целом. Все то, что происходит за пределами весьма узкого круга родственников не находит отражения на страницах памятника и в этом – не только изменение концепции дневника, заложенной в начале 70-х годов XVIII в., но и трансформация традиции, которая поддерживалась предыдущими поколениями.

Дневник жителей Торжка Масленниковых интересен тем, что в нем изначально были заданы не только план изложения событий, но даже объем годовых записей и порядок расположения элементов в пределах года. В момент начала ведения дневника каждая страница была поделена на три графы: две узкие и одну широкую. В них следовало писать месяц, когда произошло событие, затем – в совсем узкой – указывать его число, широкая графа предназначалась для фиксации самих событий. По замыслу начинателя дневника под описание событий каждого года отводился один полный лист, т. е. страница с оборотом. При этом все листы и страницы были заранее, одной и той же рукой, не только расчерчены, но и помечены в середине верхней строки датами: 1834 год, 1835 год и т. д. При этом каждая дата повторялась дважды: с лицевой стороны и на обороте листа. Также на каждом обороте листа над узкими графами стояли их названия, указывавшие на предназначение: «месяцы», «числы».

Дневник Масленниковых знаменателен тем, что нигде более план записи внутри годовых разделов не выдерживается столь строго. К этому следует добавить, что и нарушение хронологии в дневнике практически не встречается. Кто и когда разработал план расположения записей в рамках года не известно, однако то обстоятельство, что этот план всегда выдерживался свидетельствует, что беловые записи дневника составлялись в конце года, что в свою очередь предполагает наличие черновых их вариантов. Все годовые циклы записей, начиная с 1834 г., открываются сообщениями о выборах на городские службы. К примеру,

запись событий 1837 г. начинается следующими словами: «Генварь. Сего года продолжал службу городаваго старосты новоторской купецкой сын Иван Никалаев Маслеников по прозбе градскаго головы Ефрема Андрееча Остолопова» [8, с. 387]. Годовые записи начинаются с подобных сообщений даже в том случае, если к городским должностям не был выбран никто из Масленниковых. Затем с соблюдением хронологии идут записи о погоде, о семейных событиях, о жизни города и горожан, а в конце годового раздела приводятся сведения о ценах на основные виды продуктов и общая оценка года с точки зрения успехов семейного бизнеса.

Традиционность изучаемых памятников выражается и в выборах объектов внимания авторов дневников. Все известные дневники пишут о серьезных строительных работах в городе, особенно если они связаны с церквями, об эпидемиях, приездах в город членов императорского дома, рождении детей и других семейных событиях. И лишь два дневника считают объектом, достойным внимания, торгово-предпринимательскую деятельность: памятная книга купцов Томиловых и дневник новоторжцев Масленниковых. В этом плане дневник последних особенно показателен. Там записи о результатах торгово-предпринимательской деятельности фиксируются в конце года как некий итог. Под 1836 г. сообщается: «Сего года была общая покупка в Лыскове новоторских купецкаго сына Ивана Никалаева Масленикова и купца Василия Савельева Вавулена. Покупку чинил от выше означенных товарищев прикащик Василий Калинин. От оного хлеба по случаю падения цен получили значительныя убытки, и продажа оных товаров продолжалась в Питербурге более года» [8, с. 387]. Сведения о ценах являются обязательным атрибутом каждой годовой записи дневника Масленниковых, но и они сообщаются в связи с анализом хозяйственной деятельности семьи за прошедший год. Так, по итогам 1840 г. записано: «Сего года осенью па всей Тверской губернии озимой хлеб в полях поел черф. И по

таковому случаю возвысилась цена на хлеб: рожь до 30 рублей за четверть, мука аржаная до 3 руб. 50 коп. за пуд, ячмень до 2 руб. за пуд, овес до 1 руб. 73 коп. за пуд на ассигнации» [8, с. 392].

В книге записей истории семьи Томиловых также можно встретить записи, свидетельствующие об активной торгово-предпринимательской деятельности: Под 1795 г. сообщается: «Генваря 15-го взяли лавку в Железном ряду после Семена Цаплина под № 4-м. Платили за оную по 30 руб. в год. Товару снято у Цаплина на 170 руб.» [8, с. 320]. Под 1807 г. Влас Томилов сообщает, что «октября 20-го брат Осип покупал хлеб в Лыскове, которой остался на зимовку в Нове Городе, которой тут же и продан: мука аржаная за куль по 9 руб. 10 коп., овес по 5 руб. 10 коп., ячмень 6 руб., солод за 2 пуда 2 руб. 30 коп. Денег половину ждать» [8, с. 323].

Внимание авторов к подобным сюжетам, скорее всего, является отражением образа жизни и мыслей членов семьи, но, с другой стороны, это есть показатель и отношения к текстам семейной летописи. Вероятно, по мнению Томиловых и Масленниковых семейная летопись должна отражать реальную жизнь семьи и ее повседневные заботы, в том числе о хлебе насущном, о комфорте и удобстве дома, где проживает семья и т. п. Об этом свидетельствует целый ряд записей Томиловых, особенно относящихся к 1817 г.: «Октябрь. 16-го числа купили мы с аукционного торга дом после Ивана Петровича Черепягина, ценою за семь тысяч двести двадцать пять рублей... Ноября 6-го порядил я плотников делать забор, ворота и крыльцо. Все оное за 200 руб. ... Поряжены печники зделать внизу 2 и вверху 3 печи, старые сломать и мусор вычистить, ценою за 135 руб. Работать начали 10-го декабря, окончили 7-го февраля. Работали Илья Воеводин и Степан Народов» [8, с. 334].

Дневниковая традиция купеческих семей выражается не только в факте ведения дневника в течение жизни нескольких поколений и в наличии пред-

варительных записей у основного автора или в четко заданной форме изложения событий. Преемственность присутствует и в том, как подаются сведения. Дневник Блиновых и летопись Михаила Тюльпина сдержанны в выражении чувств и эмоций. Изложение Тюльпина часто имеет оттенок назидательности.

Томиловы были достаточно открытыми в своих записях. Они часто использовали личные местоимения, легко установить их авторство по записям такого характера: «Был брат Осип в Лыскове», атрибуции помогает и указание на степень родства при фиксации тех или иных происшествий: «батюшка», «матушка», «зять» и др. Кроме того, подобные указания очерчивают широкий круг родственников, с которыми поддерживали связи Томиловы, их общительность. В их дневнике больше проявлений простых человеческих чувств. Особенно это характерно для Власа, его отец и сын были более сдержанны, и их записи не касались деталей семейной жизни и бизнеса. Из записи, относящейся к 1817 г.: «Сего ж месяца разделились мы с братцем Осипом Григоричем: лавка старая мне, а ему старой дом, которой положен по воле брата в 8000 руб., а я полагал – 10000» [8, с. 334], видны возникшие незадолго перед этим семейные противоречия.

Влас сообщает о деталях своих торговых операций, в том числе закупочные и продажные цены, размер полученной прибыли. Под 1823 г. он записывает: «Сего года было у меня в покупке овса 2138 кулей по 6 руб. 20 коп., муки – 254 куля по 11 руб. 80 коп. А продал овес Максиму Иваночу и Ивану Козмичу по 7 руб., муку по 13 руб.». О ценах пишут и Тюльпин, и Блиновы, но там сообщаемые сведения не вписаны в контекст жизни семьи, совершенно непонятно, какие это цены, и зачем они приводятся авторами, поэтому создается впечатление, что они их зафиксировали исключительно для памяти потомков.

Влас не стесняется в оценках людей, своих чувств к ним, сообщая о смерти

кого-либо из горожан, он выражает свое отношение к ним. Например, под 1828 г. есть запись: «20-го (февраля. – Н.С.) представилась Настасья Ивановна Нечаева. Больна было очень мало. Женщина была очень умная и гостеприимная и веселая». Не скрывал он и негодования, жалости, сочувствия. Вот как сообщает он о смерти племянницы в феврале 1838 г.: «Февраля с 26-го на 27-е в ночи скончалась Лизавета Осиповна, дочь брата Осипа Григорьича, а крестница Марьи Никифоровны (Жены Власа. – Н.С.). В замужестве была три года за Васильем Ильиным Назаровым [сыном богатейшего тверского купца]. Жизнь ее была самая неприятная: при всем богатстве текли через золото слезы: больна была чихоткою месяца три. Свекор и муж тяготили ее жизнь: первой суровостию, а последней – поведением. Даруй ей, Господи, царство небесное. Жизнь ее продолжилась 22 года неполные».

Удача в бизнесе зависит не только от величины полученного наследства, но и от талантов наследника. Документы личного происхождения подтверждают мнение современных исследователей российского провинциального купечества конца XVIII – первой половины XIX в. о том, что его «нельзя рассматривать как однородную массу, озабоченную исключительно поисками прибыли и погоней за чистоганом» [15, с. 278]. Информативность купеческих дневников обусловлена массой обстоятельств: наличием или отсутствием желания отразить окружающее, широтой кругозора, представлением о том, что заслуживает внимания для фиксации, уровнем дневниковой культуры. Анализ этих источников позволяет говорить, что в купеческих семьях не просто существовали дневники, тяготеющие к жанру мемуаров, но также существовали традиции ведения записей, которые были очень устойчивыми.

В каждой семье эти традиции имели свои нюансы и особенности, они касались формы ведения записей и их содержания, степени открытости чувств авторов, а также вопроса о том, кто имеет право

(или обязанность) вести записи. Однако индивидуальные особенности личностей, причастных к ведению дневников в тот или иной период, также вполне ощутимы, хотя и в разной степени. Изученные памятники свидетельствует, что дневни-

ковую культуру в семьях формировали сознательно и целенаправленно, приобщая, прежде всего, старшего сына к ведению семейной летописи, так же как приобщали к торговым делам.

Список литературы

1. Козляков В.Н., Севастьянова А.А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1998. Т. 1. С. 125–202.
2. Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 5-1. С. 229–237.
3. Майорова А.С. Культурные новшества в среде купечества Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14, № 2. С. 100–107.
4. Смирнов Ю.Н. Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, № 2. С. 361–377.
5. Бирюкова А.Б. К проблеме формирования источниковой базы изучения городской провинциальной повседневности на ключевых этапах отечественной истории // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы. Материалы II Всерос. науч.-методол. семинара. Самара: СГАКИ, 2013. С. 309–317.
6. Колосов В.И. Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь: Леан, 1994. 254 с.
7. Дневники тверских купцов / отв. сост. Е.И. Барклай (Макарова). Тверь: Изд-во ТвГУ, 2002. 92 с.
8. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. Москва: РОССПЭН, 2007. 470 с.
9. Клепиков С.А. Филигрani и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVIII–XX века. Москва: Изд. Всесоюз. кн. палаты, 1959. 306 с.
10. Голубев И.Ф. Коллекция рукописей. Краткий обзор. Калинин: Тип. Воен. команд. акад. противовоздуш. обороны, 1960. 64 с.
11. Середа Н.В. Дневник купцов Блиновых и его авторы // Очерки феодальной России. Москва: Издат. группа URSS, 2003. Вып. 7. С. 256–278.
12. Карманов Д.И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь: Тип. Губ. правления, 1893. 167 с.
13. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. Москва: Языки рус. культуры, 1997. 800 с.
14. Середа Н.В. Пространство и время в дневнике купцов Блиновых // Проблемы источниковедения. Москва: Наука, 2006. Вып. 1 (12). С. 400–412.
15. Киприянова Н.В. Отношение купечества к образованию в конце XVIII – первой половине XIX века (по материалам Владимирской губернии) // Модернизация культуры: знание как инструмент развития. Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2019. С. 274–279.

Сведения об авторе:

Середа Надежда Владимировна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры документоведения, архивоведения и историографии Тверского государственного университета

ул. Желябова, 33, Тверь, 170100
nv.sereda@yandex.ru

Дата поступления статьи: 29.04.2021

Одобрено: 27.05.2021

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования:

Середа Н.В. Документы личного происхождения тверских купцов как культурное наследие // Сфера культуры. 2021. № 2 (4). С. 65-76. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_65

УДК 316.277.4[093.3]

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_65

N.V. Sereda

Tver
Tver State University
nv.sereda@yandex.ru

PERSONAL DOCUMENTS OF TVER MERCHANTS AS CULTURAL HERITAGE

The article considers the tradition of keeping personal records among merchant families in Tver province at the end of the 18th and the first half of the 19th century. These records mainly record events that took place at the time. They also include accounts of the author and his ancestors, so that this material often takes on the

character of memoirs. In some families, note-taking was a family affair. This aided in the education of children, cultivating their literacy and powers of observation.

Keywords: personal documents, diaries, memoirs, merchants, Tver province, traditions, cultural heritage, everyday life.

References

1. Kozliakov, V.N., Sevast'yanova, A.A. [1998] Kul'turnaia sreda provintsial'nogo goroda [The Cultural Environment of a Provincial Town]. *Ocherki russkoi kul'tury XIX veka* [Essays on Russian culture of the 19th century], 1, 125-202. (In Russian).
2. Artamonova, L.M. [2013] Rukopisi G.N. Potanina «Zapiski o Samare» i «Dedushka iz Samary» – zamechatel'nye pamiatniki «lokal'noi» istorii serediny XIX veka [The Manuscripts by G.N. Potanin "Notes about Samara" and "Grandfather from Samara" – Remarkable Monuments of "Local History" of the mid-19th century]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences], 15, 5-1, 229-237. (In Russian).
3. Maiorova, A.S. [2014] Kul'turnye novshestva v srede kupechestva Saratovskoi gubernii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [Cultural Innovations among the Merchants of Saratov Province at the End of the 18th – first half of 19th century]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaya seriia. Seriia: Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Proceedings of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations], 14, 2, 100-107. (In Russian).

4. Smirnov, Iu.N. [2018] Retrospektivnyi analiz v zhanre ustnoi istorii besed s zhiteliami doreformennogo rossiiskogo goroda [Retrospective Analysis in the Genre of Oral History: Conversations with the Inhabitants of a Pre-Reform Russian City]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorii* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 63, 2, 361-377. (In Russian).
5. Biriukova, A.B. [2013] K probleme formirovaniia istochnikovoi bazy izucheniia gorodskoi provintsial'noi povsednevnosti na kliuchevykh etapakh otechestvennoi istorii [On the Problem of Forming a Source Base for the Study of Urban Provincial Everyday Life at Key Stages of National History]. *Kul'turno-istoricheskie issledovaniia v Povolzh'e: Problemy i perspektivy* [Cultural-Historical Research in the Volga Region: Problems and Prospects]. Samara: SGAKI, 309-317. (In Russian).
6. Kolosov, V.I. [1994] *Proshloe i nastoyashchee g. Tveri* [The Past and Present of Tver]. Tver': Lean. (In Russian).
7. *Dnevnik tverskikh kuptsov* [Diaries of Tver Merchants] [2002]. Tver': Izd-vo TvSU. (In Russian).
8. *Kupecheskie dnevnik i memuary kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Merchant Diaries and Memoirs of the End of 18th – first half of 19th Century] [2007]. Moscow: ROSPEN. (In Russian).
9. Klepikov, S.A. [1959] *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVIII – XX veka* [Filigree and Stamps on Paper of Russian and Foreign Production]. Moscow: Izd. Vsesoiuznoi knizhnoi palaty. (In Russian).
10. Golubev, I.F. [1960] *Kollektsiia rukopisei. Kratkii obzor* [Collection of Manuscripts: A Short Survey]. Kalinin: Tip. Voennoi komandnoi akademii protivovozdushnoi oborony. (In Russian).
11. Sereda, N.V. [2003] Dnevnik kuptsov Blinovykh i ego avtory [The Diary of the Merchants Blinov and Its Authors]. *Ocherki feodal'noi Rossii* [Essays on Feudal Russia]. Moscow: Izdatel'skaia gruppa URSS, 7, 256-278. (In Russian).
12. Karmanov, D.I. [1893] *Sobranie sochinenii, otnosiashchikhsia k istorii Tverskogo kraia* [Collected Works on the History of the Tver Region]. Tver': Tip. Gubernskogo Pravleniia. (In Russian).
13. Savel'eva, I.M., Poletaev, A.V. [1997] *Istorii i vremia. V poiskakh utrachennogo* [History and Time: In Search of What Was Lost]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).
14. Sereda, N.V. [2006] Prostranstvo i vremia v dnevnike kuptsov Blinovykh [Space and Time in the Diary of the Merchants Blinov]. *Problemy istochnikovedeniia* [Problems of Source Study], 1 (12), 400-412. (In Russian).
15. Kipriianova, N.V. [2019] Otnoshenie kupechestva k obrazovaniu v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka (po materialam Vladimirskei gubernii) [The Attitude of Merchants to Education in the Late 18th-First Half of the 19th Century (According to Materials from Vladimir Province)]. *Modernizatsiia kul'tury: znanie kak instrument razvitiia*. [The Modernization of Culture: Knowledge as a Tool for Development]. Samara: SGIK, 274-279. (In Russian).

About the author:

Nadezhda V. Sereda, Doctor of History, Professor, Professor, Department of Document Science, Archival Science and Historiography, Tver State University

33, Zheliabova Str., Tver, 170100
nv.sereda@yandex.ru

УДК 930.253+550.384.32+791.44.023
DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_77

Е.С. Богданова

Самара
Российский государственный архив в г. Самаре
bogdanova-rga@mail.ru

СПЕЦЭФФЕКТЫ СОВЕТСКОГО КИНО: МЕТОД ПЕРСПЕКТИВНОГО СОВМЕЩЕНИЯ

Российский государственный архив в г. Самаре – уникальный центр хранения документов по истории отечественной науки и техники. Истории советского кинематографа посвящено немало интересных документов из фонда Всесоюзного научно-исследовательского кинофотоинститута. В мировом кинематографе 1920–30-е гг. были временем технических экспериментов и поисков. Лучшим способом для решения все более усложнявшихся постановочных задач стали комбинированные съемки. Предлагаемая публикация двух архивных документов посвящена подробному описанию практического применения одного из методов комбинированной съемки – методу перспективного совмещения. С применением этого метода были сняты кинокартины «Золотой ключик» (1938) и «Руслан и Людмила» (1939) – фильмы, ставшие определенной вехой в развитии спецэффектов мировой истории кинематографа.

Ключевые слова: архивный документ, кинематограф, комбинированные съемки, перспективное совмещение, А.Л. Пушко

Сегодня слово «спецэффект» знакомо каждому. Спецэффект, или специальный эффект – технологии кинематографа и телевидения, создающие выразительные и достоверные экранные изображения, трудно достижимые напрямую или невозможные вовсе.

История спецэффектов в кино берет свое начало в 1897 г., когда французский режиссер Жорж Мельес¹ впервые обнаружил, что кинокамера способна не только фиксировать происходящее, но и создавать новую действительность.

На начальных этапах развития кинематографа все трюковые съемочные приемы выполнял оператор фильма: стоп-кадр, покадровую съемку, многократную экспозицию, ускоренную и замедленную протяжку пленки и др. Затем стали развиваться комбинированные съемки – визуальные спецэффекты, в

результате которых на экране получается изображение, не существовавшее в действительности. Эффект наложения кадра, стоп-кадр, рапид-съемка (ускоренная), блуждающая маска, двойная экспозиция и многие другие способы съемки – эти технологии кинематографа позволили не только решать изобразительно-постановочные задачи, но и удешевлять и упрощать процесс кинопроизводства. Комбинированные съемки выполняли задачи, которые сегодня осуществляются компьютерной обработкой снятого изображения [1].

В СССР под термином «комбинированные съемки» понимали совмещение в кадре различных элементов, которые были засняты в разнообразных местах, в различное время.

В Российском государственном архиве в г. Самаре на хранении находится фонд Всесоюзного научно-исследовательского кинофотоинститута (НИКФИ). Институт был организован в июле 1929 г. и занимался широкомасштабными науч-

¹ Мари-Жорж-Жан Мельес (1861–1938) – французский режиссер и артист цирка, один из основоположников мирового кинематографа, изобретатель первых кинотрюков и пионер кинофантастики.

ными исследованиями и разработками в области кинематографии: созданием новых и совершенствованием существующих систем, разработкой процессов съемки, массовой печати, демонстрации кинофильмов, прогнозированием основных направлений развития техники. Часть научно-технических отчетов посвящена использованию комбинированных съемок при создании кинокартин: разработка и освоение комбинированных съемок цветных кинофильмов, классификация методов комбинированных съемок, методы дорисовки кадров, рир-проекция¹, макетные снимки, а также разработка специального оборудования для осуществления этих методов: кадровый проектор, разработанный лабораторией НИКФИ, предназначенный для комбинированных съемок; киносъемочный аппарат КС-21 производства завода «Ленкинап» и его кинематическая схема и т. д. [2].

Интересным документом, посвященным этой теме, оказались материалы Первой Всесоюзной научно-технической конференции по комбинированным съемкам, прошедшей на базе НИКФИ 1–7 декабря 1939 г., а точнее – стенограмма конференции по дням². Следует отметить, что в стенограмме от 1 декабря 1939 г. зафиксировано срочное сообщение о начале советско-финской войны (1939–1940) и обращение делегатов по этому поводу³.

По всей видимости, первая конференция по комбинированным съемкам стала единственной, так как в архивных документах сведения о последующих конференциях такого рода отсутствуют. В состав президиума конференции вошли: директор НИКФИ В.И. Гольдштейн, заместитель директора НИКФИ [П.В.] Козлов,

режиссер А.Л. Птушко, сотрудник Главного управления по производству художественных фильмов Бронштейн, от Ленфильма – оператор [П.В.] Хренников, от Мосфильма – оператор [С.Г.] Файман, от Киевской студии – оператор [А.А.] Панкратьев, заведующий лабораторией съемочной техники НИКФИ М.А. Бельмасов, представитель технического отдела Комитета по делам кинематографии Толмачев. Доклады и их активное обсуждение были посвящены таким методам комбинированных съемок, как рир-проекция, дорисовка кадра, перспективное совмещение.

Во исполнение Постановления Совета народных комиссаров СССР от 23 марта 1938 г. «Об улучшении организации производства кинокартин» расширилось практическое применение комбинированных съемок. На студиях художественных фильмов «Мосфильм», «Ленфильм», «Детфильм» и др. отделы и мастерские комбинированных съемок выросли в производственные базы. Комбинированные съемки стали внедряться и на студиях технических фильмов – «Мостехфильм» и «Лентехфильм». В учебный план Всесоюзного государственного института кинематографии был включен курс комбинированных съемок. Начата работа по обеспечению съемок необходимым оборудованием, например, освоение коллективами советской камеры ПСК-1.

За 1938–1939 гг. комбинированные кадры были включены в ряд крупных произведений советской кинематографии, например, кадры по методу дорисовки присутствуют в фильмах «Минин и Пожарский», «Волга-Волга», «Степан Разин», «Пугачев», «Петр Первый».

Кинокартины «Золотой ключик» (1938) и «Руслан и Людмила» (1939) были целиком построены на использовании самых различных методов комбинированной съемки. Эти фильмы, наряду с «Новым Гулливером» (1935), явились определенной вехой в развитии спецэффектов в мировой истории кинематографа. Именно поэтому среди документов НИКФИ, посвященных технологической

¹ Рир-проекция – приём комбинированной киносъёмки, широко применявшийся в классической технологии кинопроизводства, основанный на проекционном совмещении актёров и элементов декорации с фоном на просветно-рассеивающем экране.

² Российский государственный архив в г. Самаре (далее – РГА в г. Самаре). Ф. Р-162. Оп. 1–6. Д. 62–66; Оп. 2–1. Д. 845, 846.

³ РГА в г. Самаре. Ф. Р-162. Оп. 1–6. Д. 62. Л. 20–21 об.

разработке методов комбинированных и трюковых съемок, сразу обращает на себя внимание подлинный документ, раскрывающий основные секреты съемки двух из трех перечисленных выше фильмов. Немаловажно и то, что автором этого документа являлся выдающийся советский кинорежиссёр Александр Лукич Птушко [1900–1973] – изобретатель в области комбинированных и трюковых съёмок, мастер сказочного жанра. Помимо виртуозной работы над комбинированными съемками и трюковыми сценами он известен как создатель первого советского звукового мультфильма («Властелин быта», 1932), первого в мире полнометражного кукольного мультфильма («Новый Гулливер», 1935) и первого советского широкоэкранного фильма со стереозвуком «Илья Муромец» (1956).

А.Л. Птушко был автором множества теоретических трудов, посвященных трюковым и комбинированным съемкам, а также мультипликации. В частности, одна из самых известных работ, которую до сих пор изучают в кинематографических вузах – «Комбинированные и трюковые киносъемки» [3].

Признанный новатор кинематографии внес немалый вклад в работу Первой Всесоюзной научно-технической конференции по комбинированным съемкам, участвовал в прениях по всем вопросам, достаточно жестко критиковал режиссеров, не желающих применять новые приемы и методы кинематографии. Он посвятил свой доклад методу оптического (перспективного) совмещения. Следует обратить внимание на то, что к моменту проведения конференции не была выработана окончательная терминология, поэтому названия метода «перспективное совмещение» и «оптическое совмещение» применяются в представленных документах как равнозначные. Вопрос об унификации терминологии был вынесен в общую резолюцию¹. Что примечательно, позднее сам Птушко вообще перестал относить метод перспектив-

ного совмещения к комбинированным съемкам: «Еще один метод, который все причисляют к методу комбинированных съемок, я не считаю его методом комбинированных съемок, я считаю это перспективным совмещением. В силу того, что перспективное совмещение дает на экране очень эффектный результат, многие мастера комбинированных съемок считают этот метод методом комбинированных съемок. Я считаю этот метод трюковым методом. <...> В своей работе я даже вычёркиваю это из раздела комбинированных съемок. Просто пишу: перспективное совмещение... Итак, перспективное совмещение. За последнее время в силу ряда обстоятельств я применяю двойное перспективное совмещение, когда совмещаю макет с макетом и с декорацией. Это двуконусное совмещение дало новые богатейшие возможности при очень большом экономическом выигрыше» [4].

К публикации в качестве документа № 1 (см. приложение) предлагается резолюция Первой Всесоюзной конференции по комбинированным съемкам по методу перспективного (оптического) совмещения. Резолюция содержит список фильмов, где применялся этот метод, а также дает представление о том, какие темы были востребованы в советском кинематографе в предвоенный период. На конференции также было предложено создание инструктивных фильмов по различным видам комбинированной съемки, что было сразу поддержано А.Л. Птушко, несмотря на возражения коллег. Фильм «Перспективное совмещение» был снят в 1940 г., с ним и сегодня можно познакомиться на официальном YouTube-канале Государственного центрального музея кино [5]. Предлагаемый к публикации документ № 2, по сути, является технологической запиской к этому фильму, однако доступен для изучения и как самостоятельный документ, так как все технические моменты сопровождаются фотографиями.

Документ дан полностью, за исключением отсылок к фильму. Публикация под-

¹ РГА в г. Самаре. Ф. Р-162. Оп.1–6. Д. 66. Л. 3–4.

готовлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (Москва, 1990). Текст передан с учетом современной орфографии и пунктуации, но с сохранением основных стилистических особенностей оригинала. Заголовки разделов выделены подчеркиванием. Написания сокращенных слов, дат приведены к единообразию. Общепринятые сокращения не расшифровываются. Неясности текста оговорены в текстуальных примечаниях, недостающие части слов, расшифровки нетрадиционных сокращений заключены в квадратные скобки. В необходимых случаях к тексту даются комментарии. Опушенные части текста отмечены отточиями, заключенными в угловые скобки. Фотографии, присутствующие в документе, размещены по месту их упоминания в тексте. Сведения о подлинности и способе указаны в легенде, которая содержит и поисковые данные документов.

Приложение. Документ № 1

Резолюция по методу перспективного совмещения Первой Всесоюзной конференции по комбинированным съемкам

Москва 1-7 декабря 1939 г.

Заслушав доклад реж[иссера] [А.Л.] Птушко и содоклад оператора [Н.С.] Ренкова, Комиссия констатирует: свое основание применение метод оптического совмещения получил при съемке больших, громоздких декораций в целях замены значительной части этих декораций макетом, устанавливаемым на определенном расстоянии перед аппаратом.

Примеры:

1926 г.

Режиссер [И.Н.] Перистиане
Оператор [А.Д.] Дигмелов
Фильм «Расплата» (Тбилисская студия)
Надстроенный макетом второй этаж городского здания

1931 г.

Режиссер [Л.В.] Кулешов
Оператор [Л.В.] Кузнецов¹

¹ Название фильма не указано.

1935 г.

Режиссер В. [Н.] Журавлев
Оператор [А.В.] Гальперин
Художник [А.А.] Уткин, [Ю.] Швец, [М.] Тиунов
Фильм «Космический рейс»² (Мосфильм)
Надстройка путем макета нескольких этажей института межпланетных сообщений

1936 г.

Режиссер [Г.В.] Александров
Оператор [Б.А.] Петров
Художник Гребцов
Фильм «Цирк» (Мосфильм)
Надстройка купола цирка

1938-1939 гг.

Режиссер [А.Л.] Птушко
Оператор [Н.С.] Ренков
Художник [Ю.П.] Швец
Фильм «Золотой ключик» (Мосфильм)
Харчевня снаружи, харчевня внутри. Пролеты воздушного корабля над площадью.

[1932 г.]

Режиссер Л.В. Кулешов
Оператор К.А. Кузнецов]
Художник [И.С.] Никитченко
Фильм «Горизонт» (Межрабпомфильм)
Кадр американского города с небоскребами путем макетной надстройки над зданием на натуре.

1931 г.

Режиссер [В.Л.] Жемчужный
Художник [И.С.] Никитченко
Оператор [Н.С.] Ренков
Фильм «Кем быть?»³ (Мосфильм)

1932 г.

Режиссер [Ю.Е.] Геника
Оператор [С. С.] Лебедев
Художник [Ю.П.] Швец

² «Космический рейс» – немой научно-фантастический фильм о покорении космоса, созданный киностудией «Мосфильм» в 1935 г. Сценарий был написан при участии и научном консультировании К.Э. Циолковского – основоположника теоретической космонавтики, которому фильм был посвящен.

³ «Кем быть?» – фильм, снятый по одноименному стихотворению В.В. Маяковского. В картине показана работа плотника, инженера, врача и т. п. В заключительных кадрах запечатлено выступление Н.К. Крупской, обращенное к детям. Фильм не сохранился.

Фильм «Город под ударом»¹ (Мосфильм)
Шесть кадров

1933 г.

Режиссер [Г.В.] Александров

Художник [А.А.] Уткин

Фильм «Веселые ребята» (Мосфильм)

Надстроено несколько этажей здания
мюзик-холла путем макета над построенным в виде декорации цокольным этажом.

1935 г.

Режиссер В. [Н.] Журавлев²

1939 г.

Режиссер [В.П.] Вайншток

Оператор [М.Н.] Кириллов

Художник [Я.Н.] Ривовш

Фильм «Выстрел в горах»³ (Детфильм)

Подвешенный потолок над залом

1939 г.

Режиссер [В.И.] Пудовкин и [М.И.] Доллер

Оператор [А.Д.] Головня

Художник [А.А.] Уткин

Фильм «Минин и Пожарский» (Мосфильм)

Вкомпановка макета «[храм] Василия Блаженного» и надстройка Спасской башни со всеми кремлевскими соборами. Помимо этого, оптическое совмещение дает возможность широко использовать этот метод в случае необходимости изменения масштабов человеческого роста или других объектов.

1937-1938 гг.

Режиссер [И.С.] Никитченко и [В.] Невежин

Оператор [Н.С.] Ренков

Художник [А.О.] Никулини и [И.С.] Никитченко

Фильм «Руслан и Людмила»

Эпизод боя Руслана с живой головой.

1938-1939 гг.

Режиссер [А.Л.] Птушко

Оператор [Н.С.] Ренков

Художник [Ю.] Швец

Фильм «Золотой ключик» (Мосфильм)

В основном весь фильм мог быть разрешен только при использовании этого метода

1938 г.

Режиссер [С.М.] Эйзенштейн

Оператор [Э.К.] Тиссе

Художник [И.А.] Шпинель

Фильм «Александр Невский» (Мосфильм)

Общий план площади в Новгороде. Домакет[ка]⁴ храма. Макет моста через настоящую Волгу на дальнем плане и города на дальнем плане.

Преимущество метода оптического совмещения по сравнению с другими состоит в том, что:

1) съемка производится одной экспозицией, причем режиссер и оператор во время съемки, наблюдая в лупу, могут сразу видеть кадр таким, каким он будет выглядеть на экране во всех его компонентах;

2) съемка производится на любой съемочной аппаратуре;

Технические условия, без которых не могут быть произведены съемки дорисовки, домакетки и др. виды двойных и тройных экспозиций, стабильное состояние штатива, особенно повышенные требования к транспортирующему механизму, съемка мотором, прочное основание пола и т. д. для метода перспективного совмещения несущественны.

3) любой сорт негативной пленки, удовлетворяющий оператора в смысле фотографического качества, приемлем для метода оптического совмещения;

4) съемка методом оптического совмещения дает возможность оператору снимать комбинированные кадры в едином стиле всего фильма;

5) метод оптического совмещения дает большие возможности режиссеру при построении мизансцены, как то: автор может двигаться не только вправо и влево перед аппаратом, а давать значительные глубинные приходы и уходы. Пример: работа актера

¹ «Город под ударом» – агитационный фильм о высоком техническом уровне советской военной техники, сделанный в виде фантастического памфлета.

² Название фильма не указано.

³ «Выстрел в горах» («Юность командиров») – фильм о подготовке офицеров РККА перед началом войны.

⁴ **Домакетка** – это макет того или иного здания, расположенный так, чтобы визуальное полностью сливаться с частичной декорацией. Макет как бы «дообраивал» (или «домакечивал») декорацию, отсюда и его название. При взгляде через объектив домакетка сливается с декорацией в единое целое. При этом макет оказывается над головами играющих на фоне декорации актеров.

Карабаса из фильма «Золотой ключик» перед макетом харчевни и ухода его по мосту этого макета. Из фильма «Минин и Пожарский» – выступление Минина и Пожарского на фоне домaketной надстройки кремлевских соборов. Из фильма «Веселые ребята» – проезд автомашины перед стенами мюзик-холла и уход Утесова в глубину кадра перед макетной частью мюзик-холла и т. д.

Для более широкого ознакомления кинорabотников всего Союза с уже имеющейся практикой метода оптического совмещения считать необходимым:

1) в ближайшее время выпустить ролик, составленный из кадров, снятых по методу оптического совмещения и вошедших в вышеперечисленные картины;

2) помимо демонстрации кусков из приведенных фильмов, необходимо в этот ролик включить рабочие моменты, а также кадры с расшифровкой линии стыка и совмещения натурной и макетной части;

3) этот фильм должен быть озвучен диктором, дающим объяснение по каждому кадру во время демонстрации;

4) одновременно с выпуском фильма нужно ассигновать необходимые средства на каждую студию для производ-

ства практических работ по повышению квалификации работающих художников, операторов, режиссеров в целях изучения этого рационального метода съемки по специальной программе техминимума;

5) просить технический отдел Комитета [по делам кинематографии] включить в тематический план НИКФИ тему «Технологический процесс по методу перспективного совмещения»;

6) в этих же целях просить Госкиноиздат¹ ускорить выход в свет книги [А.Л.] Птушко и [Н.С.] Ренкова, в которой в достаточной мере уделено внимание этому методу;

7) в целях внедрения метода оптического совмещения на периферийных студиях установить периодические командировки на места отдельных специалистов, изучивших и практически применивших этот метод для проведения теоретической и практической работы.

Председатель комиссии А.Л. Птушко
РГА в г. Самаре. Ф. Р-162. Оп. 2-1.
Д. 846. Л. 12 об.-15 об. Подлинник.
Машинопись.

*(Приложение. Документ № 2
см. в следующем номере)*

¹ Книга издана в 1941 г.

Список литературы

1. Масуренков Д. Этапы развития комбинированных съёмок. Ч. I // MediaVision. 2011. № 1/11. С. 43–46.
2. Давыдова И.Н. Из истории создания советского кино: документальные свидетельства в фондах Российского государственного архива в г. Самаре // Аудиовизуальные документы: 90 лет служения Отечеству: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Рос. гос. арх. кинофотодокументов (Москва, 12–14 окт. 2016 г.). Москва, 2016. С. 34–37.
3. Птушко А., Ренков Н. Комбинированные и трюковые киносъемки. Москва: Госкиноиздат, 1948. 256 с.
4. Птушко А. Трюковые и комбинированные съемки [Электронный ресурс]. URL: <https://charaev.media/articles/11940> (дата обращения: 12.04.2021).
5. Перспективное совмещение. 1940 г. [Электронный ресурс] / Музей кино. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vk5i5UAf1Bk> (дата обращения: 29.04.2021).

Сведения об авторе:

Богданова Елена Сергеевна, главный специалист отдела изучения и публикации документов Российского государственного архива в г. Самаре

ул. Мичурина, 58, Самара, 443096
bogdanova-rga@mail.ru

Дата поступления статьи: 26.05.2021

Одобрено: 27.05.2021

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования:

Богданова Е.С. Спецэффекты советского кино: метод перспективного совмещения // Сфера культуры. 2021. № 2 (4). С. 77-84. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_77

УДК 930.253+550.384.32+791.44.023

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_77

E.S. Bogdanova

Russian State Archive in Samara
bogdanova-rga@mail.ru

SPECIAL EFFECTS IN SOVIET CINEMA: THE METHOD OF «COMBINED PERSPECTIVE»

The Russian State Archive in Samara is a unique center for storing materials on the history of Russian science and technology and preserves many interesting documents from the All-Union Research Film and Photo Institute concerning the history of Soviet cinema. In world cinema, the 1920s and 1930s were a time of technical experiments and research, and «combined shooting» became one of the best ways to solve increasingly complex production problems. This article presents two archival documents that provide a detailed

description of the practical application of one method of combined shooting – that of perspective alignment. The films «The Golden Key» (1938) and «Ruslan and Lyudmila» (1939) were made using this method, and they represent a milestone in the development of special effects in the history of world cinema.

Keywords: archival document, cinema, combined shooting, perspective combination, A.L. Ptushko.

References

1. Masurenkov, D. [2011] Etapy razvitiia kombinirovannykh s"emok, Ch. I [Stages of the Development of Combined Filming, part 1]. *MediaVision*, 1/11, 43–46. (In Russian).
2. Davydova, I.N. [2016] *Iz istorii sozdaniia sovetskogo kino: dokumental'nye svidetel'stva v fondakh Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva v g. Samare* [From the History of the Creation of Soviet Cinema: Documentary Evidence from the Russian State Archive in Samara]. Audiovizual'nye dokumenty: 90 let sluzheniia Otechestvu: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva kinofotodokumentov. Moscow, 34–37. (In Russian).

3. Ptushko, A., Renkov, N. (1948) *Kombinirovannye i triukovye kinos"emki* [Combined and Stunt Filming]. Moscow: Goskinoizdat. (In Russian).
4. Ptushko, A. *Triukovye i kombinirovannye s"emki* [Stunt and Combined Shooting]. (In Russian). URL: <https://chapaev.media/articles/11940> [Accessed: 12.04.2021].
5. *Perspektivnoe sovmeshchenie*. 1940 [Perspective Alignment]. (In Russian). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vk5i5Uaf1Bk> [Accessed: 29.04.2021].

About the author:

Elena S. Bogdanova, Chief Specialist, Department for the Study and Publication of Documents, Russian State Archive Samara

58 Michurina Str., Samara, 443096
bogdanova-rga@mail.ru

УДК 821(051)

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_85

А.В. Растягаев, Ю.В. Сложеникина

Самара
Самарский государственный институт культуры
avr67@yandex.ru
goldword@mail.ru

РОСПИСЬ СОДЕРЖАНИЯ ЖУРНАЛА «ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА» (1759)

Статья содержит роспись всех 12 номеров первого частного ежемесячного журнала «Трудолюбивая Пчела» (1759), издателем которого был русский писатель, поэт, драматург Александр Сумароков. Журнал включал как оригинальные сочинения, так и переводы из античной и западноевропейской литературы. Всего было опубликовано 213 произведений, из них 161 оригинальное и 52 переводных. С точки зрения жанрового разнообразия, в журнале представлены жанры «аллегория», «басня», «идиллия», «молитва», «монолог», «ода», «песнь», «письмо», «притча», «псалом», «разговор», «рассуждение», «речь», «фондо», «сатира», «сказка», «слово», «сонет», «станс», «эклога», «элегия», «эпиграмма», «эпистола». В статье дается биографическая информация об основных авторах и переводчиках журнала, высчитывается процентная доля их участия во всех публикациях журнала.

Ключевые слова: *«Трудолюбивая Пчела», Сумароков, роспись, история русской литературы, XVIII век.*

Первым обратился к росписи содержания журнала «Трудолюбивая Пчела» А.Н. Неустроев в конце XIX столетия. В его монументальном библиографическом труде журналу Сумарокова отводится свое место по хронологии российской периодики XVIII века. Расписывается содержание изданий 1759 и 1780 (второго тиснения) годов. В содержании помесечных книжек указываются месяц, заглавие опубликованного материала, авторство [1, с. 77–82]. На сегодняшний день это самая полная роспись журнала, которой пользуются историки литературы. Пожалуй, единственный недочет – указанные в росписи заглавия являются контаминацией полных заглавий текстов и сокращенных – в оглавлении самого журнала.

В 2002 г. была опубликована сокращенная роспись содержания «Трудолюбивой Пчелы» с указанием опубликованных в журнале произведе-

ний Сумарокова [2, с. 221–223]. Как и в труде А.Н. Неустроева, указываются названия материалов журнала и месяц. Однако диапазон страниц не дается, отмечается только первая страница.

Наконец в 2012 г. Ю. Хуэйцзюнь предложила свой вариант сокращенной росписи журнала в части публикаций Сумарокова. Китайская исследовательница указала диапазон страниц материалов и впервые посчитала процент авторского участия издателя «Трудолюбивой Пчелы» [3].

Предлагаемая роспись журнала была создана в процессе реализации проекта РФФИ «Журнал А.П. Сумарокова “Трудолюбивая Пчела” (1759) и его значение для русской литературы XVIII века». Для удобства вся информация сведена в таблицу 1, в которой максимально полно учтены все особенности издания 1759 года в авторской редакции.

Таблица 1

Роспись содержания помесячных книжек журнала «Трудолюбивая Пчела»

ГЕНВАРЬ					
№ Раздела	Заглавие в тексте	Заглавие в оглавлении	Подписано	Автор / Переводчик	Стр ¹ .
	ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ Государыне Великой Княгине, ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ	Нет	Александр Сумароков	Александр Сумароков	3
I.	О ПОЛЬЗЕ МИФОЛОГИИ	I. О пользе Мифологии. Стран. 5	Григорий Козицкой	Григорий Козицкий	5-33
II.	РАССУЖДЕНИЕ О двух главных добродетелях, которыя писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности, и несуетверном богопочитании	II. О двух главных добродетелях Историка. Стран. 34.	Николай Мотонис	Николай Мотонис	34-47
III.	О ПЕРВОНАЧАЛИИ И СОЗИДАНИИ МОСКВЫ	III. О первоначалии и созидаании Москвы. Стран. 48.	Александр Сумароков	Александр Сумароков	48-58
IV.	О ИСТРЕБЛЕНИИ ЧУЖИХ СЛОВ из Русскаго языка	IV. О истреблении чужих слов из Русскаго языка. Стран. 58.	А.С.	Александр Сумароков	58-62
V.	О СТИХОТВОРСТВЕ КАМЧАДАЛОВ	V. О Стихотворстве Камчадалов. Стран. 63.	А.С.	Александр Сумароков	63-64
	Оглавление				64

¹ Страницы указываются по изданию: Трудолюбивая Пчела. В Санктпетербурге: [Тип. Акад. наук], 1759. 767 с.

ФЕВРАЛЬ					
№ Раздела	Заглавие в тексте	Заглавие в оглавлении	Подписано	Автор / Переводчик	Стр.
I.	РЕЧЬ ПАВЛИНА А САНКТО ИОЗЕФО о том, что в учении спешить не должно	I. Речь Павлина а Санкто Иозефо о том, что в учении спешить не должно 67	Переводил Григорей И: С: Полетика	Григорий Полетика	67-90
II.	О КОРЕННЫХ СЛОВАХ Русского языка	II. О корен- ных словах Русского языка 91	А.С.	Александр Сумароков	91-101
III.	ДОСТОИНСТВА МЕНЬШЕ ПОЧИТАЮТСЯ НЕЖЕЛИ БОГАТСТВО	III. Достоинства меньше почи- таются нежели богатство 101	Переведено из недель- ных сочинений называемых Мещанин света: der Weltbürger, wöchentlich an das Licht gestellt in Berlin. Андрей Нартов	Андрей Нартов	101-111
IV.	I. Как только лишь тебя глаза мои узрели...	IV. Елегии 111	А. Н.	Андрей Нартов	111-113
	II. Лишась, дражайшая, мне, взора твоего...		А. С.	Александр Сумароков	113-115
	III. На долго разлучен с тобою дарагая...		А. С.	Александр Сумароков	115-118
	IV. Лишенный вольности, терзаемы тоскою...		Семен Нарышкин	Семен Нарышкин	118-120
	V. Свершилось теперь сердечно предсказанье...		Алексей Ржевский	Алексей Ржевский	120-122
V.	НАДГРОБНАЯ ПЕСНЬ АДОНISУ сочиненная древним Греческим Стихотворцем Вионом	V. Надгробная песнь Адонису 122	Перевел с Греческого Г. К.	Григорий Козицкий	122-127
VI	СТАНСЫ. На одержанную победу при Фирштенфельде	VI. Стансы на победу при Фирш- тенфельде 127	С. Н.	Семен Нарышкин	127-128
	Оглавление				128

МАРТ					
№ Раздела	Заглавие в тексте	Заглавие в оглавлении	Подписано	Автор / Переводчик	Стр.
I.	БАСНЬ О ФАЕТОНТЕ Из Овидиевых превращений	I. баснь о Фаетонте из Овидиевых превращений 131	Переводил с Латинского Василий Крамаренков	Василий Крамаренков	131-154
II.	ДЕСИДЕРИЯ ЕРАСМА РОТЕРДАМСКОГО РАЗГОВОР. ИСКУССТВО УДОБОВРАЗУМЛЯЮЩЕЕ. ДЕСИДЕРИЙ И ЕРАСМИЙ	II. Десидерия Ерасма Роттердамского Разговор 155	Переводил с Латинского Н. М.	Николай Мотонис	155-161
III.	ЛУКИАНА РАЗГОВОРЫ МЕРТВЫХ ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР ДИОГЕН И ПОЛИДЕВК	III. Лукиановы разговоры мертвых 161		Григорий Козицкий	161-165
	ВТОРОЙ РАЗГОВОР. ПЛУТОН, ИЛИ НА МЕНИППА			Григорий Козицкий	165-167
	ТРЕТИЙ РАЗГОВОР. МЕНИПП, АМФИЛОХ И ТРОФИНИЙ			Григорий Козицкий	167-169
	ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗГОВОР. ЕРМИЙ И ХАРОН		Перевел с Греческого Г. К.	Григорий Козицкий	169-171
IV.	I. КЛАРИСА	IV. Еклоги 172		Александр Сумароков	171-176
	II. ТИРСИС		А.С.	Александр Сумароков	176-180
V.	РЕЧЬ XVIII. ИЗ ВТОРОЙ ЧАСТИ СМОТРИТЕЛЯ	V. Речь из второй части смотрителя 180	Переводил с Французского перевода Иван Дмитревской	Иван Дмитревский	180-187
VI	СОНЕТ. ИЗ СЕЯ ГРЕЧЕСКИЯ РЕЧИ: Στέφα τριώντας αὐτὴν ἀρετῇ то есть: ДОБРОДЕТЕЛЬ ПОЧИТАЮЩИХ ВЕНЧАЕТ	VI. Сонет 187	Василий Тредиаковский	Василий Тредиаковский	187-188
VII	ПРИТЧА. ТЕРПЕНИЕ	VII. Притча, терпение 188	А.С.	Александр Сумароков	188-189

VIII.	I. Стени ты дух во мне! Стени изнемогая!	VIII. Елегии 190	А. С.	Александр Сумароков	190-191
	II. О ты, которая всегда меня любила...		Катерина Сумарокова	Екатерина Сумарокова	191-192
	Оглавление				192
АПРЕЛЬ					
№ Раздела	Заглавие в тексте	Заглавие в оглавлении	Подписано	Автор / Переводчик	Стр.
I.	ОПЫТ. НЕМЕЦКАГО СЛОВАРЯ, расположенного По русскому Алфавиту. Переведено из Сатирических сочине- ний Готлиба Вильгельма Рабенера.	I. Опыт Немецкаго Словаря 195	С немецкаго переводил А. Н.	Андрей Нартов	195-212
II.	БАСНЬ. О ПИРАМЕ И ФИСВЕ. Из четвертой книги Овидиевых превращений	II. баснь. О Пираме и Фисве из Овидиевых превращений 212	Перевел с Латинскаго Г. К.	Григорий Козицкий	212-219
III.	ИЗ ТРАКТАТА ЛОНГИНОВА, О ВАЖНОСТИ СЛОВА С ПЕРЕВОДА БОАЛОВА ГЛАВА II.	О важности слова 219	С Французскаго переводил А. С.	Александр Сумароков	219-225
IV.	ИСТОЛКОВАНИЕ, ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ, Я, ТЫ, ОН, МЫ, ВЫ, ОНИ	Истолкование личных место- имений 225	А. С.	Александр Сумароков	225-229
V.	[РАЗСУЖДЕНИЕ ИЗ] ЧАСТИ III. ИЗ I. РЕЧИ СМОТРИТЕЛЯ	Разсуждение из третьей части смотри- теля 229	Переводил А. С.	Александр Сумароков	229-231
VI.	О НЕСОГЛАСИИ	О несогласии 231	А. С.	Александр Сумароков	231-235
VII.	О РАЗНОСТИ МЕЖДУ ПЫЛКИМ И ОСТРЫМ РАЗУМОМ	О разности между пылким и острым разу- мом 235	А. С.	Александр Сумароков	235-237
VIII.	О НЕЕСТЕСТВЕННОСТИ	О неестествен- ности 237	А. С.	Александр Сумароков	237-240
IX.	РОССИЙСКИЙ ВИФЛЕЕМ	Российский Вифлеем 240	А. С.	Александр Сумароков	240-242

X.	I. Ириса	Еклоги 242		Александр Сумароков	242-246
	II. Филиса			Александр Сумароков	246-251
	III. Аркас		А. С.	Александр Сумароков	251-256
Оглавление					256
МАЙ					
№ Раздела	Заглавие в тексте	Заглавие в оглавлении	Подписано	Автор / Переводчик	Стр.
I.	О РАЗУМЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПО МНЕНИЮ ЛОККА	I. О разумении человеческом 259	<i>(Продолжение впредь будет)</i>	Александр Сумароков	259-263
II.	К ТИПОГРАФСКИМ НАБОРЩИКАМ	II. К Типографским наборщикам 263	<i>(Продолжение впредь будет)</i>	Александр Сумароков	263-274
III.	О НЕСПРАВЕДЛИВЫХ ОСНОВАНИЯХ	III. О неспра- ведливых основаниях 275		Александр Сумароков	275-282
IV.	ЕПИСТОЛА, К НЕПРАВЕДНЫМ СУДЬЯМ	IV. Епистола, Стихи против злодеев, Идиллия и Ода 282		Александр Сумароков	282-283
	ПРОТИВ ЗЛОДЕЕВ			Александр Сумароков	283-284
	ИДИЛЛИЯ В тот миг, когда ты мне в грудь искры заранила			Александр Сумароков	284-285
	ОДА В разлуке мучася тоской			Александр Сумароков	285-286
V.	РАЗГОВОР I. СКУПОЙ И МОТ	V. Разговоры мертвых 287		Александр Сумароков	290-291
	РАЗГОВОР II. ВЫСОКОМЕРНОЙ И НИЗКОМЕРНОЙ			Александр Сумароков	291-296
	РАЗГОВОР III. ГОСПОДИН И СЛУГА			Александр Сумароков	296-300
	РАЗГОВОР IV. МЕДИК И СТИХОТВОРЕЦ			Александр Сумароков	300-305

VI.	ПРИТЧИ. СТАРИК, СЫН ЕВО И ОСЕЛ	VI. Притчи, Апреля пер- вое число и Епиграммы 305		Александр Сумароков	305-308
	II. ВОЛК И РАБЕНОК			Александр Сумароков	308-309
	III. ПАСТУХ И СИРЕНА			Александр Сумароков	309
	АПРЕЛЯ ПЕРВОЕ ЧИСЛО			Александр Сумароков	310
	ЕПИГРАММЫ. I. ДВА БЫЛИ ЧЕЛОВЕКА...			Александр Сумароков	310-311
	II. НЕ ТРУДНО В МУДРЕЦА БЕЗУМЦА ПРЕТВОРИТЬ...			Александр Сумароков	311
	III. НАГНАЛА БАБУШКА ПРЕД СВАДЬБОЙ ВНУЧКЕ СКУКУ...			Александр Сумароков	311
VII.	I. О КРАСОТЕ ПРИРОДЫ	VII. Письма 312		Александр Сумароков	312-314
	II. О БОЛЬШИХ БЕСЕДАХ			Александр Сумароков	314-316
	III. О ГОРДОСТИ			Александр Сумароков	316-318
	IV. О СКОРОСТИ И МЕДЛЕННОСТИ		Весь сей месяц сочинения Александра Сумарокова	Александр Сумароков	318-320
Оглавление					320
ИЮНЬ					
№ Раздела	Заглавие в тексте	Заглавие в оглавлении	Подписано	Автор / Переводчик	Стр.
I.	МОЛИТВЫ. I. Боже неба и земли...	I. Молитвы и Псалом 323		Александр Сумароков	323-324
	II. К тебе, о Боже мой! Я ныне вопию...			Александр Сумароков	324-325
	ПСАЛОМ CXLI		A. C.	Александр Сумароков	325
II.	ЛУКИЯНА ТОРГ ЖИЗНЕЙ	II. Лукиана Торг жизнью 326	Переводил с Греческого Г. К.	Григорий Козицкий	326-353
III.	О МОЗАИКЕ	III. О Мозаике 353	В. Т.	Василий Тредиаковский	353-360

IV.	I. КОКУШКА	IV. Притчи 360		Александр Сумароков	360-361
	II. СЕКРЕТАРЬ и СОПЕРНИКИ			Александр Сумароков	361-362
	III. ПАХАРЬ и ОБЕЗЬЯНА		А. С.	Александр Сумароков	362-363
V.	I. О ДОСТОИНСТВЕ	V. Письма 363		Александр Сумароков	363-365
	II. ЧЕТЫРЕ ОТВЕТА		А. С.	Александр Сумароков	366-369
VI.	I. Ты будущей себя женою утешаешь...	VI. Епиграммы 369		Александр Сумароков	369
	II. Кто в чем когданибудь молвою возвышен...			Александр Сумароков	369
	III. Преподлый суевер от разума бежит...			Александр Сумароков	370
	IV. Пожалуй не зови меня безверным боле...			Александр Сумароков	370
	V. Судьи приказных дел у нас не помечали...			Александр Сумароков	370
	VI. Когда любезный муж со мною ты простился...			Александр Сумароков	370
	VII. Что скоро родила тебе по свадьбе сына...			Александр Сумароков	370
	VIII. Я друга твоего люблю зрак твой любя...			Александр Сумароков	371
	IX. Посекла до крови я сына очень больно...			Александр Сумароков	371
	X. Не многое число дру- зей собрать умеет...		А. С.	Александр Сумароков	371
VII.	I. ОБ ОСТРОУМНОМ СЛОВЕ	VII. Письма 371		Александр Сумароков	371-374
	II. О ЧТЕНИИ РОМАНОВ		А. С.	Александр Сумароков	374-375
VIII.	I. Предвестия для нас плачевныя случились	VIII. Елегии 376	Иван Дмитревской	Иван Дмитревский	376-379
	II. Сохранился мои дра- жайшая утехы		Александр Аблесимов	Александр Аблесимов	379-381
IX.	ОДА. Подраженная Горацию, кн: III. Од: IX	IX. Ода, Идиллия и Справка 381		Александр Сумароков	381-382
	ИДИЛЛИЯ. Без Филисы очи сиры...			Александр Сумароков	382-383
	СПРАВКА		А. С.	Александр Сумароков	384
Оглавление					384

ИЮЛЬ					
№ Раздела	Заглавие в тексте	Заглавие в оглавлении	Подписано	Автор / Переводчик	Стр.
I.	ПСАЛОМ. CL. На сей псалом музыка Г: Раупаха	I. Псалмы и Молитвы 387		Александр Сумароков	387-388
	ПСАЛОМ. CXLIII			Александр Сумароков	388-390
	МОЛИТВА. Не терпи О Боже власти...		А.С.	Александр Сумароков	391
II.	ПРОДИКОВА АЛЛИГОРИЯ. ОБ ИРАКЛИИ. Из Ксенофонта	II. Продикова Аллигория об Ираклии 392	Перевел с Греческого Г. К.	Григорий Козицкий	392-399
III.	МАКСИМА ТИРСКОГО Платонического Философа ЧЕТВЕРТОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ о том, чем разнствуует ласка- тель от друга	III. Максима Тирского разсуждение IV 399	Перевел с Греческого Н. М.	Николай Мотонис	399-411
IV.	ПРИТЧИ. I. БЕЗНОГОЙ СОЛДАТ	IV. Притчи и Епиграммы 411		Александр Сумароков	411-413
	II. ОТРЕКШАЯСЯ МИРА МЫШЬ			Александр Сумароков	413-414
	III. ЛЕВ И МЫШЬ			Александр Сумароков	414-416
	ЕПИГРАММЫ. I. Котора лутче жизнь: в златой ли птичке клетке...			Александр Сумароков	416
	2. Безбожник ли иль суевер...			Александр Сумароков	416-417
	3. С младенчества хотя учился кто весь век...			Александр Сумароков	417
	4. Во всю готовит жизнь имение скупой...			Александр Сумароков	417
	5. На то лишь бытие твое тебе дано...			Александр Сумароков	417
	6. Безперестанно я горя в любви стоною...			Александр Сумароков	417
	7. Вчера свершился мой жена с тобою брак...			Александр Сумароков	418
	8. Ты сказываешь мне, мой друг, твоя жена...			Александр Сумароков	418

	9. Напрасно муж грустишь, и сердцем унываешь...			Александр Сумароков	418
	10. Танцовщик ты богат, Профессор ты убог...		А. С.	Александр Сумароков	418
V.	ДИМОФИЛА. ВРАЧЕВАНИЯ ЖИТИЯ, или Подобия собран- ные из Пифагоровых последователей	V. Димофила врачевания жития 419	Перевел с Греческого Г. К.	Григорий Козицкий	418-426
VI.	ИЕРОКЛОВЫ ВЕСЕЛЫЕ ЗАМЫСЛЫ	VI. Иерокловы веселые замыслы 426	Перевел с Греческого Н. М.	Николай Мотонис	426-432
VII.	ИЗ ВИОНА.ИДИЛЛИЯ II	VII. Идиллии 432		Григорий Козицкий	432-433
	ИДИЛЛИЯ III			Григорий Козицкий	433-434
	ИДИЛЛИЯ IV			Григорий Козицкий	434
	ИЗ МОСХА ВУКОЛИЧЕСКАГО СТИХОТВОРЦА ИДИЛЛИЯ I. Ерот беглец		Перевел с Греческого Г. К.	Григорий Козицкий	434- 436
VIII.	I. ЛИКАСТ	VIII. Еклоги 436		Александр Сумароков	436-441
	II. ДАФНИС		А. С.	Александр Сумароков	442-446
IX.	I. Узрев твой неж- ный взор я вольности лишился...	IX. Елегии 446	Василий Нарышкин	Василий Нарышкин	446- 447
	II. Престанешь ли моей доукой улаждаться?		А. С.	Александр Сумароков	447- 448
	Оглавление				448

АВГУСТ					
№ Раздела	Заглавие в тексте	Заглавие в оглавлении	Подписано	Автор / Переводчик	Стр.
I.	ОТЧЕ НАШ	I. Молитвы и Псалмы 451		Александр Сумароков	451
	ПСАЛОМ XLVII			Александр Сумароков	452-453
	ПСАЛОМ LI		А. С.	Александр Сумароков	453-454
II.	ПРИШЕСТВИЕ, НА НАШУ ЗЕМЛЮ И ПРЕБЫВАНИЕ НА НЕЙ, МИКРОМЕГАСА ИЗ СОЧИНЕНИЙ Г. ВОЛЬТЕРА	II. Пришествие, на нашу землю, и пребыва- ние на ней, Микромегаса 455	Переводил с Француз- ского А. С.	Александр Сумароков	455-475
III.	I. ПОДЪЯЧЕСКАЯ ДОЧЬ	III. Притчи и разные Стихотворения 476		Александр Сумароков	476-478
	II. ПОБЕЖДЕННЫЙ НА КАРТИНЕ ЛЕВ			Александр Сумароков	478-479
	III. ГОРА В ГОРОДАХ			Александр Сумароков	479-480
	ИДИЛЛИЯ Уже весна природу украшает			Александр Сумароков	480
	ЧАСЫ			Александр Сумароков	480-481
	МОРЕ И ВЕЧНОСТЬ			Александр Сумароков	481
	СЛАВА			Александр Сумароков	481
	ГРЕШНИК и ПЛУТ			Александр Сумароков	481-482
	ПОЦАЛУИ			Александр Сумароков	482
	НЕДОСТАТОК ИЗОБРАЖЕНИЯ			Александр Сумароков	482

	НОВЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ I. Вскорепоправить пла- вание удобно в море... II. Разбив стакан, точить куски, по оточке... III. Скажу не ложно			Александр Сумароков	483
	ЭПИГРАММА Весь город я спрошу		А. С.	Александр Сумароков	483-484
IV.	РАЗСУЖДЕНИЕ о ВОЙНЕ. ЦИЦ. КН. I. О ДОЛЖНОСТЯХ	IV. Разсуждение о войне 484	Перевел с Латинского Афанасий Лобысевич	Афанасий Лобысевич	484-490
V.	I. КЛИМЕНА	V. Еклоги 490		Александр Сумароков	490-494
	II. ДОРИС		А. С.	Александр Сумароков	494-497
VI.	РЕЧЬ LV ИЗ ВТОРЫХ ЧАСТИ СМОТРИТЕЛЯ	VI. Речь LV из вто- рых части Смотрителя 498	Переводил с Француз- ского пере- вода И. Д.	Иван Дмитревский	498-505
VII.	I. Чего ты мне еще зло время не наслало!	VII. Елегии 506		Александр Сумароков	506-507
	II. Уже ушли от нас игра- ние и смехи...			Александр Сумароков	507-508
	III. Терпи моя душа, терпи различны муки...			Александр Сумароков	509
	IV. Я ЧАЯЛ, ЧТО СВОИ Я УЗЫ РАЗРЕШИЛ...		А. С.	Александр Сумароков	509-510
VIII.	ПИСЬМО. Артиллерии к Г. полковнику Петру Богдановичу Тютчеву	VIII. Письмо 511	А. С.	Александр Сумароков	511-512
	Оглавление				512

СЕНТЯБРЬ					
№ Раздела	Заглавие в тексте	Заглавие в оглавлении	Подписано	Автор / Переводчик	Стр.
I.	ПИСЬМО сочиненное ПУБЛИЕМ ОВИДИЕМ НАСОНОМ. ФИЛЛИДА ДИМОФООНТУ	I. Письмо Филлиды к Димофоонту 515	Перевел с Латинского Г.К.	Григорий Козицкий	515-524
II.	ФИВ и ДАФНА Из первой книги Овидиевых превращений	II. Фив и Дафна 524	Перевел с Латинского Г. К.	Григорий Козицкий	524-531
III.	I. Престаньте вы глаза дра- жайшею прельщаться...	III. Елегии 531		Александр Сумароков	531-535
	II. Другим печальный стих рождает стихотворство...			Александр Сумароков	535-538
	III. Ты только для тово любовь уничтожаешь...		А. С.	Александр Сумароков	538-542
VI. [IV].	РЕЧЬ XXVII. ИЗ ВТОРЫЯ ЧАСТИ СМОТРИТЕЛЯ	IV. Речь XXVII. из Смотрителя 542	Переводил с Француз- ского пере- вода И. Д.	Иван Дмитревский	542-549
V.	ИЗ МНЕНИЙ ОКСЕНШТИРНА I. О двух путях, которыми люди в свою жизнь идут	V. Из мнений Оксенштира 549	Переводил с Француз- ского С. Н.	Семен Нарышкин	549-554
	II. Путь от рождения до смерти			Сергей Глебов	554-556
	III. О Лести		Переводил с Француз- ского Сергей Глебов	Сергей Глебов	556-557
	IV. О Несовершенстве человеческом			Алексей Нарышкин	557-558
	V. О Верности			Алексей Нарышкин	558-560
	VI. О многоговорливом		Переводил с Француз- ского Алексей Нарышкин	Алексей Нарышкин	560-561

VI.	САТИРА. Кто в самой глубине без- умства пребывает...	VI. Разные стихотворства 561	А. С.	Александр Сумароков	561-567
	МОНОЛОГ. Из Трагедии Петра Корнеля		Переводил с Француз- ского А. С.	Александр Сумароков	568-569
	МОНОЛОГ. Из Китайской трагедии называемой Сирота		Переводил с Немецкого перевода А. С.	Александр Сумароков	570
	СТИХИ. Зделанные из чужих Русских Стихов, на победу над Прусаками 12 Июля 1759		А. С.	Александр Сумароков	570-571
VII.	КРАТКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ О естестве, пользе и необходимой потребно- сти войны и ссор Из книги славного Английского сатирика Ионафана Свифта Называемой: сказка о бочке	VII. О войне из Свифта 571	Перевел с Немецкого превода Г. К.	Григорий Козицкий	571-574
VIII.	I. Как я женат, тому четы- рех нет недель...	VIII. Епиграммы 574		Александр Аблесимов	574-575
	II. Приказчик в деревнях, иль в доме управитель...			Александр Аблесимов	575
	III. Живу на свете я уж лет десятков шесть...			Александр Аблесимов	
	IV. В пресильном я любви горю к тебе огне...			Александр Аблесимов	
	V. Ты муж мой сердился, зовешь меня суровой			Александр Аблесимов	
	VI. Я с малых лет одной привычки сей держуся...			Александр Аблесимов	
	ЕПИГР: VII. ЕПИТАФИЯ. Подъячий здесь зарыт, нашел который клад		А. А.	Александр Аблесимов	576
	VIII. Мужик не позабудет...		А. С.	Александр Сумароков	576
Оглавление					576

ОКТАБРЬ					
№ Раздела	Заглавие в тексте	Заглавие в оглавлении	Подписано	Автор / Переводчик	Стр.
I.	СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ О ГОСУДАРЕ ИМПЕРАТОРЕ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ, сочиненное ко дню тезоименитства ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА 1759 года	I. Слово похвальное о Государе Императоре ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ 579	А. С.	Александр Сумароков	579-592
II.	I. ДАМОН	II. Еклоги 592		Александр Сумароков	592-597
	II. КАЛИСТА		А. С.	Александр Сумароков	598-605
III.	СЛОВО М. ТУЛЛИЯ ЦИЦЕРОНА ЗА КВ. ЛИДАРИЯ К К. ЦЕСАРЮ	III. Слово М. Туллия Цицерона за Кв. Лигария к Каию Цесарю 605	Перевел с Латинского Афанасей Лобысевич	Афанасий Лобысевич	605-631
IV.	ПИСЬМО Утесненная истинна...	IV. Письмо 631	А. С.	Александр Сумароков	631-633
V.	ОДА Не берег ли вижу Илиона...	V. Разные стихотворения 633		Александр Сумароков	633-635
	ДИФИРАМБ Позволь великий Бахус, нене...			Александр Сумароков	635-638
	ЧАС СМЕРТИ			Александр Сумароков	637-638
	ХОЗЯЙКА С ПОДНОСОМ			Александр Сумароков	638
	НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ САМОЛЮБИЕ			Александр Сумароков	638-639
	К БАХУСУ			Александр Сумароков	639
	СТОЛПЫ ТОРЖЕСТВЕННЫХ ВОРОТ			Александр Сумароков	639
	ДИКОВИНКА		А. С.	Александр Сумароков	640
	Оглавление				640

НОЯБРЬ					
№ Раздела	Заглавие в тексте	Заглавие в оглавлении	Подписано	Автор / Переводчик	Стр.
I.	КВИНТА ГОРАЦИЯ ФЛАККАКНИГИ ПЕРВОЙ САТИРА I.	I. Квинта Горация Флакка Сатира 643	Перевел с Латинского Филипп Геннингер	Филипп Геннингер	643-650
II.	СКИЛЛА ИЛИ БЕЗБОЖНОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО из VIII книги Овидиевых превращений	II. Скилла или безбожное предательство 650	Перевел с Латинского Г. К.	Григорий Козицкий	650-658
III.	ПУБЛИЯ ОВИДИЯ НАСОНА ЕЛЕГИИ из первой книги Печалей ЕЛЕГИЯ II.	III. Публия Овидия Насона Елегии 659		Кирияк Кондратович	659-665
	ЕЛЕГИЯ III.		Переводил с Латинского Кирияк Кондратов	Кирияк Кондратович	665-671
IV.	Из книги IX Фарсалии. МАРКА АННЕЯ ЛУКАНА I. КАТОНОВО УВЕЩАНИЕ	IV. Из IX. книги Фарсалии. Марка Аннея Лукана 671		Григорий Козицкий	671-674
	II. РЕЧЬ ЛАБИЕНА ПРИ ХРАМЕ ЮПИТЕРА АММОНА К КАТОНУ; И ОТВЕТ СЕГО НА ОНУЮ		Перевел с Латинского Г. К.	Григорий Козицкий	674-676
V.	ОСТАВШИЕСЯ ДВЕ ОДЫ САПФОНЫ I. НА АФРОДИТУ	V. Оставшиеся две Оды Сапфоны 676		Григорий Козицкий	676-677
	II. НА ДЕВИЦУ		Перевел с Греческого Г. К.	Григорий Козицкий	677-678
VI.	Следующия песни...	VI. Песни 678		Александр Сумароков	678
	I. Сокрылись те часы, как ты меня искала...			Александр Сумароков	679-680
	II. В какой мне вредный день, ты в том меня уверил			Александр Сумароков	680-681
	III. Мы друг друга любим, чтож нам в том с тобою?			Александр Сумароков	681-682
	IV. Позабудь дни жизни сей...			Александр Сумароков	682-683
	V. Уж прошел мой век драгой...			Александр Сумароков	683-685

	VI. Тщетно я скрываю сердца скорби люты...		А. С.	Александр Сумароков	685-686
VII.	I. О НЕКОТОРОЙ ЗАРАЗИТЕЛЬНОЙ БОЛЕЗНИ	VII. Письма 687		Александр Сумароков	687-692
	II. О ДУМНОМ ДЬЯКЕ, КОТОРОЙ С МЕНЯ ВЗЯЛ ПЯТЬДЕСЯТ РУБЛЕВ			Александр Сумароков	692-698
	III. К ПОДЪЯЧЕМУ, ПИСЦУ или ПИСАРЮ, то есть, к таковому человеку, которой пишет, не зная того что он пишет		А. С.	Александр Сумароков	698-699
VIII.	ОДА. Все в пустом лишь только цвете...	VIII. Разные. Стихотворения 699		Александр Сумароков	699-701
	ПРИТЧА. ЛИСИЦА и ВИНОГРАД			Александр Сумароков	701-702
	ПЕСНЯ. Успокой смятенный дух...			Александр Сумароков	702-703
	РОНДО. Не думай ты чтоб я других ловила...			Александр Сумароков	703
	О АМЕРИКЕ		А. С.	Александр Сумароков	704
Оглавление					704
ДЕКАБРЬ					
№ Раздела	Заглавие в тексте	Заглавие в оглавлении	Подписано	Автор / Переводчик	Стр.
I.	РЕЧЬ О ПОЛЬЗЕ И ПРЕВОСХОДСТВЕ СВОБОДНЫХ НАУК Говорена марком Антонием Муретом, Пресвитером, Законоучителем и Гражданином Римским в Венеции 1555 году	I. Речь О пользе и превосходстве Свободных наук 707	С Латинского перевел Н. М.	Николай Мотонис	707-722
II.	ЕСХИНА СОКРАТИЧЕСКОГО ФИЛОСОФА РАЗГОВОР О ДОБРОДЕТЕЛИ: Можно ли оную приоб- рести учением?	II. Есхина Сократического Философа о Добродетели 722	Перевел с Греческого Г. К.	Григорий Козицкий	722-733

III.	Из второй книги историй ТИТА ЛИВИЯ ПАТАВИЯНИНА О ПОХОДЕ ФАБИЕВ ПРОТИВУ ВЕЕНТЯН	III. Из Тита Ливия 734	Перевел с Латинского Г. К.	Григорий Козицкий	734-738
IV.	СОН, ЩАСЛИВОЕ ОБЩЕСТВО	IV. Сон 738	А. С.	Александр Сумароков	738-747
V.	ИЗ ГОЛЬБЕРГОВЫХ ПИСЕМ	V. Из Гольберговых писем 748	Перевел с Дацкаго Иван Борисов	Иван Борисов	747-755
VI.	К ИЗДАТЕЛЮ ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЫ	VI. К издателю трудолюбивой Пчелы 755	К ***		755-757
VII.	О КОПИСТАХ	VII. О копиях 757	А. С.	Александр Сумароков	757-762
VIII.	К НЕСМЫСЛЕННЫМ РИФМОТВОРЦАМ	VIII. К несмыс- ленным риф- моторцам 763	А. С.	Александр Сумароков	763-767
IX.	РАСТАВАНИЕ С МУЗАМИ	IX. Раставание с Музами 768	А. С.	Александр Сумароков	768
	Оглавление				768

Коллектив авторов «Трудолюбивой Пчелы» представлял собой новую генерацию европейски образованных гуманистов. Если в Петровское время переводчики обучались языкам за границей, что ограничивало их во времени (некоторые были ограничены и в средствах), и это впоследствии отражалось на качестве переводов, то все переводчики «Трудолюбивой Пчелы» получили систематическое образование, предусматривающее знание древних и европейских языков. В 1735 г. по инициативе В.К. Тредиаковского и по распоряжению И.А. Корфа при Академии наук было учреждено Российское собрание как сообщество переводчиков для совместных обсуждений качества переводов, их принципов, совершенствования русского языка. Тредиаковский в этом собрании занимал должность секретаря. Он также был автором «Трудолюбивой Пчелы», но не как переводчик, а как автор двух собственных сочинений – сонета и

эссе. Сотрудники журнала – Козицкий, Мотонис, Крамаренков, Кондратович, Лобысевич – состояли в штате переводчиков Академии наук, Нартов впоследствии стал президентом Академии наук, Дмитриевский и Алексей Нарышкин – избраны в число академиков, Полетика работал переводчиком в Коллегии иностранных дел.

Издатель журнала Александр Петрович Сумароков, получив хорошее домашнее образование, в 15-летнем возрасте стал студентом первого набора Сухопутного шляхетского корпуса, где обучался восемь лет. Программа обучения предусматривала овладение французским, немецким, основами итальянского языка. Сухопутный шляхетский корпус вместе с академической гимназией считался в XVIII в. питомником русской образованности. В «Трудолюбивой Пчеле» Сумарокову принадлежат переводы с французского трактата Лонгина (через посредничество Буало), эссе из журнала

«Смотритель», отрывка из Вольтера, монолога из трагедии Корнеля; с немецкого Сумароков перевел монолог из китайской трагедии «Сирота» [4, вып. 3, с. 189-199].

Григорий Васильевич Козицкий, украинец по происхождению, в 1767 г. получил диплом на русское дворянство во многом благодаря своей филологической деятельности и знанию языков. Начал образование в Киево-Могилянской академии, где подружился еще с одним будущим автором «Трудолюбивой Пчелы» Николаем Мотонисом. В 1747 г. они окончили класс Гедеона Слонимского, успешно освоив латинский, греческий и европейские языки, и продолжили обучение в Германии и Пруссии. Не имея материальной поддержки, студенты в 1749 г. обратились в Российскую Академию наук с просьбой считать их своими пенсионерами на трехлетний срок, пока они будут изучать в Лейпциге языки, философию и математику. Козицкий и Мотонис были приняты в число студентов Академического университета и получили жалованье по 100 руб. ежегодно. Со своей стороны, Академия просила малороссов усердно осваивать великорусский язык и стиль, правописание и орфографию.

По возвращении в Петербург (1756 г.) Козицкий и Мотонис стали сотрудниками Академии, занимались преподавательской деятельностью и выполняли обязанности переводчиков с древних языков и на древние языки, в частности Козицкий сделал несколько переводов «Слов...» Ломоносова на латинский язык. Ломоносов, в свою очередь, в 1760 г. поручил Козицкому преподавать греческие и латинские словесные науки. Знания языков были востребованы не только в учительской, но и в журнальной деятельности. Козицкий до сотрудничества с «Трудолюбивой Пчелой» сделал несколько переводов для академического журнала «Ежемесячные сочинения» с греческого, латинского, французского языков, так что редак-

ция пригласила Козицкого возглавить контроль за всеми переводами в издании, но он отказался. Сотрудничество с «Трудолюбивой Пчелой» продолжило переводческую деятельность Козицкого, благодаря ему на страницах журнала появились древнегреческие авторы Бион, Лукиан, Ксенофонт, Димофил, Мосх, Сапфо, Эсхин и латинские – Овидий, Лукан, Тит Ливий. Козицкий популяризировал в России и английскую литературу, правда, через посредничество немецкого языка. Ему принадлежит перевод отрывка из «Сказки о бочке», атрибутированный Дж. Свифту.

Выдающиеся филологические способности Козицкого позволили ему в 1762 г. войти в Комиссию нового Уложения для выправления российского штиля. Знание иностранных языков оказалось востребованным российским государством – в 1763 г. Козицкий занял должность секретаря с обязанностями вести переписку с иностранными государствами в Канцелярии опекунства иностранных. В 1765 г. Екатерина II, работая над «Наказом», использует его как переводчика с французского, он становится редактором данного текста. Козицкому поручают четырехязычное издание «Наказа», он делает латинский перевод для ученой европейской элиты. В 1768 г. Козицкий возглавляет Собрание, одно из дел которого – издание переводных книг; над переводами трудилось более 100 человек. В воспоминаниях современников Козицкий остался как блестящий знаток русского языка, переводчик образцовых текстов, тонкий стилист [4, вып. 2, с. 93-98].

Николай Николаевич Мотонис после возвращения из Европы в 1759 г. был избран адъюнктом Академии наук с обязанностями преподавания древних языков в старших классах Академической гимназии. В 1760 г. Академическая канцелярия просила Мотониса стать редактором переводов в «Ежемесячных сочинениях» с окладом 100 руб. в год. Он переводил для академии учебные

труды с латинского языка, с немецкого – научные статьи. Вместе с Козицким был привлечен для работы в Комиссию нового Уложения с обязанностью правки и корректуры, подготовки чистового текста для печатания. В 1767 г. Мотонис был избран почетным членом Академии наук. В журнале «Трудолюбивая Пчела» ему принадлежат переводы с латинского Эразма Роттердамского, Муре; с греческого – Максима Тирского, Гиерокла. Современники ценили Мотониса как лингвиста, переводчика, стилиста [4, вып. 2, с. 303-304].

Андрей Андреевич Нартов получил образование в Академической гимназии и университете, затем – в Сухопутном шляхетском корпусе. Прославился как переводчик с немецкого и французского языков. Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» назвал Нартова человеком ученым и просвещенным, искусным во французском, немецком и своем природном языках; «его переводы весьма много похваляются, и он чрез сие приобрел немалое к себе почтение, а за некоторые из его переводов и заслужил великую похвалу» [5, с. 145-147]. Обучал переводам цесаревича Павла Петровича. Помимо художественного и исторического, занимался научным переводом, составил латино-русско-немецкий «Словарь минералогический», внес вклад в развитие и упорядочение русской терминологии. С 1801 г. занимал должность президента Российской Академии, в 1802 г. огласил для академиков свое «Начертание о переводах и ежемесечных сочинениях, каковые Российской Академия издавать в свет намерена». Программа предусматривала в короткие сроки сделать новые переводы классических авторов и распространять их силами Российской Академии [4, вып. 2, с. 321-326]. В «Трудолюбивой Пчеле» Нартову принадлежат два перевода с немецкого: журнальной статьи «Достоинства меньше почитаются, нежели богатство» и «Опыта немецкого словаря,

расположенного по русскому алфавиту» из сатирических сочинений Готлиба Вильгельма Рабенера.

Иван Афанасьевич Дмитревский учился в Ростовской духовной семинарии. Был отмечен в спектаклях ярославской труппы под руководством Ф. Волкова и в 1752 г. по указу императрицы Елизаветы привезен в Петербург для продолжения общего и театрального образования в Сухопутном шляхетском корпусе под руководством Сумарокова. Изучал за границей английский и французский театр, совершенствовал декламацию и сам представлял российский театр на зарубежной сцене. Дмитревский занимался педагогикой, преподавал сценическое искусство и российский язык в Смольном институте. Литературная деятельность Дмитревского началась в 1759 г. в «Трудолюбивой Пчеле», для которой по заказу Сумарокова он перевел с французского три «Речи» из журнала Р. Стиля и Дж. Аддисона «Зритель». Переводческая деятельность и в дальнейшем занимала большой объем его литературного творчества. Дмитревский состоял членом общества «Беседы любителей русского слова», в 1802 г. был избран в члены Российской Академии, писал отзыв о «Российской грамматике» И.-С. Фатера и «Обозрении малороссийского наречия» А.П. Павловского [4, вып. 1, с. 266-268].

Василий Иванович Крамаренков с 1751 по 1755 г. проходил курс обучения в Гимназии Академии наук, в 1759 г. стал студентом Академического университета за выдающиеся успехи в науках и языках. В связи с отъездом немецкого руководителя профессора И.-Х. Гебенштрейта, под началом которого он занимался естественными науками, Крамаренков кардинально сменил направление научной деятельности и перешел к изучению свободных наук. В течение нескольких лет он занимался латинским языком, красноречием и стилистикой у профессора Фишера

и философией у профессора Брауна. В свободное время занимался переводами. Крамаренков на высоком уровне овладел латинским, французским, немецким языками и по окончании университета в 1760 г. остался в Академии переводчиком. В «Трудолюбивой Пчеле» был опубликован его перевод с латинского «Басни о Фазтонтее» из Овидиевых «Метаморфоз» [4, вып. 2, с. 140].

Кирияк Андреевич Кондратович, племянник архиепископа Рязанского и Муромского Гавриила Бужинского, с 1715 г. на собственные средства учился в Киево-Могилянской академии и окончил полный курс в 1730 г. В 1727-1728 гг. в Рязани преподавал в славяно-греко-латинской школе латинский язык, затем вернулся в Киев для завершения обучения. В 1731 г. был вызван в Петербург и назначен придворным студентом. Помогал Феофану Прокоповичу переводить богословские труды с латинского языка. По просьбе В.Н. Татищева был отправлен в Екатеринбург, где преподавал в школе латинский язык и логику, помогал Татищеву в его работе над «Историей Российской», переводил с латинского языка труды, связанные с историей России. Кроме того, занимался переводами специальной научной литературы с немецкого и польского. В 1742 г., переправляясь через Каму, утопил все свои пожитки, но сохранил переводы. В 1743 г. был принят старшим переводчиком в Академию наук, где служил до конца жизни. Переводил для Академии наук с латинского языка труды по истории и географии славян, готов, шведов, с польского – для Герольдмейстерской канторы делал переводы из гербовников. С 1748 г. работал в Академической гимназии учителем латинского языка. Наряду со служебными поручениями, делал по собственному выбору художественные переводы, преимущественно античной и немецкой литературы. Еще одним увлечением Кондратовича была лексикографиче-

ская работа. В Екатеринбурге он делал подборки слов из языков народностей Сибири. Долгое время перерабатывал словарь Х. Целлария «Целяриев дикционер русский с латинским». Предпринял перевод многоязычного словаря А. Калепино «Лексикон российский двенадцатязычный калепинский». Издал «Польский общий словарь» (1775) и «Дикционер, или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произражениях, то есть древах, травах, цветах, семенах...» (1780). Являлся также переводчиком «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, элгий Овидия (именно они были опубликованы Сумароковым в «Трудолюбивой Пчеле»), «Трудов и дней» Гесиода, диалогов Лукиана, «Речей» Цицерона (1762). Многие переводы Кондратовича так и остались неопубликованными, поскольку были написаны тяжеловесным языком, стилистически пестрым, с включением украинизмов. Несмотря на журнальное сотрудничество, в последнем номере в статье «О копиях» Сумароков сделал выпад в сторону Кондратовича, обвинив в том, что он умножает в русском языке полонизмы [9, с. 135]. Письменная перебранка переросла в рукоприкладство. В начале 1780-х гг. Кондратович в прошении на имя Платона Левшина ходатайствовал о написании диссертации, в которой он намеревался дать систематическое изложение своих взглядов на практику перевода и для чистых российских переводов на благо обществу сформулировать около 200 правил [4, вып. 2, с. 115-118].

Семен Васильевич Нарышкин, как и младший брат Алексей, вероятно, получил домашнее образование, в последние годы жизни занимал пост директора Петербургского горного училища. В семье отца была большая библиотека, по которой впоследствии с русской литературой знакомился друг братьев – Д. Дидро, в 1773 г. приглашенный Екатериной II в Петербург. В 25 лет Семен Нарышкин пере-

вел речь Ф.-Г. Штрубе де Пирмонта «Слово о начале и переменах российских законов» (1756), которую произнес в Академии наук 6 сентября 1756 г. Литературная деятельность Семена Нарышкина началась в журнале «Ежемесячные сочинения» (1755-1758), для которого он писал как оригинальные произведения, так и делал переводы («Стансы», «Похвала пастушеской жизни», «О уединении» – прозаический отрывок из «Мнений» графа Ю.Т. Оксеншерны, мадригал П. Корнеля «Тюльпан» и некоторые др.). В 1759 г. он переходит в журнал «Трудолюбивая Пчела», для которого продолжает переводить «Мнения» Оксеншерны, в частности эссе «О двух путях, которыми люди в свою жизнь идут». В 1760-е гг. Семен Нарышкин пользовался успехом как литератор и стихотворец, а его переводы были приняты с одобрением, как указывалось в лейпцигском «Известии о русских писателях» (1768) [4, вып. 2, с. 330-332].

Алексей Васильевич Нарышкин, младший брат Семена Нарышкина, получил домашнее образование под руководством Иннокентия Нечаева – будущего архиепископа Псковского и Рижского. Сам о себе Алексей Нарышкин говорил как о человеке, немного владеющем пером на родном языке. Автор двух историко-философских книг, написанных на французском языке. Как поэт и переводчик Алексей Нарышкин впервые заявил о себе в «Трудолюбивой Пчеле» Сумарокова, где совместно с братом опубликовал прозаические отрывки «О несовершенстве человеческого», «О верности», «О многоговорливом» из «Мнений» Ю.Т. Оксеншерны. Лейпцигское известие (1768) сообщало, что его литературный талант имел еще больший успех, чем у старшего брата. В 1787 г. Алексей Нарышкин избирается в члены Российской Академии наук с мотивацией: отличное знание русского языка и труды, написанные на его совершенствование [4, вып. 2, с. 327-330].

Сергей Иванович Глебов принадлежал к древнему дворянскому роду, был инженерным офицером, военным. Литературная деятельность Глебова началась в качестве переводчика с французского в 1759 г. в журнале «Трудолюбивая Пчела». В сентябрьском номере вышли его переводы прозаических фрагментов «Путь от рождения до смерти» и «О лестии» из «Мнений» Оксеншерны. Впоследствии для журнала «Невинное упражнение» делал переводы из Вольтера, кардинала Ф.-Ж. де Берниса. По воспоминаниям Е.Р. Дашковой, Сергей Глебов был человеком обширного знания и просвещения, который любил словесные науки и много в них упражнялся. Для Сухопутного шляхетского корпуса Глебовым в 1764 г. были переведены «Военные правила Вегетиевы» – компилятивный трактат древнеримского писателя IV в. Флавия Вегетия о военном искусстве. В 1765 г. вышел из печати перевод с французского перевода А. Дасье «Жизнеописаний» Плутарха. С точки зрения переводческих принципов, Глебов старался по возможности ассимилировать текст в восприятии русского читателя, склонить иностранные драматические сочинения на русские нравы [4, вып. 1, с. 197-198].

Григорий Иванович Полетика, украинский дипломат, переводчик. В 1745-1750 гг. учился в Киево-Могилянской академии и Московской славяно-греко-латинской академии, с 1750 г. зачислен в университет при Санкт-Петербургской Академии наук. По окончании пятилетнего обучения в 1755 г. получил назначение на работу в Коллегии иностранных дел переводчиком с латинского и польского языков. Переводил с латинского для «Ежемесячных сочинений»: февральский номер 1758 г. «Речь на полуученых» из проповедей о. Паулина, и для февральского номера «Трудолюбивой Пчелы» из того же источника – «Речь Павлина А Санкто Иозефо о том, что в учении спешить не должно». За без-

упречную дипломатическую службу в 1786 г. получил орден св. Владимира IV степени [6, с. 433].

Афанасий Кириллович Лобысевич пять лет учился в Киевской духовной академии и шесть лет в Академическом университете. С 1760 г. состоял в штате переводчиков при Академии наук. «Трудолюбивая Пчела» стала местом литературного дебюта: для журнала он перевел с латинского языка отрывки из Цицерона – «Рассуждение о войне» и «Слово к Цезарю» совершенствование [4, вып. 2, с. 212].

Биография Филиппа Геннингера остается невыясненной, но можно предположить, что он был сыном Кондратия Ивановича Геннингера, академика Императорской Академии наук, учителя принцессы Анны Леопольдовны, вице-президента Мануфактур-коллегии. Занимал должность юнкера Коллегии иностранных дел. В «Трудолюбивой Пчеле» ему принадлежит перевод с латинского сатиры Квинта Горация Флакка.

Сведений о студенте Иване Борисове не сохранилось. В «Трудолюбивой Пчеле» ему принадлежит единственный перевод с датского языка «Из Гольберговых писем».

Сотрудники журнала составляли переводческую элиту середины XVIII столетия, некоторые, как, например, Кондратович, Глебов, высказывались по поводу теоретического осмысления практики перевода. Программа переводческой деятельно-

сти свидетельствовала о тонком эстетическом вкусе издателя журнала. Если, по утверждению Ю.Д. Левина, в середине XVIII в. для перевода брались в основном произведения среднего или даже низкого качества, не оставившие следа на родине, однодневки [7, с. 155], то страницы «Трудолюбивой Пчелы» были отданы лучшим творениям, начиная с писателей IV в. до н.э. (Ксенофонт) до современников (Вольтер).

На основе росписи содержания журнала была составлена таблица 2, в которой отражены важные характеристики авторов «Трудолюбивой Пчелы».

В.Д. Рак с сожалением писал, что до настоящего времени переводы «Трудолюбивой Пчелы» не были исследованы систематически, не подвергались совокупному историко-литературному анализу [8, с. 126]. Ученый предположил, что переводы вряд ли сводились к каким-либо прямолинейным целям, «а были, вероятно, рождены более глубинными творческими процессами» [8, с. 130]. С нашей точки зрения, историко-литературный метод, пусть даже и системный, не откроет этого самого глубинного механизма выбора переводной литературы. Ключом к пониманию издательской интенции Сумарокова может стать мататекстовый подход к интерпретации каждого номера «Трудолюбивой Пчелы», который мы пытались обосновать, предложив свой опыт прочтения нескольких помесечных книжек журнала [9].

Таблица 2

Состав авторов журнала «Трудолюбивая Пчела»

№	Автор / Переводчик	Возраст на период сотрудничества с ТП	Кол-во стр.	%
1.	Сумароков Александр	42	338	44,82
2.	Козицкий Григорий	35	160	21,22
3.	Мотонис Николай	?	56	7,42
4.	Лобысевич Афанасий	27	34	4,50
5.	Нартов Андрей	23	33	4,37
6.	Дмитревский Иван	23	28	3,71
7.	Крамаренков Василий	27	21	2,78
8.	Геннингс Филипп	?	18	2,38
9.	Кондратович Кириак	56	13	1,72
10.	Нарышкин Семен	28	10	1,32
11.	Третьяковский Василий	56	9	1,19
12.	Борисов Иван	?	9	1,19
13.	Нарышкин Алексей	17	5	0,66
14.	Аблесимов Александр	17	4	0,53
15.	Глебов Сергей	23	4	0,53
16.	Полетика Григорий	24	4	0,53
17.	Ржевский Алексей	22	3	0,39
18.	К*** (автор анонимного письма)	?	3	0,39
19.	Нарышкин Василий	21	1	0,13
20.	Сумарокова Екатерина	13	1	0,13

Список литературы

1. Неустроев А.Н. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703-1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных А.Н. Неустроевым, поч. вольн. общник. Ак. худож., поч. чл. Рязан. о-ва сел. хоз-ва Одоев. о-ва сел. хоз-ва и др. Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1874. LXXII, 878 с.
2. Александр Петрович Сумароков (1717–1777). Жизнь и творчество: сб. ст. и материалов / сост. Е.П. Мстиславская. Москва: Пашков дом, 2002. 304 с.
3. Хуэйцзюнь Ю. А.П. Сумароков – автор «Трудолюбивой пчелы»: устоявшаяся точка зрения и беспристрастная статистика // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 1. С. 101–113.
4. Словарь русских писателей XVIII века: в 3 т. Вып. 1: А–И. / отв. ред. А.М. Панченко. Ленинград: Наука, 1988. 357 с.; Вып. 2: К–П. Санкт-Петербург, 1999. 508 с.; Вып. 3: Р–Я. Санкт-Петербург, 2010. 471 с.
5. Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известиями, и словесных преданий. [Б. м.], 1772. 128 с.
6. Хижняк З.І. Києво-Могилянська академія в іменах XVII-XVIII ст: Енциклопедичне видання. Київ: Києво-Могилянська Академія, 2001. 736 с.
7. История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век / отв. ред. Ю.Д. Левин. Санкт-Петербург; Кельн: Буланин; Böhlau, 1995. Т. 1: Проза. 316 с.
8. Рак В.Д. Статьи о литературе XVIII века. Санкт-Петербург: Пушкинский дом, 2008. 637 с.
9. Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В. Коммуникативная стратегия журнального метатекста «Трудолюбивой Пчелы» А.П. Сумарокова (на примере декабрьского номера) // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 2. С. 126–141.

Сведения об авторах:

Растягаев Андрей Викторович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой филологии и философии Самарского государственного института культуры

ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010
avr67@yandex.ru

Сложеникина Юлия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Самарского государственного института культуры

ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010
goldword@mail.ru

Дата поступления статьи: 18.05.2021

Одобрено: 27.05.2021

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования:

Растягаев А.В., Сложеникина Ю.В. Роспись содержания журнала «Трудолюбивая Пчела» [1759] // Сфера культуры. 2021. № 2 (4). С. 85–111. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_85

УДК 821(051)

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_85

A.V. Rastyagayev, Yu.V. Slozhenikina

Samara
Samara State Institute of Culture
avr67@yandex.ru
goldword@mail.ru

A LIST OF THE CONTENTS OF THE JOURNAL

«THE INDUSTRIOUS BEE» (1759)

This article lists the contents of all 12 issues of the first private monthly journal «The Industrious Bee» (1759), edited and published by the Russian writer, poet, and playwright Alexander Sumarokov. The journal included both original works and translations from ancient and Western European literature (161 original and 52 translated pieces). The journal included the genres of «allegory», «fable», «idyll», «prayer», «monologue», «ode», «song», «letter», «parable», «psalm»,

«conversation», «discourse», «speech», «rondo», «satire», «tale», «word», «sonnet», «stanza», «eclogue», «elegy», «epigram» and «epistle». The article also provides biographical information about the main authors and translators of the journal and calculates the percentage of their participation in it.

Keywords: «The Industrious Bee», Sumarokov, history of Russian literature, journalism, 18th century.

References

1. Neustroev, A.N. (1874) *Istoricheskoe rozyskanie o russkikh povremennykh izdaniikh i sbornikakh za 1703-1802 gg., bibliograficheski i v khronologicheskome poriadke opisannykh* A.N. Neustroevym [Historical Research on Russian Contemporary Periodicals and Collections for 1703-1802, Bibliographically and Chronologically Described by A.N. Neustroev]. St. Petersburg: tip. t-va "Obshchestv. Pol'za". (In Russian).
2. Aleksandr Petrovich Sumarokov (1717–1777). *Zhizn' i tvorchestvo: Sb. st. i mat. Sost. E.P. Mstislavskaia* [Alexander Petrovich Sumarokov (1717–1777) Life and Work: Collection of Articles and Materials. Compiled by E.P. Mstislavskaia] (2002). Moscow: Pashkov dom. (In Russian).
3. Khueitsiun', Iu. (2012) A.P. Sumarokov – avtor «Trudoliubivoi pchely»: ustoiavshaiasia tochka zreniia i besstrastnaia statistika [Sumarokov the Author of "The Industrious Bee": The Common Opinion and the Impartial Statistics]. *Iazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 1, 101–113. (In Russian).
4. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, v 3 t. [Dictionary of Russian Writers of the 18th century] (1988–2010). Otv. red. A. M. Panchenko. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).
5. Novikov, N.I. (1772) *Opyt istoricheskogo slovaria o rossiiskikh pisateliakh. Iz raznykh pechatnykh i rukopisnykh knig, soobshchennykh izvestii, i slovesnykh predanii* [Attempt at an Historical Dictionary of Russian Writers]. N. p. (In Russian).
6. Hizhnyak, Z.I. (2001) *Kievo-Mogilians'ka akademiia v imenakh XVII-XVIII st: Entsiklopedichne vidannia* [The Kiev-Mohyla Academy: the names of academy graduates in the 17–18th centuries: Encyclopedic Edition]. Kiev: Kievo-Mogilyans'ka Akademiya. (In Ukrainian).

7. *Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury: Drevniaia Rus'. XVIII vek* [History of Russian translated fiction: Ancient Russia. XVIII century] (1995). Ed. Iu. D. Levin. St. Petersburg; Köln: Bulanin; Böhlau, Vol. 1. Proza. (In Russian).
8. Rak, V.D. (2008). *Stat'i o literature XVIII veka* [Articles on the Literature of the XVIII Ccentury]. St. Petersburg: Pushkinskii dom. (In Russian).
9. Slozhenikina, Iu.V., Rastiagaev, A.V. (2011) Kommunikativnaia strategiiia zhurnal'nogo metateksta "Trudoliubivoi Pchely" A.P. Sumarokova (na primere dekabr'skogo nomera) [The Communicative Strategy of the Journal Metatext of "The Industrious Bee" by A. P. Sumarokov (The Example of the December Issue)]. *Iazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 2, 126-141. (In Russian).

About the authors:

Andrey V. Rastyagayev, Doctor of Philological Sciences, Chair, Samara State Institute of Culture

167 Frunze Str., office 304, Samara, 443010
avr67@yandex.ru

Yulia V. Slozhenikina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Acting Vice-Rector for Research and International Affairs, Samara State Institute of Culture

167 Frunze Str., office 210, Samara, 443010
goldword@mail.ru